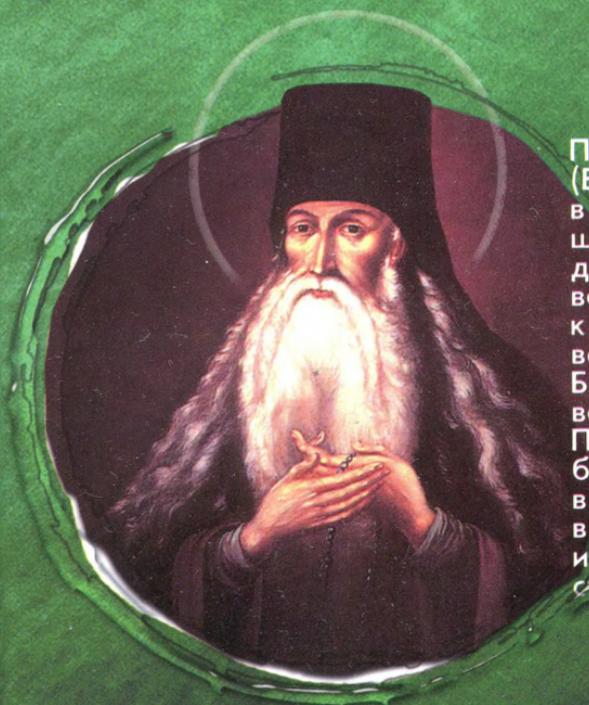

Протоиерей Константин Островский

ДРЕВО ПАИСИЯ

Преподобный Паисий (Величковский) пробудил в православном монашестве широкое духовное движение, во многих возбудил стремление к внутреннему молитвенному деланию. Благотворное духовное воздействие святого Паисия сказалось более чем в 100 монастырях в России и в других странах.

книга о
преподобном **ПАИСИИ (ВЕЛИЧКОВСКОМ)**
и его последователях

ПРОТОНЕРЕЙ
КОНСТАНТИН ОСТРОВСКИЙ

ДРЕВО ПАИСИЯ

СИНОПСИСЬ
МОСКВА
2020

УДК 253
ББК 86.372
076

Художник: **Марат Шестаков**

*Рекомендовано к публикации
Издательский Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-918-0672*

Константин Островский, протоиерей

076 Древо Паисия. — М.: «Синопись», 2020. — 252 с.

Новая книга протоиерея Константина Островского «Древо Паисия» посвящена преподобному Паисию (Величковскому) и его духовному наследию. Преподобный Паисий не только сам достиг христианского совершенства, но своим примером и с помощью опубликованных им книг о молитве и борьбе со страстями указал деятельный путь ко спасению множеству своих учеников и через них другим монахам и мирянам в России, на Украине, в Молдавии, Румынии, Греции и в других странах.

**УДК 253
ББК 86.372**

© Протоиерей Константин
Островский, 2020
© Синопись, 2020
© ИП Носкова, Дизайн, макет,
оформление, 2020

ISBN 978-5-6043595-3-2

СЛОВО О МОЛИТВЕ

Почти двести лет тому назад в Саратове жил епископ Иаков по фамилии Вечерков. Он управлял своей большой епархией и был человеком очень кротким и добрым. За это его почитали не только православные христиане, но даже иноверцы. Видя милосердие владыки Иакова и его любовь, очень многие из них захотели быть с ним в одной Церкви, и таких обратилось к истинной вере десятки тысяч.

Епископ Иаков не только совершал Божественные службы в храмах своей епархии и не только обращал заблуждающихся в православие, но и много занимался с молодыми семинаристами и даже с детьми, хотя при его великих заботах, казалось бы, как найти на всё это время? Владыка очень любил детей и придавал большое значение их церковному воспитанию.

Однажды, выйдя на амвон после совершения литургии, епископ Иаков увидел перед собой нескольких детей и обратился к ним с замечательным словом, которое мы здесь приведём полностью:

«Хочу я, дети, побеседовать с вами о молитве. Знаете ли, как надо себя приучать к молитве? Нужно сперва понемногу молиться, но как можно чаще. Молитва, как искра: она с течением времени может превратиться в великий пламень, но, чтобы воспламенить эту искру, нужно неослабное усердие, нужно время и нужно уменье. Возьмём, например, два угля: один — огненный, а другой — простой, холодный.

Попробуйте воспламенить этот холодный огнём другого — что для этого нужно сделать? Надо приложить холодный уголь к огненному. Но и приложив их так-то, вы холодного угля не воспламените, если не будете понемногу и постоянно дуть на огненный уголь. Если будете дуть на него слишком сильно, то из него будут вылетать искры, но холодный уголь не воспламенится, и труд ваш будет напрасен. А вот если будете дуть на огненный уголь постоянно и умеренно, то скоро весь ваш холодный, приложенный к нему уголь превратите в огонь. Тогда будут пламенеть не только оба ваши угля, но, если вы их и отдалите друг от друга на известное расстояние, загорится и все, что вы между ними поставите или положите, и тогда может разлиться целое море пламени.

Но чтоб зажечь в печке сырые дрова или воспламенить и раздуть влажный уголь, сколько для этого нужно и времени, и труда, и терпения, а, главное, постоянства! И вот говорю вам, мои деточки, — молитва есть огонь, и ещё говорю, что она — уголь горящий, а сердца наши — холодные угли. Поэтому и надо нам каждый день молиться — это всё то же, что приложить холодный уголь своего сердца к огненному углю молитвы и раздувать его понемногу. Поверьте мне, дети, что, если вы послушаетесь меня и будете каждый день молиться понемногу, но постоянно, то сердца ваши воспламятся любовью огня Божественного. Но только смотрите не молитесь порывами — не выдувайте искр из огненного угля молитвы: помните, что за порывом вслед ходит лень, и искрами не воспламените угля своего сердца.

Начинайте так: сперва по три поклончика, говоря: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго» и поклон, «Пресвятая Владычице наша Богородице, спаси мя грешнаго» и тоже — поклон; «Вси святии, молитесь о мне грешном» — поклон, — да и будет. А завтра опять,

непрерывно, повторяйте. И так продолжайте изо дня в день и впредь; и заметите тогда, дети, что поначалу лень вас будет одолевать, как тяжесть какая, но, если вы будете постоянно класть по три поклона, то после увидите, что вместо трёх, вас потянет класть и более, и тогда сама молитва будет от нас требовать умножения поклонов. Это уже будет означать, что уголь сердца стал возгораться силою веры и воспламеняться любовью к Богу и что постоянство ваше стало приносить вам и плоды, от которых умножается жажда молитвы.

Испытайте-ка, деточки, мои слова на деле и увидите, что это так и бывает, как я вам говорю. Прибегайте к Богу, как к родимой матери: Он благ и всеведущ, Он любит нас, как мать любит своих детей. Если вы будете просить Его, Он непременно услышит вас и исполнит вашу просьбу, если только она не противна Его святой воле. Он Сам сказал: «Просите, и дастся вам», — и поэтому смело прибегайте к Нему во всех ваших нуждах: идёшь в училище, — преклони колени, но так, чтобы тебя никто не видел, кроме Бога, и попроси, чтобы Он озарил твой ум и память, и ты увидишь, что скорее и лучше будешь знать уроки, чем другие или сам ты прежде, когда не обращался за этим к Богу.

Так поступайте всегда, перед всяким вашим делом. Молитесь, деточки, молитесь чаще; прощайте обижающим вас, и Бог мира будет всегда с вами. Каждый вечер и день кайся перед Господом, в чём согрешил, и моли Его благость, и в чём согрешил, уже старайся не делать более, и, если как-либо и опять согрешишь, опять тотчас кайся и говори: «Господи, я согрешил — помилуй меня и помоги мне исправиться». И Он простит тебя и поможет твоему исправлению. Молитесь, дети, чаще Богу, и Он спасёт вас».

Один из мальчиков, слушавших эту проповедь епископа Иакова о молитве, по фамилии Попов, через много лет стал игуменом Феодосием. Он записал её по памяти.

Казалось бы, всё ясно и понятно: не осуждай никого; прощай, кто перед тобой виноват, и кайся перед Богом в своих грехах; молись сначала понемногу, но ежедневно; ум держи в словах молитвы, которые произносишь, и постепенно прибавляй число молитв, чтобы со временем, по благодати Божией, обрести непрестанную молитву в сердце, которая, как огонь, охватит тебя всего. Кратко это называется умным деланием — просто, для всех возможно, а для обретения благодати Святого Духа — в этом цель жизни христианской — необходимо. И даже трудно поначалу поверить, что ещё за несколько десятилетий до истории, которую мы рассказали, умное делание на Руси было почти совсем забыто.

Многие люди жили благочестиво, веровали во Христа — все, молитвенные правила исполняли, в храмы Божии ходили, тяжких грехов избегали. А о том, что необходимо ещё и потрудиться над очищением своего сердца от страстей (то есть греховных привычек и склонностей) и над тем, чтобы ум в соединении с сердцем непрестанно пребывал в молитве Богу, русский православный народ почти забыл.

Отдельные святые, истинные делатели сердечной молитвы, конечно, бывали, о некоторых из них мы ещё упомянем в нашей книге, но в общем духовная жизнь на Руси при всём её внешнем подчас великолепии пришла в упадок. А вывел её из упадка Господь через замечательного святого подвижника и духовного писателя — архимандрита Паисия (Величковского).

Преподобный Паисий не только сам достиг совершенства в духовной жизни, но своим примером и с помощью опубликованных им книг о молитве и борьбе со страстями указал деятельный путь ко спасению множеству своих учеников и через них другим монахам и мирянам в России, Молдавии и в других странах.

(Говоря о России, здесь и в других местах мы всегда будем иметь в виду пределы Российской Империи, какими они были в описываемые нами времена, потому что тогда не только Церковь была едина, но и государство было одно: современные Россия, Украина и Белоруссия были её частями. Поэтому, уважая современное политическое устройство мира, всё же нет никакого смысла каждый раз упоминать, что такой-то монастырь был на территории современной России (например, Оптина пустынь), а такой-то — на территории современной Украины (например, Глинская пустынь)).

Несколько книг духовного содержания святой Паисий написал сам, но главным подвигом его жизни был перевод писаний святых отцов на церковнославянский язык и их распространение по многим иноческим обителям. Благотворное духовное воздействие святого Паисия сказалось более чем в 100 монастырях множества епархий Русской Православной Церкви. Протоиерей Сергей Четвериков в своей книге «Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество» так сказал о значении его подвига:

«Даже если бы всё дело старца Паисия Величковского заключалось в примере личной святости, в устройении монашеского общежительного братства на древних святоотеческих основаниях и в исправлении святоотеческих книг, то и в таком случае это дело было бы немаловажно для православной Церкви и православного монашества и общества.

Но старец Паисий сделал больше: он создал школу духовной жизни, он пробудил в православном монашестве широкое духовное движение, он зажёл сердца многих любовью к духовной жизни, возбудил стремление к внутреннему монашескому подвигу, к духовному деланию. Под влиянием старца Паисия Величковского в православном

иночестве воспиталось много замечательных подвижников, всецело усвоивших заветы старца.

Постоянной молитвой, неослабным вниманием к себе, самоиспытанием, внутренней борьбой с помыслами, откровением помыслов, послушанием и смирением, внимательным изучением святоотеческих книг и соблюдением евангельских заповедей они достигали высокой степени духовной жизни и приобретали большое влияние не только на свою братию, монашествующих, но и на мирян, иногда даже высокообразованных не только в светском, но и в богословском смысле.

Начавшись во второй половине XVIII века, это духовное движение продолжало развиваться на протяжении всего XIX века вплоть до самой революции».

КРАТКОЕ ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ (ВЕЛИЧКОВСКОГО), И НЕМНОГО О ПРЕПОДОБНОМ ВАСИЛИИ ПОЛЯНОМЕРУЛЬСКОМ

Родился преподобный Паисий (в святом Крещении — Петр) в городе Полтава, на Украине в священнической семье Величковских — его брат, отец, дедушка и прадедушка были священниками одной и той же церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы города Полтавы. Четырех лет от роду младенец лишился отца, а в отрочестве — и старшего брата. Воспитала Петра его мать, которую звали Ирина.

Петр рос очень тихим, кротким, серьезным, молчаливым и глубоко религиозным мальчиком. В шесть лет он научился читать, и чтение сделалось его любимым занятием. В скорости Петр перечитал все духовные книги, какие только смог найти в своем доме и в церковной библиотеке: Библию, жития святых, поучения святителя Иоанна Златоустого и преподобного Ефрема Сирина. Такое чтение пробудило в нем особенную любовь к монашеской жизни.

Благочестивый пример родной семьи, рассказы странников о святых местах и участие в богослужениях поддерживали и усиливали в Петре такое настроение. Он был всецело погружен в свою внутреннюю жизнь, в сокровенное молитвенное пребывание с Богом. При этом мальчик

Прп. Паисий
Величковский.

Нямецкий
монастырь

Прп. Василий
Поляномерульский

Прп. Феодосий
(Маслов)

Схим. Афанасий
(Охлопов)

Ильинский скит на г. Афон

не был унылым или угрюмым; наоборот, его лицо всегда было радостным и приветливым.

На тринадцатом году жизни Петр поступил в Киевскую духовную академию (в те годы в духовную академию поступали рано, зато учились долго). Он учился отлично и вёл себя очень хорошо. Мать надеялась, что Петр со временем женится и станет приходским священником, но в душе будущего святого уже в те юные годы созрело стремление к монашеству и углублённой духовной жизни.

Поэтому восемнадцати лет от роду Петр оставил академию и поступил в монастырь. Главным послушанием его стало переписывание книги «Лествица» преподобного Иоанна, игумена Синайского. Это было промыслительно, потому что в дальнейшем преподобный Паисий прославился как раз переводом на церковнославянский язык творений святых отцов.

Но мать Петра, Ирина, очень скорбела от разлуки с сыном, она хотела, чтобы он жил в миру, и усердно просила об этом Бога. Тогда ей явился Ангел Господень и сказал: «Окаянная, что это ты делаешь? Вместо того, чтобы от всей души и от всего сердца твоего возлюбить Господа Бога, Создателя твоего, ты больше всего возлюбила твоего сына и ради безрассудной и богопротивной любви твоей можешь подпасть вечному осуждению. Но да будет тебе известно, что твой сын непременно будет монахом. Подобаает же и тебе подражать ему в этом: отречься от мира и стать монахиней». После такого вразумления свыше Ирина уже не стала препятствовать благому намерению сына и сама тоже приняла монашество.

В первые годы своего иночества Петр обошёл несколько разных монастырей на Украине, а затем в Молдавии, желая найти себе духовного руководителя, чтобы идти путём ко спасению в полном послушании старцу. Он пережил много опасностей, скорбей и трудностей; встречал иногда

людей высокой духовной жизни и многому у них научился. Особенную роль в духовном становлении будущего великого старца сыграл преподобный Василий Поляномерульский.

Преподобный Василий родился в России в самом конце XVII века и начал монашескую жизнь в обители неподалёку от Киева, потом переселился в Молдавию, где вокруг него постепенно собралась монашеская община. Преподобный Василий не только сам преуспел в умном делании молитвы Иисусовой, но и обладал даром духовного наставничества, почему многие его ученики тоже преуспевали в борьбе со страстями и приобщались благодати Святого Духа.

Поляномерульский скит, основанный преподобным Василием в 1733 году, быстро стал одним из важнейших духовных центров в Молдавии в то время. В 1743 году туда с Украины пришёл будущий преподобный Паисий (Величковский), который прожил в скиту более трёх лет и много позднее рассказал о подвижнической жизни учеников старца Василия.

А в 1750 году, когда преподобный Василий прибыл на Святую Гору изучать уставы тамошних монастырей, он посетил жившего уже тогда на Афоне преподобного Паисия и постриг его в монашество.

На Святой Афонской горе преподобный Паисий прожил несколько лет, и вокруг него собралась иноческая община. Хотя ему шёл тогда всего только 29-й год, духовно отец Паисий был уже весьма опытным в борьбе со страстями, преуспевшим в смирении и в умно-сердечной молитве, которую святой непрестанно творил до самой своей кончины. Надо отметить великое благоговение отца Паисия перед Святыми Тайнами — Божественную литургию он всегда совершал со слезами.

Преподобный Паисий учил, что истинным наставником в деле спасения души может быть только тот, кто сам понуждает себя творить все заповеди Господни. «Как можно

кого-то наставить на путь, по которому сам не ходил?» — говорил отец Паисий. Себя он по смирению считал недостаточно опытным, чтобы учительствовать, поэтому соглашался принимать братию, только чтобы всем им вместо духовного наставника иметь учение святых и богоносных отцов.

Когда усилились гонения на афонских монахов со стороны мусульман, братство святого Паисия переселилось с Афона в Молдавию, в пустующий Драгомирнский монастырь Святого Духа.

Так сложилось, что половина насельников монастыря были молдаванами, а половина — славянами, поэтому по вечерам старец Паисий собирал вокруг себя братию, попеременно славян и молдаван, и читал из святых отцов поучения — Василия Великого, «Лествицу», авву Дорофея, Симеона Нового Богослова и других.

Переводы и переписывание книг, и другие монашеские подвиги замечательно расцвели в Драгомирне, но внешние обстоятельства понудили преподобного ещё не раз перемещать своё огромное братство — 350 человек — из обители в обитель. Последним для преподобного Паисия стал Нямецкий монастырь в честь Господа Вседержителя.

И там, как и везде, сохранялись им главные принципы монашеской жизни: строгое общежитие, умная молитва, переписка и чтение святоотеческих книг, ежедневное (утром и вечером) исповедание помыслов духовникам. Паства преподобного умножилась — в Нямецком монастыре были иноки более чем десяти национальностей, и число монахов к концу XVIII века возросло до тысячи человек. В то время это была самая многолюдная обитель в Православной Церкви. Преподобный Паисий кроме Нямецкого монастыря окормлял и другие окрестные монастыри и скиты. Подлинно, вселившись в пустыню, заселил он её плодами Божественного Добротолюбия.

«Добротолюбие», кстати сказать, это один из самых известных сборников наставлений святых отцов о духовной жизни; преподобный Паисий перевёл его с греческого на церковнославянский язык, а много позже святитель Феофан Затворник перевёл «Добротолюбие» на русский.

В Нямецком монастыре преподобный Паисий и преставился к жизни вечной.

Житие и деяния старца Паисия сказались на духовной истории множества российских монастырей. Известные пустыни – Софрониево-Молченская, Площанская, Глинская, а, в особенности, Оптина, определявшие духовное возрождение русского народа в XIX веке, были продолжательницами благодатного наследия старца Паисия. Прославленные оптинские старцы: Моисей, Антоний, Лев и Макарий были учениками его учеников.

Преподобный Паисий (Величковский) стал как бы могучим стволом духовного дерева, глубоко укоренённого во Христе, обильно питаемого церковными соками. От этого ствола пошли другие стволы, а от них плодоносные ветви. Вспомним хотя бы некоторые из этих отраслей Паисиева дерева.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

О последователях преподобного Паисия (Величковского) за пределами России мы знаем гораздо меньше, чем о российских иноках и обителях, в которых принесло обильные духовные плоды учение старца Паисия.

В бытность свою на Афоне преподобный Паисий имел там немало духовных чад и собеседников, искавших его духовного руководства. Среди них особо отметим бывшего Константинопольского патриарха Серафима, который жил на покое в монастыре Пантократор. Владыка очень любил старца Паисия, посещал его в Ильинском скиту, часто приглашал к себе, подолгу беседовал с ним о духовной жизни и очень скорбел, когда старец Паисий со своей братией удалился в Молдавию.

Но с отъездом преподобного Паисия с Афона насаждённые им на Святой Горе традиции умного делания и старческого окормления не пропали. Они на многие годы закрепились в основанном им Ильинском скиту и в других обителях. С особенной силой эти традиции возродились на Афоне в XIX веке, когда туда пришёл старец Арсений, ученик одного из молдавских учеников преподобного Паисия. Единомышленниками и продолжателями дела отца Арсения стали духовник русского Пантелеймонова монастыря на Афоне иеросхимонах Иероним и настоятель того же монастыря схиархимандрит Макарий, скончавшийся в 1888 году.

Из афонского Пантелеимонова монастыря традиции преподобного Паисия передались на Кавказ, где в конце XIX века был основан знаменитый Новоафонский монастырь, первым настоятелем которого стал пантелеймоновский постриженник и эконо́м, игумен Иерон.

Великое влияние оказал старец Паисий на молдавское монашество. Его ближайшими помощниками во всех управляемых им монастырях были молдаване. Особенно отметим отца Виссариона — первого ученика старца и его ближайшего помощника по монастырским делам.

Преемниками преподобного Паисия по духовничеству и настоятельству в Нямецком монастыре были: отец Софроний (он по поручению старца ездил в Киев за духовными книгами для своей обители, а впоследствии переписывался с некоторыми учениками старца Паисия в России); отец Дорофей, которого старец посылал учиться в богословской школе в Бухаресте, и отец Досифей, бывший при преподобном Паисии духовником и начальником монастырской больницы в Секуле.

Упомянем ещё нескольких учеников старца Паисия в Молдавии:

Отец Онорий, начальник больницы в Драгомирне и Нямце, пользовался неограниченным доверием отца Паисия, ухаживал за старцем во время его предсмертной болезни, переводил отеческие писания. Он скончался через год после преподобного Паисия.

Отец Мартирий вместе с отцом Онорием ухаживал за старцем во время его предсмертной болезни.

Иоанн, схимонах Покровского скита при Нямецком монастыре, был старцем монастыря Ворона в Молдавии и скончался в весьма преклонном возрасте в 1843 году.

Платон, схимонах того же Покровского скита, собственноручно переписал сборник сочинений старца Паисия,

хранящийся в библиотеке Ново-Нямецкого монастыря, и написал житие старца.

Схимонах Митрофан больше 30 лет был келейником старца Паисия и первым составил его жизнеописание.

Архимандрит Феодосий (Маслов), управлял Поляномерульским скитом в Валахии (на территории Румынии), а потом был вместе со своими учениками вызван князем Потёмкиным в Россию для устройства Софрониево-Молченской пустыни.

Великий румынский просветитель, святой Григорий (Даскэл), митрополит Валахский, был пострижен в монашество старцем Паисием, подвизался в Нямецком монастыре и написал житие преподобного.

Упомянем также и молдавских митрополитов, которые помогали отцу Паисию: Гавриила (он предоставил старцу монастырь Драгомирну), Иакова и Вениамина. Их усердием многие монастыри в Молдавии имели своими настоятелями учеников преподобного Паисия (Величковского).

ПАИСИЕВО ДРЕВО В РОССИИ

Гораздо больше сведений мы имеем об учениках старца Паисия в России, потому что и сами мы живём в России, и потому что как раз в Россию переселилось особенно много его учеников. Под их благим влиянием в наших обителях возросли интерес и любовь к чтению и изучению писаний святых отцов; появились настоятели и духовники монастырей, воспринявшие святоотеческую традицию преподобного Паисия; появились архипастыри, одного с ним духа, всячески помогавшие распространяться и углубляться паисиевскому направлению в российской церковной жизни. Надо заметить, что не только монахи, но и многие светские образованные миряне восприняли традицию умного делания, дошедшую до них через преподобного Паисия (Величковского).

В общем, получилось глубокое и широкое духовное движение, не ослабевавшее в русском монашестве и вообще в церковной жизни до самой революции и до конца не пропавшее даже в годы большевистских гонений. Постараемся рассказать, хотя бы кратко, о главнейших участниках этого движения.

ВЫДАЮЩИЕСЯ РУССКИЕ АРХИЕРЕИ, ОСОБЕННО ПОСЛУЖИВШИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ (ВЕЛИЧКОВСКОГО)

Прежде чем перейти к рассказу о главнейших стволах и ветвях духовного древа святого старца Паисия на Русской земле, упомянем о нескольких российских архипастырях, которые сыграли особенную роль в распространении традиции умного делания и правильного духовного устройства монашеской жизни в нашей Церкви в XVIII–XIX веках. Это митрополит Московский Платон (Левшин), митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфитеатров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров), митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), епископ Феофан Затворник (Говоров) и епископ Кавказский и Черноморский Игнатий (Брянчанинов).

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ ПЛАТОН (ЛЕВШИН)

Митрополит Московский Платон (в миру – Петр Георгиевич Левшин) родился в 1737 году в селе Чашниково Московской губернии, в семье причётника, ставшего позднее священником.

Родители Петра были людьми благочестивыми и с детства приучили его к молитве. Обучен он был и грамоте, так что с восьми лет уже свободно читал и пел в церкви и мог один править на клиросе во время литургии.

Девяти лет от роду Петр был отдан в Славяно-греко-латинскую академию при Заиконоспасском монастыре. Жил

он тогда очень бедно: на занятия ходил босиком, с грошом на обед, а новую обувь нёс в руках и надевал только у входа в академию. Однако это не смущало Петра, он всю жизнь был весёлого нрава, любил посмеяться и пошутить. При этом он всегда сохранял целомудрие и незлобие и не увлекался суетными забавами, которым предпочитал чтение книг и хождение в церковь.

Учился Петр блестяще, так что однажды был переведён через класс. По академическому обычаю, на него была возложена обязанность по воскресеньям толковать Катехизис. За эти толкования Петра называли «вторым Златоустом» и «московским апостолом», так что на проводимые им занятия сходилось множество народа, некоторые даже с детьми.

По окончании учёбы Петр стал преподавать в семинарии, был пострижен в монашество с именем Платон и рукоположен в священный сан, а через несколько лет — в сан архиерея.

Он с большим усердием относился к образованию детей и юношей, и особенно — к подготовке будущих пастырей. Благодаря заботам епископа Платона значительно увеличилось число студентов в Московской духовной академии, и улучшились условия их быта. Владыка Платон завёл небольшие школы при монастырях на монастырские средства.

Умный и образованный, митрополит Платон имел дар отличать и выдвигать талантливых людей, при этом он особенно заботился о развитии в питомцах духа истинной церковности. Сонм учеников митрополита Платона, ставших архиереями, очень велик, а учёными и добропорядочными священниками он наполнил чуть ли не всю Москву и её окрестности.

Сам строгий инок, всей душой преданный монашеству, митрополит Платон усердно заботился о входивших в его ведение монастырях, стараясь и об их внешнем велико-

лепии, и о том, чтобы в них шла полноценная духовная, молитвенная жизнь. Для этого он старался по возможности призывать в свои монастыри учеников преподобного Паисия (Величковского). При участии владыки Платона обновились и духовно процвели Пешношская и Оптина пустыни.

Митрополит Платон был великим почитателем отца Паисия. В библиотеке Нямецкого монастыря имеется книга бесед преподобного Макария Великого, присланная митрополитом Платоном старцу с такою надписью: «Преподобному отцу архимандриту Паисию, Нямецкой обители духовному руководителю и наставнику, сию душеполезную подобным подвигом прославленного мужа книгу, во благословение со испрошением богоугодных о себе молитв посылает смиренный Платон, митрополит Московский 1791 года, июля 3 дня в Москве».

Духом митрополит был всегда бодр, но здоровье имел с юности слабое, болезни подчас доводили его до полного изнеможения. Наконец, он перенёс инсульт, от которого уже до конца не оправился.

В 1812 году митрополиту Платону пришлось быть в Москве незадолго до захвата её войсками Наполеона. Больной владыка сел в кресле на входном крыльце Чудова монастыря и долго со слезами смотрел на Кремль, как будто прощаясь с ним. В ноябре 1812 года митрополит Московский Платон мирно скончался в созданной им Спасо-Вифанской обители.

Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров)

Митрополит Гавриил (Петров) родился в 1730 году в Москве, в семье иподиакона, ставшего позднее священником. Он

окончил Славяно-греко-латинскую академию в числе лучших учеников, потом работал в Синодальной типографии — участвовал в издании Библии на церковнославянском языке, затем преподавал в Духовной семинарии при Троице-Сергиевой лавре.

В 1758 году он был пострижен в монашество, рукоположен в священный сан и назначен ректором семинарии, через три года стал ректором Славяно-греко-латинской академии и настоятелем московского Заиконоспасского монастыря. В 1763 году отец Гавриил был рукоположен в епископа Тверского, а в 1770 году он стал архиепископом (позднее митрополитом) Новгородским и Санкт-Петербургским.

Владыка Гавриил во все годы своего служения старался укрепить духовную жизнь приходов и монастырей. Он всеми силами боролся с пьянством и другими пороками в среде духовенства и одновременно выступал за улучшение его материального положения, за освобождение от необходимости заниматься земледельческим трудом, за защиту духовенства гражданскими законами. Он много сделал для повышения образовательного уровня священников и диаконов, лично экзаменовал их, придавал большое значение произнесению священниками проповедей.

Митрополит Гавриил написал много душеполезных книг. Но ещё важнее для церковной жизни было его покровительство переводческой и издательской деятельности. Преподобный Паисий (Величковский) прислал митрополиту свой перевод с греческого языка сборника святоотеческих наставлений, «Добротолюбие». По указанию митрополита Гавриила этот перевод был рассмотрен группой церковных учёных, причём владыка рекомендовал им при проверке перевода советоваться с некоторыми опытными в духовной жизни старцами. Он говорил, что, хотя эти старцы не знакомы с тонкостями греческого языка, но опытом жизни

усвоили содержание отеческих книг и потому могут дать полезные указания при проверке перевода. По указанию митрополита «Добротолюбие» было тогда же напечатано в Санкт-Петербурге.

Около митрополита Гавриила сложился круг духовно опытных и просвещённых отцов: его келейник Феофан, впоследствии игумен Новоезерского монастыря; игумен Валаамского монастыря Назарий; иеродиакон Александро-Невской Лавры Филарет, впоследствии старец московского Ново-Спасского монастыря; ученик старца Паисия иеросхимонах Афанасий, принёсший «Добротолюбие» митрополиту, и другие.

При владыке Гаврииле в епархии возросло число приходов, улучшилось положение монастырей. Митрополит добился назначения пенсии для престарелых настоятелей монастырей, настоял на учреждении больниц для монашествующих во всех епархиях. Заботясь о нравственном состоянии монахов, он содействовал переходу обителей на общежительный устав и составил краткие правила общежития для подчинённых ему монастырей.

По инициативе владыки Гавриила был возрождён Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, настоятелем которого митрополит назначил постриженника Саровской пустыни игумена Назария. Ученику преподобного Паисия (Величковского) старцу Адриану митрополит Гавриил поручил возобновить Коневецкий монастырь. Благодаря участию митрополита, был восстановлен московский Симонов Новый Богородицкий монастырь.

В конце 1800 года митрополит Гавриил по нездоровью ушёл на покой, поселился в Новгороде, вёл аскетический образ жизни, тратил много средств на благотворительность, практически не оставив после себя сбережений, и мирно преставился ко Господу в 1801 году.

**СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ,
МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ И ГАЛИЦКИЙ
(АМФИТЕАТРОВ)**

Святитель Филарет (в миру — Феодор Георгиевич Амфи-театров) родился в 1779 году в благочестивой семье сельского священника, в Орловской губернии. Он родился очень слабеньким и почти слепым, но, по милости Божией, выжил. В детские годы Феодор очень любил посещать храм, учился сначала дома, потом в Орловском духовном училище, а в 1797 году окончил Севскую семинарию.

По окончании семинарии будущий владыка принял монашеский постриг с именем Филарет и остался в ней преподавателем, вскоре он был рукоположен в священный сан. Благодаря отличным способностям и доброй нравственности отец Филарет в возрасте всего 23 лет был назначен ректором Севской семинарии и настоятелем Свенского монастыря.

Но вскоре отца Филарета постигли большие душевные испытания — его перевели в Уфимскую епархию, где нашлись недоброжелательные люди, постоянно клеветавшие на отца Филарета, обижавшие и унижавшие его. Он терпеливо сносил все скорби, но в какой-то момент уже стал подумывать о тайном уходе со всех должностей в какой-нибудь удалённый монастырь, чтобы жить там простым послушником.

Но Господь не оставил своего избранника. Однажды, после сердечной молитвы отец Филарет, находясь в полусонном состоянии, увидел руку, писавшую на стене: “Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета в руках Божиих!” С этого времени жизнь его совершенно изменилась. Перед церковными властями открылась полная невиновность отца Филарета, его вызвали в Санкт-Петербург (это было

в 1814 году) и назначили инспектором Санкт-Петербургской духовной академии.

А вскоре отец Филарет стал ректором Московской духовной академии. При этом он проявил себя не только умелым руководителем учебного заведения, но и мудрым наставником и подлинным духовным отцом для семинаристов. Он имел подход к каждому, воспитывал своих питомцев не наказаниями, а внушением и добрым личным примером.

В 1819 году отца Филарета рукоположили в епископа Калужского и Боровского. О его деятельности на Калужской кафедре сохранилась архивная запись, что епископ Филарет «по благочестию своему, благодати отеческой, кротости и смиренномудрию, благоразумию и дальновидности, по сердоболию и искреннему участию к бедным и по всему вообще архиерейскому служению был незабвенный для Калужской епархии святитель».

Владыка старался принимать все зависящие от него меры по улучшению материального состояния клириков, часто оказывал помощь нуждающимся духовным лицам из своих собственных средств, защищал духовенство от притеснений помещиков и гражданских властей. В случаях же виновности лиц духовного звания он был к ним отечески строг и требователен. Епископ Филарет всячески заботился о материальном и духовном благополучии монастырей епархии.

Будучи великим любителем и почитателем монашества и особенно старца Паисия (Величковского), он, как и митрополит Московский Платон (Левшин), обратил особенное внимание на Оптину пустынь и для большего преуспевания в ней монашеской жизни решил устроить при обители скит во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Для устройства скита он пригласил известных ему пустынножителей Рославльских лесов — Досифея, Моисея, Антония,

Илария и других, которые и положили начало прославленному скиту при Оптиной пустыни.

Несколько лет спустя отец Моисей стал настоятелем Оптиной пустыни, а его брат Антоний начальником скита и, таким образом, духовная жизнь Оптиной пустыни сосредоточилась в руках опытных хранителей паисиевой традиции. В 1829 году к ним присоединился перешедший из Александро-Свирского монастыря ученик старца Феодора (Пользиков) иеромонах Леонид (в схиме Лев), и с его прибытием в Оптиной пустыни было положено начало оптинскому старчеству.

В дальнейшем епископу Филарету пришлось послужить ещё в нескольких епархиях. В бытность свою архиепископом в Казани он много и успешно потрудился, чтобы прекратилось отпадение от Церкви людей, недавно принявших православную веру. Успеху дела очень способствовали пример его благочестивой жизни и чудесные явления, происходившие по его молитвам. Кроме того, архиепископ Филарет обратил в православие более 5000 язычников и многих раскольников, проживавших в его епархии.

Сердце казанского архипастыря всегда было преисполнено милосердием ко всем нуждающимся без различия национальностей. В голодные годы архиепископ Филарет, раздав всё своё состояние, брал займы, но не прекращал помогать голодающим. Оказывая помощь от себя, он располагал к этому и богатых жителей Казани. Во время эпидемии холеры архиепископ Филарет ежедневно сам совершал Божественную литургию в течение 40 дней.

В 1836 году архиепископ Филарет был назначен митрополитом Киевским и Галицким. 20 лет продолжалось его служение на Киевской кафедре. В это время с новой силой раскрылись замечательные черты владыки как доброго пастыря и мудрого наставника, заботливого воспитателя молодёжи, отзывчивого помощника бедным и сиротам

и усердного молитвенника за всех. При точном и ревностном исполнении обязанностей, возлагаемых званием и долгом общественного служения, высокопреосвященный Филарет с особой строгостью исполнял все уставы и правила иноческого жития. Но, во всём строгий к себе, он в отношении к другим был весьма снисходителен и милостив и прибегал к мерам строгости только в исключительных случаях.

Стремясь к уединению, он летом большую часть времени проводил в Голосеевской пустыни, которая находилась недалеко от Киева. Здесь владыка на свои средства построил каменную церковь, а в остальном вёл себя, как самый простой инок.

С раннего детства митрополит Филарет сохранил великую нестяжательность, привык довольствоваться малым, и так продолжалось всю его жизнь. Он не делал сбережений, а всё, что имел, раздавал неимущим, сам иногда оставаясь без копейки. Так было во время посвящения его во епископа, когда он, получив назначение на епархию, не мог выехать из-за неимения средств и вынужден был занять деньги на дорогу у своего студента. Нищие были постоянными посетителями его дома, так что даже келейники смущались этим перед знатными лицами, посещавшими митрополита, а он совсем не смущался.

До самых последних дней своей жизни Киевский архипастырь был неутомим, как в трудах святительского служения, так и в подвигах иноческой жизни и — укрепляемый помощью свыше — переносил эти труды и подвиги с удивительной бодростью.

С 1855 года, после тяжёлой болезни митрополит Филарет стал часто подвергаться различным недугам, которые встречал как предвестники близкой кончины, но переносил их с терпением и благодушием, радуясь приближению вечности. Он часто говорил: «Я вижу, Господь скоро позвёт меня к Себе».

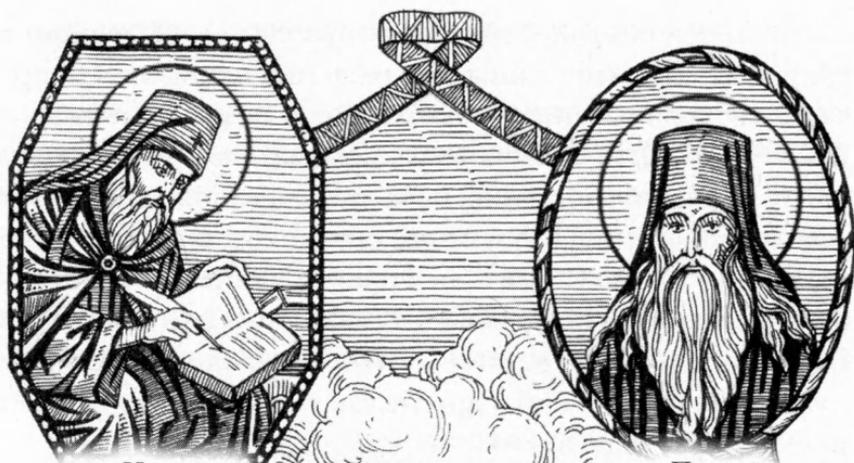
Такая уверенность архипастыря не обманула его. 1857 год он встретил на одре болезни. Она по временам отпускала его, но ненадолго. “Храмина тела моего разрушается”, — говорил он. Последнюю литургию митрополит совершил 6 декабря 1857 года. С этого времени он уже никуда не выходил из своих покоев, каждый день молился за Божественной литургией у себя в домовой церкви и причащался Святых Христовых Таин.

До самой кончины сознание не оставляло митрополита. И он, хотя и чувствовал себя очень плохо, приказал пускать к нему всех приходящих без исключения, продолжал интересоваться делами и общественной жизнью, давал советы и указания. 21 декабря 1857 года (по старому стилю) митрополит Филарет Киевский преставился к жизни вечной.

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ (ДРОЗДОВ)

Святитель Московский Филарет (в миру — Василий Михайлович Дроздов) родился в 1782 году в Коломне в семье священника, его мать и отец происходили из потомственного духовенства.

9 лет отроду он поступил в Коломенскую семинарию, затем учился в Московской семинарии, по окончании которой стал в ней преподавать. Там же он со временем принял монашеский постриг и священный сан. Затем будущий святитель был переведён преподавателем в Санкт-Петербургскую академию и через 2 года стал её ректором. В 1817 году отца Филарета рукоположили в сан архиерея, а через 4 года он был назначен на Московскую кафедру, которую и занимал 46 лет до своей блаженной кончины в 1867 году.

прп. Никодим
Святогорец

прп. Паисий
(Величковский)

митр. Гавриил
(Петров)

свт. Феофан
Затворник

Святитель Филарет так мудро управлял своей обширной епархией, что вынесенные им решения по разным вопросам были изданы в нескольких томах и не раз переизданы. Кроме того, он прославился как замечательный проповедник и духовный наставник, почему его проповеди и письма разным лицам тоже были не раз опубликованы и составили несколько томов. Святитель Филарет написал «Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви», который был переведён на греческий, английский и другие языки и не потерял своего значения и в наше время.

Святитель Филарет принял горячее участие в деле перевода Библии на русский язык, он сам подобрал переводчиков, а на себя взял перевод Евангелия от Иоанна. Им были составлены и «Правила» для перевода. Он был глубоко убеждён в том, что перевод Священного Писания на русский язык нужен православному народу для утоления «глада слышания Слова Божия».

Особенное внимание святитель уделял Московской духовной академии. Без его ведома в ней не совершалось никакого важного дела. По его благословию и под его наблюдением профессора академии принялись за исключительно важный труд — перевод творений святых отцов на русский язык.

Кроме того, святитель Филарет оказал неоценимую поддержку издательской деятельности Оптиной пустыни, которую возглавлял в то время преподобный Макарий (Иванов). Оптинцы выпустили много книг, а первой — «Житие и писание Молдавского старца Паисия Величковского». Были изданы так же несколько сделанных преподобным Паисием переводов творений святых отцов. Все подготовленные к печати отцом Макарием и его сотрудниками книги приносились на просмотр святителю Филарету, он

всегда их внимательно читал и иногда делал свои замечания по переводу.

Слава о духовной и житейской мудрости и опытности митрополита Филарета была так велика, что к его мнению прислушивались императоры и великие князья, министры и сенаторы, губернаторы и генералы. И не случайно именно на него пал выбор в 1861 году, когда понадобилось составить Манифест (обращение) царя к народу по случаю освобождения помещичьих крестьян от крепостной зависимости.

17 сентября 1867 года митрополит Филарет по окончании ранней литургии в лаврской крестовой церкви сказал своему духовнику архимандриту Антонию: «Я ныне видел сон, и мне сказано: береги 19 число». — «Владыко святой! Разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения?» — усомнился отец Антоний. Но святитель с твёрдой уверенностью проговорил: «Не сон я видел — мне явился родитель мой и сказал мне те слова. Я думаю с этого времени каждое 19 число причащаться Святых Тайн». 19 октября, причастившись в домово́й церкви, он съездил в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры и, попрощавшись с ним навсегда, возвратился в Москву на Троицкое подворье. В эти дни он никому не отказывал в приёме, но желающим навестить его ещё раз говорил, чтобы они приходили до 19 ноября.

За два дня до исхода святитель почувствовал себя бодрее обыкновенного и сам понял причину внезапно наступившего улучшения: «Перед кончиной, — сказал он, — старые люди всегда чувствуют себя свежее и легче». 19 ноября 1867 года (2 декабря по новому стилю), в воскресенье, митрополит Филарет совершил литургию в храме Троицкого подворья. После службы принимал посетителей, а, проводив гостей, мирно отошёл ко Господу.

Ниже мы приводим несколько отрывков из произведений святителя Филарета (заголовки — автора книги).

О дарах Божиих

Не даров у Бога недостаёт для нас, а нас недостаёт для даров Его. Благодарность Богу за полученные от Него дары есть сосуд, в который благодать Божия полагает новые. Бог по беспредельной благодати и милосердию всегда готов всё даровать человеку, но человек не всегда готов принять от Него что-нибудь. Как милосердию Божию свойственно открывать для нас, даже и недостойных, сокровища благодати Своей в ожидании нашего покаяния и исправления, так равно и правосудию Его свойственно отнимать Божественные дары, оскорбляемые пренебрежением, и наказывать неблагодарность.

Причина духовной холодности

Если жалуемся на леность и холодность, надобно поискать, не впал ли в душу какой из тех помыслов, кои тяготят долу, а не воспаряют горе; а это помыслы, в коих что-либо присвоится себе, или замечаются недостатки ближних с перевесом в нашу пользу.

Не всякому посылно ругать бесов

При нападении темных сил, человек, внутренне молящийся, подобен заключившемуся в твёрдой крепости; а обращающий речь к сопротивным подобен делающему вылазку, что можно крепкому, а слабому опасно.

Терпеть искушения, но не набиваться на них

Надобно терпеть искушение, когда оно найдёт, а не вводить самого себя в искушение и с тем вместе других, когда нам заповедано молиться: «Не введи нас во искушение» (Мф. 6, 13).

Не ищи знать сокровенное

Всякому подвизающемуся о своем спасении можно и должно сказать: «Несть ти потреба тайных» (Сир. 3, 22), не ищи знать сокровенное или будущее. Для спасения нужно верить, исполнять заповеди, очищать сердце, а не любопытствовать. Желать знать сокровенное опасно, а желать открывать оное еще опаснее. Но всё сие не препятствует тому, чтобы Провидение Божие открывало тайное и обращало сие для своих целей, даже и при несовершенстве орудия, как можно примечать на опыте.

Грязью грязи не смоешь

На порицание лучше отвечать кротостию, нежели порицанием. Чистою водою надобно смывать грязь. Грязью грязи не смоешь.

Сердиться не полезно. «Гнев мужа правды Божия не соделывает» (Иак. 1, 20). Можно гневом только произвести или увеличить раздражение другого, а привести в лучшее расположение можно только терпением и миром.

Не бойся, но учись осторожности

Клевет бояться не должно, а брать против них осторожность нужно. Клеветы и учат осторожности, а осторожность делает бессильными клеветы.

Не осуждай

Надлежало бы более трудности находить в том, чтобы судить людей, нежели в том, чтобы смотреть на них просто, как смотрят на колеблемые ветром дерева или на текущую реку; но, видно, и в том есть трудность, чтобы не судить. Что же делать? Надобно учиться постепенно, сперва осуждать себя за осуждение ближних, потом удерживаться от осуждения словом, когда мысль на то подвигнется, далее

удерживать самую мысль. Кто довольно знает и судит себя, тому недосужно судить других.

Правда хороша с любовью

Правду говорить дело хорошее, когда нас призывает к тому обязанность или любовь к ближнему, но сие делать надобно, сколь возможно, без осуждения ближнего и без тщеславия и превозношения себя, как будто лучше другого знающего правду. Но при том надобно знать людей и дела, чтобы вместо правды не сказать укоризны и вместо мира и пользы не произвести вражды и вреда.

Что нам не даёт видеть свои грехи?

Невидимые, но подлинные грехи видеть иногда препятствуют человеку видимые, но мнимые добродетели.

О пользе болезни

Не бесполезно в болезни испытать чувство отрешения от мира, чтобы и после болезни придерживаться сего чувства. Неудивительно, если чувство сие не так легко приходит после болезни, как во время болезни; в болезни Бог дарует оно на потребу немощному, а в здравии требует, чтобы он подвизался обрести оно.

Не беседуй с помыслами

Когда ассирияне под стенами Иерусалима кричали к стоящим на стенах иерусалимлянам, произнося хульные слова на Бога и усиливаясь поколебать их в вере к Богу и в верности царю, тогда благочестивый Езекия не велел своим отвечать, а сам пошел в храм и молился. Так должны поступать и христиане во время обуревания помыслов. Не отвечай, не слушай, углубляйся в свое сердце, призывай имя Господа Иисуса, ограждайся крестным знаменем, внешне и внутренне.

**Посылать бедность — дело Божие,
а наше дело — помогать бедным**

То правда, что некоторых Бог посредством бедности ведет ко спасению, но сие Он Сам делает, а вам сего делать не поручил, а вам сказал Сын Божий: «От сущих творите милостыню». Исполняйте сию заповедь и спасайтесь ею. А для того, нужно ли кого очистить бедностью, Бог не попросит у вас помощи. Если хочешь сделать добро и искушаешься помыслом тщеславия, и если дело терпит время, не спешి делать и укроти помысл тщеславия. Но если надобно накормить голодного, поспеши накормить, и также поспеши осудить и попать твоё тщеславие.

Мир и с немирными

Боюсь человека, который замечен не мирным к начальнику. Хотя причина сего иногда может быть и в начальнике, но сыны мира и с немирным начальником умеют охранять свой мир в терпении.

**Дар прощать выше дара
исправлять наказанием**

Миловать и тайно врачевать — бесспорно хорошо, когда так приемлется врачевание. Но когда явен проступок и явно неповиновение исправлению, и когда человек стремится далее на стропотный путь, не знаю, довольно ли сказать: поди с миром. Надобна некоторая осторожность, чтобы своеволие и худой пример не являлись побеждающими и торжествующими.

Снисхождение к преткнувшемуся и падшему надобно иметь, но снисхождение к небрежному и закосневающему в падении имеет в обществе неблагоприятное действие, охлаждая ревность и распространяя небрежение. Надобно беречь каждого, но ещё больше беречь дух всего общества.

Подумайте и то, не надобно ли иметь дар, чтобы прощать, иначе будешь поблажать. Илий думал, что кротко поступал с детьми своими, но не было то в милость никому, а в погибель всем. Аммон покрывал брата духом любви и духом благодати, сказав ему: внимай себе, потому следствие было в сем покаяние, в других назидание. Дар прощать выше дара исправлять наказанием. Успеваает тот, кто берётся за дело своей меры.

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН ЗАТВОРНИК (ГОВОРОВ)

Святитель Феофан Затворник явился одним из величайших продолжателей литературного подвига старца Паисия: взяв за основу его перевод «Добротолюбия» с греческого на церковнославянский язык, святитель Феофан составил «Добротолюбие» на русском языке.

Епископ Феофан родился в 1815 году в семье сельского священника и был воспитан благочестивыми родителями в церковном духе, так что с раннего детства возымел крепкую любовь к Богу. Недаром он писал потом, что церковность — самое могучее средство правильного воспитания детей.

Благодаря отличным способностям и прилежанию будущий святитель успешно окончил Киевскую духовную академию, а благодаря воспринятой в детстве и сохранённой в отрочестве твёрдой вере во Христа он и в юности сохранил нравственную чистоту.

В академии будущий святитель принял монашеский постриг с именем Феофан и был рукоположен в священный сан, а после окончания учёбы стал преподавателем.

Хотя сам святитель был человеком очень образованным, но он предостерегал от излишнего увлечения внеш-

ними успехами в науках: «Главное у нас дело есть богоугождение, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никак не должно ставить её так высоко и в таком блестящем виде, чтобы она занимала всё внимание и поглощала всю заботу. Нет ничего ядовитее и губительнее для духа христианской жизни, как эта научность и исключительная о ней забота. Она прямо ввергает в охлаждение и потом навсегда может удержать в нём». Действительно, истинная наука раскрывает человеку премудрость Божию, привлекает его к Богу, а ложная наука отвращает человека от Бога.

Позже он был рукоположен в архиерейский сан и служил сначала в Тамбовской, а затем во Владимирской епархии. Епископ Феофан был ревностным к своему делу архипастырем: часто служил и всегда при этом проповедовал, старался посещать даже отдалённые приходы своих епархий, заботился о духовных учебных заведениях, открывал церковно-приходские школы — на всё простиралось его архипастырское попечение.

Но в душе святитель Феофан чувствовал иное призвание, он жаждал уединиться для молитвенных и литературных трудов. Эта жажда была угодна Богу, и по благословению священноначалия епископ Феофан удалился от руководства епархией и поселился затворником в Вышенской пустыни (на территории нынешней Рязанской области).

Для ежедневного совершения богослужений святитель Феофан устроил себе маленький храм. Вместо иконостаса была простая занавеска из дешёвой материи, отделявшая алтарь от остальной части церкви. В свою келью, кроме келейника, духовника и настоятеля обители, он никого не впускал.

Именно в те годы святитель Феофан осуществил перевод «Добротолюбия» на русский язык. Труд был начат

в 1866 году на праздник Воздвижения Креста Господня и продолжался 23 года. Общий объем русского «Добротолюбия» составил около 3 тысяч страниц в 5 томах. Славянское «Добротолюбие» преподобного Паисия, а позднее русское «Добротолюбие» святителя Феофана, выдержавшие несколько изданий, стали настольными книгами русских подвижников XIX–XX веков (а теперь уже и нашего XXI века) и послужили духовному просвещению православных людей.

Кроме составления «Добротолюбия» святитель Феофан написал в затворе много других душеполезных книг, которые вместе с письмами принесли ему заслуженную всемирную славу. Наряду со святителем Игнатием (Брянчаниновым) он является величайшим духовным писателем Русской Православной Церкви и по количеству им написанного, и по глубине духовного содержания этих трудов. Назовём наиболее важные из них: «Путь ко спасению»; «Письма о христианской жизни»; «Письма к различным лицам о разных предметах веры и жизни»; «Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться»; 9 книг «Толкований на послания Святого апостола Павла»; несколько изданий сборников проповедей. Издано несколько томов писем, собранных уже после кончины святителя.

Особенно следует отметить книгу «Невидимая брань», которая первоначально была написана католическим монахом-священником Лоренцо Скуполи и впервые анонимно издана в Венеции в 1589 году под названием «Брань духовная».

Эта книга была переведена на греческий язык и отредактирована преподобным Никодимом Святогорцем (составителем греческого «Добротолюбия»), который внёс в текст довольно большое число изменений и дополнений, призванных адаптировать «Брань духовную» для православного восприятия и, что наиболее важно, сделать книгу

соответствующей православному нравственно-аскетическому учению.

А святитель Феофан перевёл «Невидимую брань» преподобного Никодима на русский язык, внося в неё значительные по объёму улучшения, так что «Невидимую брань» святителя Феофана Затворника смело можно назвать не переводом, а переработкой книги преподобного Никодима.

Однако, вернёмся к житию святителя Феофана в затворе. Узнав о духовном архипастыре-подвижнике, многие люди стали письменно обращаться к нему за советами, и святитель Феофан никому не отказывал в духовном наставлении. Ежедневно он писал около сорока ответных писем. В них он одних утешал, других наставлял, иным отвечал на те или иные вопросы христианской жизни, предостерегал от разного рода заблуждений и увлечений.

Всю свою архиерейскую пенсию святитель Феофан рассылал по почте бедным родственникам и другим людям, оставляя себе лишь немного на необходимые потребности. О милости он писал: «Не говори требующему помощи: приди завтра; сделай для него, что можешь. И просить себя долго не заставляй».

Кроме писания книг и ответов на письма, святитель Феофан в затворе занимался ещё разного рода рукоделиями. «Нельзя всё духовным заниматься — писал он, — надо какое-либо нехлопотливое рукоделие иметь. Только браться за него надо, когда душа утомлена, и ни читать, ни думать, ни Богу молиться не способна».

Но, сам пребывая в затворе, святитель учил, что главное — не внешнее удаление от людей, а внутреннее единение с Богом в молитве. «Когда молитва твоя до того укрепится, что всё время будет держаться у тебя в сердце пред Богом в благоговении, не выходить из него, и ничем другим заняться не захочет — этого затвора ищи, а о том не хлопочи. Можно и при затворённых дверях по миру шататься,

или целый мир напустить в свою комнату», — писал он, имея в виду блуждание человеческих помыслов.

Он не был врагом мирской жизни и благословлял труды людей над её улучшением. «Не подумал бы кто, — говорит он в одной из своих проповедей, — что мы восстаём против всякого усовершенствования и всякого изменения к лучшему. О, нет! Бог благословит всякое доброе улучшение; да благословит и труды тех, которые посвящают себя на это! Мы хотим только сказать, что истинною мерою благотворности улучшений должна быть сообразность их с духом веры, и что всё, охлаждающее к вере и отчуждающее от церкви, всё, заставляющее нарушать уставы её и требующее перемены в них, всё, приводящее к забвению Божественного устройства вещей, не должно считаться признаком и плодом истинного усовершенствования и преуспеяния (прогрессом), а наоборот, возвращением назад (регрессом), нисхождением и пагубою».

Святитель Феофан был глубоко убеждён, что «жизнь не имела бы никакой цены, если бы не было бессмертия, а при этом, несмотря на её краткость, значение её неизмеримо, как вечность».

Свою смерть святитель Феофан встретил спокойно, так же, как и ожидал её. Она пришла к нему в самый день праздника Крещения Господня, в 1894 году. Утром святитель совершил по обычаю Божественную литургию, а днём мирно и тихо почил навеки, причём глаза его были закрыты, левая рука покойно лежала на груди, а правая сложена была как бы для благословения.

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ)

Святитель Игнатий (в миру — Димитрий Александрович Бянчанинов) родился в 1807 году, принадлежал он

к старинной дворянской фамилии. Будущий епископ получил прекрасное домашнее воспитание и образование. Учителя и наставники Димитрия удивлялись его замечательным и разносторонним способностям, обнаружившимся уже в детском возрасте. Во время учёбы в Военно-инженерном училище в Санкт-Петербурге он так хорошо проявил себя, что был замечен императором Николаем I, и Димитрия Брянчанинова ожидала блестящая светская карьера.

Но душа юноши не тянулась к земному успеху, с детства он помышлял о монашестве и искал духовного, внутреннего пути. Ещё будучи студентом, Димитрий стал упражняться в молитвенном делании и весьма в этом преуспел. «Бывало, с вечера, — рассказывал он впоследствии о себе, — ляжешь в постель и, приподняв от подушки голову, начнёшь читать молитву, да так, не изменяя положения, не прекращая молитвы, встанешь утром идти на службу, в классы».

За наставлениями в духовной жизни Димитрий обращался в Александро-Невскую лавру, где и познакомился с некоторыми учениками схимонаха Феодора (Пользикова) и преподобного Льва Оптинского — монахами Аароном, Харитоном и Иоанникием, а затем и с лаврским духовником Афанасием. Димитрий советовался с ними обо всём, что касается внутреннего делания, исповедовал свои помыслы, учился охранять себя от страстей, греховных навыков и преткновений, руководствоваться святоотеческими книгами.

Наконец, Димитрий познакомился с преподобным Львом и почувствовал к нему полное духовное доверие. Старец Лев стал духовным отцом будущего святителя Игнатия. Димитрий так рассказывал об этом событии своему духовному другу: «Сердце вырвал у меня отец Лев — теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу; ему предамся всю душою и буду искать единственно спасения души в уединении».

Он действительно через некоторое время вышел в отставку (к тому времени Димитрий Александрович Брянчанинов был уже офицером) и удалился в монастырь, где предал себя в полное послушание старцу Льву. Всякое движение своего сердца и ума открывал послушник Димитрий своему наставнику. Ежедневное исповедание помыслов побуждало его к тщательному самонаблюдению, предохраняло от вредного действия помыслов, которые, будучи исповеданы, подобно скошенной траве не могли уже прорасти с прежней силой. Чистосердечная исповедь и всецелое отсечение своей воли перед старцем принесло Димитрию Александровичу великую духовную пользу.

Позднее он был пострижен в монашество с именем Игнатий и стал настоятелем Троице-Сергиевой пустыни, расположенной на берегу Финского залива близ Санкт-Петербурга, и благочинным монастырем Санкт-Петербургской епархии.

Ко времени его назначения настоятелем Троице-Сергиева пустынь пришла в сильный упадок: церковь и кельи обветшали, немногочисленная братия не отличалась строгостью поведения. Двадцатисемилетнему архимандриту пришлось перестраивать всё заново, и он добился успеха. Обитель укрепилась и внешне, и внутренне: братия подтянулась, богослужение стало образцовым, постройки были приведены в порядок. Благодаря замечательным человеческим качествам и высокой духовной настроенности отец Игнатий уже тогда сделался известным по всей России.

Позже он был рукоположен в епископа и назначен на Кавказскую и Черноморскую кафедру. Выяснилось, что у настоятеля богатого столичного монастыря нет своих денежных средств, и ему, как когда-то святителю Филарету (Амфитеатрову), пришлось занять денег на переезд к месту службы и первое обустройство.

Епископ Игнатий столкнулся на новом месте своего служения с необычайными трудностями. На Кавказе много лет продолжалась война, население состояло из людей разных национальностей и вер. Но владыка не предался унынию, а ревностно приступил к исполнению своих архипастырских обязанностей. Важнейшую свою задачу епископ Игнатий видел в проповедании народу Христа, в установлении мира на огнедышащем Кавказе, в укреплении и расширении здесь Святого Православия.

Святитель усердно заботился об устройении правильно-го богослужения в храмах, об улучшении быта духовенства, его образовании и нравственном совершенствовании. Благодаря этой заботе епархиальные дела вскоре были приведены в благополучное состояние.

Тяжкая болезнь вынудила епископа Игнатия летом 1861 года подать прошение об увольнении на покой в Николо-Бабаевский монастырь, где он провёл свои последние годы и мирно преставился ко Христу.

Но не великие архиерейские и пастырские заслуги принесли святителю Игнатию (Брянчанинову) поистине всемирную славу, а его литературные труды, в которых он явился замечательным духовным учителем того, как в жизненном водовороте человек может сохранить верность Христу, возгревая постоянно в сердце своём огонь любви и преданности Богу.

Перечислим основные литературные труды святителя Игнатия (Брянчанинова): «Аскетические опыты» в 2 томах; «Слово о смерти» и примыкающее к нему по смыслу «Слово о чувственном и духовном видении духов»; «Слово о человеке»; «Приношение современному монашеству», которое сам святитель назвал духовным завещанием, содержащее разнообразные наставления о внутренней и внешней жизни монашествующих.

Особое место среди произведений святителя Игнатия занимает составленный им «Отечник», содержащий избранные изречения древних святых отцов и краткие повести из их жития. В этот «Отечник» вставлено много ценных комментариев самого святителя Игнатия, помогающих современному христианину правильно понять и применять в жизни аскетические наставления великих подвижников древности.

Несколько томов занимают письма святителя Игнатия разным лицам, также содержащие множество полезных советов по борьбе со страстями.

ГЛАВНЫЕ СТОЛЫ ПАИСИЕВА ДРЕВА В РОССИИ

Духовное движение в России под влиянием старца Паисия можно разделить на несколько главных стволов, которые условно назовём: северный, центральный и южный. И особо упомянем о сибирской ветви Паисиева древа — великих молитвенниках: преподобном Василиске Сибирском, преподобном Зосиме (Верховском) и праведном Петре (Мичурине). К этой же ветви мы отнесём и преподобного Макария Алтайского (Глухарева); он был учеником Глинского старца и настоятеля преподобного Филарета (Данилевского), но впоследствии главным жизненным подвигом отца Макария стало его миссионерское служение в Сибири, на Алтае.

Южный ствол — это в первую очередь Площанская и Глинская пустыни.

Северный ствол имел своими главными центрами Валаам, Александро-Невскую Лавру и Александро-Свирский монастырь.

Центральный ствол Паисиева древа распространился, в основном, в Москве, во Владимирской губернии, в Оптиной пустыни, в Брянском Свенском монастыре и в Белобережской пустыни, в Рославльских лесах на Смоленщине, в Саровской пустыни.

Названные монастыри нужно рассматривать только как наиболее заметные ветви Паисиева древа, которое на

ПРП. ВАСИЛИЙ
(КИШКИН)

СХИМ. АФАНАСИЙ
(ЗАХАРОВ)

ПРП. АРСЕНИЯ
(СЕБРЯКОВА)

Площанская пустынь

самом деле охватывало не десяток, а более сотни русских монастырей.

Хотя Оптина пустынь по своему географическому положению определённо относится к центральному стволу, но число прославленных святых и подвижников благочестия, связанных с этим монастырём, так велико, и число обитателей, получавших духовное окормление от оптинских старцев, тоже так велико, что фактически Оптина пустынь являет собой особый ствол духовного дерева преподобного Паисия (Величковского).

ЮЖНЫЙ СТВОЛ ПАИСИЕВА ДРЕВА

Южный ствол Паисиева дерева — это главным образом Площанская и Глинская пустыни.

ПЛОЩАНСКАЯ ПУСТЫНЬ

История Площанской пустыни уходит вглубь веков и недостаточно изучена. Но достоверно известно, что обитель была разорена поляками в начале XVII века и после 1613 года начала возобновляться иеромонахом Киево-Печерской лавры Прокопием.

По-видимому, первым из учеников преподобного Паисия (Величковского), поступившим в Площанскую пустынь, был схимонах Афанасий (Захаров). Это произошло в 1815 году. До принятия монашества отец Афанасий был кавалерийским офицером, но потом удалился от мира и провёл семь лет под руководством преподобного Паисия (Величковского) в Нямецком монастыре, в Молдавии. Затем он

вернулся в Россию и, побывав в разных монастырях, поступил наконец в Площанскую пустынь.

В Площанской пустыни иноки вскоре поняли духовную опытность отца Афанасия, и многие из них стали ежедневно приходить к старцу ради спасения души и духовного утешения. Для всех он находил простое слово, говорил с крайним смирением, как ничего не значащий. Любил назидать чужим примером, рассказывая о своих встречах с преуспевшими иноками.

За пять лет до поселения в Площанской пустыни схимонаха Афанасия, в 1810 году туда пришёл на богомолье молодой помещик Михаил Иванов — будущий великий оптинский старец Макарий. Оставшись в пустыни, он с ревностью предал себя в послушание духовнику обители иеромонаху Ионе. В 1814 году Михаил был пострижен в монашество с именем Макарий и в том же году был рукоположен во иеродиакона, а вскоре назначен ризничим обители.

Давно жаждавший встречи с иноком духовной жизни, учеником старца Паисия, отец Макарий по прибытии в пустынь старца Афанасия вошёл с ним в общение, затем сделался его келейником и в 1817 году поселился у него в келье.

С начала и до середины XIX века Площанской пустынью в разные годы управляли ученики и духовные чада преподобного Василия (Кишкина). Искренний последователь старца Паисия (Величковского) преподобный Василий (Кишкин) вернулся в Россию с Афона в конце XVIII века. Подвизаясь в разных монастырях Центральной и Южной России, он везде старался насадить учение старца Паисия, основанное на святоотеческом предании, восстанавливая в монашеских общинах дух истинного послушания и смирения.

В 1818 году строителем Площанской пустыни был назначен иеромонах Серафим (Веденисов), духовный сын

преподобного Василия, постриженный им в Белобережской пустыни в один день с будущим оптинским старцем Львом (Наголкиным). Ко времени назначения отца Серафима Площанская пустынь пришла в расстройство, но он за восемь лет своего управления обителю успел собрать сто человек братии, для которых стал добрым наставником и духовным отцом. Иеромонах Серафим вёл жизнь воздержную, в разговорах был приветлив, нравом кроток и тих. Весной 1826 года он в мире покинул земное отечество на шестидесятом году жизни.

В 1827 году в Площанскую пустынь прибыл старец Василий (Кишкин) и провёл здесь последние четыре года своей земной жизни, окружённый благоговейной любовью, почитанием и заботой своих духовных чад.

На следующий год после прибытия отца Василия в Площанскую пустынь туда вслед за ним перешёл иеромонах Лев (Наголкин), которого отец Василий постригал в монашество в Белых Берегах в далёком 1801 году. С отцом Львом прибыло и несколько его учеников, в том числе будущий святитель Игнатий (Брянчанинов), тогда ещё послушник Димитрий. Тогда же произошла промыслительная встреча двух великих оптинских старцев Льва и Макария.

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАСИЛИЙ (КИШКИН)

Преподобный Василий (в миру — Владимир Тимофеевич Кишкин) родился в 1745 году в семье благочестивых дворян Курской губернии и с младенчества был воспитан в добродетели. Когда мальчику исполнилось 7 лет, он, размышляя о словах Псалмопевца Давида «сердце чисто созижди во мне, Боже», загорелся желанием очиститься сердцем и решил для этого оставить родительский дом и уйти в монастырь.

С разрешения родителей будущий старец стал насельником Саровского монастыря и провёл там 4 года, потом перешёл в Киево-Печерскую лавру и там продолжал учиться духовной жизни у опытных пастырей. В 15-летнем возрасте юный подвижник был пострижен в монашество с именем Василий.

Живя в разное время в разных монастырях, юный возраст, но зрелый духом, отец Василий везде старался заниматься умным молитвенным деланием и очень в этом преуспел. 20-ти лет отроду он поселился в Курской Коренной пустыни и прожил там несколько лет. Часто посещая Задонский монастырь, отец Василий беседовал там со святителем Тихоном Задонским и пользовался его наставлениями о молитве и борьбе со страстями. Со временем к отцу Василию стали обращаться за духовными советами монахи и мирские люди, и он по любви своей к ближним никому не отказывал.

Но слава и почитание со стороны посетителей, число которых всё более и более умножалось, огорчали смиренного отца Василия. Поэтому он удалился из Коренной пустыни на Афонскую гору, где начал было жить в Ильинском скиту. Однако вскоре, опасаясь нападения турок-мусульман, он с учениками переехал с Афона в Молдавию, в Нямецкий монастырь (старца Паисия он в живых уже не застал — только его учеников), а потом возвратился в Россию.

Побывав во многих монастырях и везде помогая монахам и мирским людям утвердиться на истинном пути умного делания, преподобный Василий поселился в Белобережской пустыни и был, ещё в сане иеродиакона, назначен её настоятелем.

Услышав о новом, известном своей высокой духовной жизнью настоятеле, в обитель потянулись многие подвижники, в их числе: будущий оптинский старец Лев (Наголкин), а также ученики преподобного Паисия (Величковского),

проживавшие с ним долгое время в Нямецком монастыре: иеросхимонах Клеопа (Антонов) и схимонах Феодор (Пользиков).

Отец Василий большое внимание уделял миру и согласию между братией, он имел от Бога особенный дар начальствовать и удачно налагал на каждого наиболее подходящее ему послушание. Белобережским инокам приходилось много трудиться, и настоятель тоже старался работать вместе с братией; отец Василий любил телесный труд и ценил его, когда труд сочетался с внутренней молитвой.

В свободное от послушаний время братия должны были, по указанию старца Василия, стараться пребывать в кельях со страхом Божиим, читать святоотеческие книги и умом творить молитву Иисусову с поклонами по мере сил. «Ложась спать, – советовал старец, – помышляй в себе, что ты лежишь во гробе и ожидай: се Жених грядет в полнощи, и будет тебе суд».

Со временем, побывав ещё в нескольких монастырях, преподобный Василий, уже в сане иеромонаха, поселился в Глинской пустыни и стал помогать её настоятелю преподобному Филарету (Данилевскому) в духовном окормлении братии. Он прожил там 10 лет, но и в Глинской пустыни не окончились скитания святого Василия.

Последним его пристанищем стала Площанская пустынь. Там он тяжело заболел и, казалось, был при смерти, однако через некоторое время очнулся, сказал, что ещё проживёт 18 месяцев и стал готовиться к отшествию в вечность, затворившись в пустынной келье. Там старец Василий совершал ежедневные службы кроме литургии и сверх того непрестанно молился, произнося в сердце своём попеременно, то молитву Иисусову, то Богородичную. Незадолго до смерти, по изволению свыше, старец открыл двери своей кельи и стал принимать всех жаждущих совета и помощи.

В первый день Пасхи 1831 года отец Василий приобрел Святых Тайн, и лицо его заметно просияло. А через неделю старец попросил ученика возжечь перед святыми иконами свечи, призвать настоятеля и братию и, простившись со всеми, почил.

УСТЬ-МЕДВЕДИЦКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Среди учеников преподобного старца Василия (Кишкина) была игуменья Августа, настоятельница Усть-Медведицкого монастыря (в настоящее время входит в Урюпинскую епархию Волгоградской митрополии). Этот монастырь был построен в конце XVI века и больше ста лет действовал как мужской, но в 1785 году был преобразован в женский.

Наибольшую славу обители доставили преподобные схимонахиня Ардалиона (Игнатова) и её духовная дочь игуменья Арсения (Себрякова), которая была, в свою очередь, духовной наставницей Петра Александровича Брянчанинова, родного брата святителя Игнатия.

ПРЕПОДОБНАЯ АРДАЛИОНА УСТЬ-МЕДВЕДИЦКАЯ

Преподобная Ардалиона (в миру — Анна Андреевна Игнатова) родилась в 1816 году в семье священника, на хуторе Завязка Хопёрского округа земли Войска Донского. С детства в Анне проявилась великая любовь к чтению духовных книг, и она читала их всё своё свободное время.

В 1834 году, придя на богомолье в Усть-Медведицкий монастырь, она осталась там навсегда. Сначала Анна несла послушание чернорабочей, на огороде, на покосе; была золотошвейкой, пела на клиросе, затем была назначена благочинной. В 1855 году Анна приняла монашеский пост-

риг с именем Алевтина, в 1859 году — постриг в схиму с именем Ардалиона.

Постоянное чтение святоотеческой литературы и подвижническая жизнь, растворённые смирением, привлекли к матери Ардалионе благодать Божию, и она обрела дар духовного рассуждения. Тогда около неё образовался небольшой кружок инокинь, которые в дальнейшем стали её ученицами и келейницами. Среди них была и монахиня Арсения (Себрякова), будущая игуменья монастыря.

Последнее время своей жизни преподобная Ардалиона провела в затворе и тихо скончалась после долгой болезни. Её ученицы сохранили в памяти и записали наставления матушки. Приведём здесь некоторые из них (заголовки — автора книги).

Умереть до смерти

Чтоб легко было умирать, нужно прежде смерти умереть для всего, нужно уничтожить все земные пристрастия.

Немощь — слава Богу!

И хорошо, что человек сам по себе так немощен; хорошо, что только Бог один силен, что Он один Живый, во всём действующий и царствующий!

Научись любить себя

Господь повелел любить ближнего, как себя, значит, и себя-то надо учиться любить, как следует. Не надо тратить напрасно своего здоровья и сил своих, ни времени, данного на спасение, ни случая, данного для испытания нашей доброй воли, ни зародившегося доброго намерения. Всё надо сберечь в себе, всё уничтожить злое. Вот как научишься себя любить, тогда сумеешь любить, как следует, и ближнего; а то себя любим со сластолюбием, так и ближнего любим только по страстям.

ПРЕПОДОБНАЯ АРСЕНИЯ УСТЬ-МЕДВЕДИЦКАЯ (СЕБРЯКОВА)

Игуменья Арсения (в миру – Анна Михайловна Себрякова) родилась в 1833 году в семье помещика. Мать её скончалась, когда Анне было только 6 лет, но отец, Михаил Васильевич Себряков, очень любил свою дочь, утешал её и много с ней занимался. Поэтому Анна получила прекрасное домашнее воспитание и образование, тем более, что Михаил Васильевич сам был широко образован. Он даже опубликовал несколько научных работ, занимался изобразительным искусством, издал сборник стихов. Будучи глубоко верующим православным человеком, Михаил Васильевич устроил в своём имении Себрово небольшую домашнюю церковь.

Дочь свою Анну он хотел поначалу выдать замуж, как и других дочерей. Но, узнав о её желании избрать путь иночества и поняв глубину этого желания, не только не стал препятствовать этому, но сам отвёз её в расположенный неподалёку от их поместья Усть-Медведицкий монастырь.

Анне было тогда 17 лет, настоящую духовную наставницу Бог послал ей не сразу, но опыт, почерпнутый из чтения святоотеческих книг и общения с благочестивыми людьми (в первую очередь, отцом), помог ей на первых порах. Анна строго постилась, много трудилась, старалась постоянно пребывать в молитве, неопустительно посещала церковные службы и оказывала послушание монастырскому начальству.

В 1854 году её постригли в рясофор, а ещё через 5 лет – в мантию с именем Арсения. Тогда-то она и вошла в духовное общение с преподобной Ардалионой, схимонахиней, к тому времени уже опытной подвижницей, не только начитанной в святых отцах, но и весьма преуспевшей

в молитве и борьбе со страстями и обретшей дар духовного рассуждения. Монахиня Арсения — ей было тогда 26 лет — предала себя в полное послушание схимонахине Ардалионе.

Хотя нет сведений, что одна или другая из них были знакомы с кем-то из учеников преподобного Паисия (Величковского), но всё, что известно о жизни обеих подвижниц, свидетельствует о том, что они благодаря чтению святоотеческих книг и по благодати Божией были духовно включены в Паисиеву традицию. Кроме того, из писем преподобной Арсении известно, что со своими ученицами она постоянно читала и разбирала «Добротолюбие».

В своих письмах преподобная Арсения не раз упоминала о своём почитании святителя Игнатия (Брянчанинова). В частности, она писала о его сочинениях: «Когда я прочла первый том, то была поражена сходством нашего духовного пути. Тогда у меня уже сложились духовные понятия, и у меня уже были духовные ученицы. Они тоже, читая епископа Игнатия, удивлялись сходству наших понятий духовных. Это признавали и ученики епископа Игнатия, когда я приехала к ним в 1867 году».

Путь полного послушания старице Ардалионе, на который стала монахиня Арсения в 1859 году, был очень суров. Однажды, она подала нищенке полтинник, не спросив благословения у своей духовной матери, и та потребовала забрать полтинник обратно. Каково было это выполнить доброй по натуре и воспитанной в интеллигентной дворянской семье монахине Арсении? Но она исполнила послушание. Схимонахиня Ардалиона всегда говорила прямо то, что думала, что Бог полагал ей на сердце. «Нас не по лёгкой дорожке вели, — вспоминала потом о годах своего ученичества у преподобной старицы игумения Арсения, — и слово, полное духовной любви, не имело никогда покрова деликатности». «Душа там найдёт Господа, где потеряет себя», — писала она о духовном пути.

В 1864 году преподобная Арсения была назначена игуменьей Усть-Медведицкого монастыря. Она управляла обителью очень успешно, как в смысле внешнего благоустройства, так и в духовном отношении. Чтобы сёстры обители могли читать духовную литературу, мать Арсения решительно взялась за обучение грамоте всех, кто был к этому способен. Она лично руководила в духовной жизни многими монахинями своей обители, а также другими людьми.

Игуменья Арсения вела духовные записки, ныне неоднократно переизданные, и писала письма с ответами на духовные вопросы разным лицам, в том числе родному брату святителя Игнатия (Брянчанинова) — Петру Александровичу Брянчанинову, Ставропольскому губернатору, бывшему её духовным сыном. Помещаем здесь некоторые наставления преподобной Арсени, почерпнутые из её жизнеописания, «Записок» и писем П. А. Брянчанинову и другим лицам (заголовки — автора книги).

Нужно считать их лучше себя

Однажды (старица Пафнутия — прим. автора), уже удручённая годами и ослабевшая от усиленного подвига, стала говорить матушке игумении, что не может больше принимать к себе сестёр, что не видит в них никакого труда над собою, а себе одно смущение и расстройство души. «Да, — отвечала матушка Арсения, — чтобы послужить ближним делом и словом, мало одной любви к ним, нужно ещё считать их лучше себя».

Правда земная и правда Небесная

Если человек действует по правде земной, то значит он не признает Небесную правду, потому что они совершенно различны. На земле Небесная правда пригвождена к Кресту.

Правильная борьба со страстью осуждения ближних

Ты чувствуешь в настоящее время зависть и нелюбовь к ближним, увидела в своём сердце как бы нарыв какой. Как же теперь лечить его? Не нужно стараться заживлять его только сверху, потому что если сверху ранка затянется, то гной останется всё-таки там и может заразить всю кровь. Нужно разрезать, расковырять этот струп, выдавить из него всё, тогда заживлять. Нужно не бороться с помыслом, осуждающим ближнего, говоря себе: «Эта сестра вовсе не такая, это только мне так кажется; это искушение и прочее». Нет, надо узнать её немощи ближе, не отвращать от них взора, приблизиться к ним, прочувствовать болезненно, сердцем всю тяжесть их, не видеть их чужими, потому что они — сестры, но общими человеческими, своими собственными, переболеть их, перестрадать и потом простить их всем своим братьям, потому что они искуплены, прощены Христом.

Не ищи добра в себе

Не скорби, что не видишь в себе ничего доброго, даже не ищи добра в себе. Человеческое добро мерзость есть пред Господом. Радуйся своей немощи, своему бессилию. Истинное добро есть Господь, Он разум, Он сила. Молись, чтобы Он наполнил твоё сердце, чтобы Он, как истинный Свет, просветил твой разум, чтобы Он был силою, в тебе действующею, чтобы Он царствовал в тебе. Твоё же всё навсегда останется немощным и бессильным.

Все перед всеми виноваты и друг друга винят

Преступая заповеди Божии, мы грешим и пред Богом, и пред людьми, и пред своею совестью и попадаем не только под суд Божий, но и под суд человеческий. Оскорбляя Господа, бесчестя в себе и собою славу Его, мы постоянно делаем вред ближним нашим, соблазняя их, увлекаая во грех,

подавая собою пример греховной жизни, не отдавая им должной дани общего вспомоществования на пути ко спасению, и по всей правде мы преданы суду людей. Этот суд, выражающийся осуждением, злословием, клеветой, ненавистью и всяким делом, выходящим из этого воззрения на нас, как то: гонением, мучением, смертью, — мы должны принять как достойное воздаяние и всегда чувствовать себя должниками перед ближним.

Пока мы ходим по плоти, мы видим ближнего тоже как должника нашего; мы требуем от него и правды законной, и святости благодатной как общего достояния человечества. Мы судим его и ненавидим, гоним и мучим, когда он не отдает нам долг наш. Но когда мы водимся Духом, когда Дух Божий изливает в наш дух всё богатство Своей благодати, тогда от ближнего мы ничего не ищем, мы прощаем ему долг его пред нами, даже перестаём видеть в нем своего должника.

Усилие, потом — дар

Внимание есть первоначальный дар Божественной благодати, ниспосылаемый трудящемуся и терпеливо страждущему в подвиге молитвенном. Благодатному вниманию должно предшествовать собственное усилие ко вниманию: усилие должно быть деятельным свидетельством искреннего желания получить внимание.

Меч Херувима

Мечом молитвы сокрушается огненный меч Херувима, стерегущего путь к древу жизни, и победитель становится причастником живота вечного.

Слово любви — скальпель хирурга

Жесток путь спасения, жестоко бывает иногда и слово, высказанное о нём, — это меч обоюдоострый, и режет он наши

страсти, нашу чувственность, а вместе с нею делает боль и в самом сердце, из которого вырезаются они. И будет ли время, чтоб для этого меча не оставалось больше дела в нашем сердце? Нет, для него всегда будет дело, нет конца духовному очищению, и во всяком сердце найдётся та частица нечистоты, которую нужно очищать. Я признаю в себе явным признаком нерадения, когда перестаёт болеть и бороться моё сердце, — это признак сильного помрачения. Когда же разгоняется этот мрак Словом Божиим, то сердце болит, а без болезни просвещение души невозможно — это будет мечтательность.

О духовном не болтай

Слово духовное, слышанное, читанное, испытанное, можно передавать только тогда, когда вызывается это надобностию; просто же передавать как новость, поразившую ум, я считаю не только ненужным, но вредным.

О воображении греховности

Ещё вы как-то писали, что вы видите в себе греховность, воображением созерцая в себе страсти и грехи как гады, им же несть числа. Нет, это созерцается не воображением, никак не им, а открывается в сердце по мере самоотвержения.

Подлинный мир — Божий дар, а не плод намеренных усилий

Когда дух правильно направлен, то молитва делается его дыханием, необходимым и правильно действующим. А тишина помыслов и мир чувств подаётся Господом душе, прилепляющейся к Нему верою и молитвою; взять или установить этого не может никто в своей душе и очень стараться об этом не следует.

**Я не верю в то состояние,
которое нужно беречь**

Я смутила вас похвалой, простите меня! Но нужно ли смущаться? Я не верю в то состояние, которое нужно беречь. Если есть что хорошее, его нельзя не видеть, нельзя не признавать его хорошим, но можно и должно приписать его Господу, и откроется новая причина для души смиряться и благоговеть пред Единым Святым и Спасающим.

Похвала, иногда и просто по-человечески принятая и ласкающая самость, бывает полезна, как ободряющая унывающий дух. Бывало, при матушке почувствуешь уныние духа от понятия и ощущения полной греховности и немощи своей, и придёшь к матушке с просьбой, чтоб она похвалила меня и уверила бы меня в моей способности к спасению. Матушка действительно начнёт уверять, и так серьёзно и сильно, что я поверю и утешусь, и ободрюсь. И не боялась она поблажить самости, но и её употребляла как орудие, спасающее против уныния, наносимого иногда силою вражиею. Так десными и шуиями соделывается наше спасение.

**Чего достигаем воображением,
остаётся лишь воображаемым**

Ум, обогащённый чтением Слова Божия, может воображением входить во всякое духовное состояние, может шевелить чувства, умилять их на время, и этим утешиться, но это неправильный путь, и этот труд бесплоден. Что сам берёшь, то сам и должен хранить и непременно утрачивать при малейшем столкновении с жизнью, с действительностью, потому что состояние было ложно, мечтательно, воображаемо. А то, что приходит от Господа, то состояние, в которое душа вводится Самим Господом, бывает вечно, неизменно. Это не взятое ею делание, а её состояние. Лишиться его она может только тогда, если совсем сойдёт

с духовного правильного пути, а столкновения внешние, даже свои собственные немощи и страсти, не отымут у неё того, что сделалось её вечным достоянием.

Правильные отношения

Вы спрашиваете: как стать в правильные отношения к ближним, чтоб от собеседования с ними могла быть общая польза и чтоб они не расстраивали обыденный порядок жизни. Можно давать только то, что мы имеем. Вы имеете большую веру к слову владыки (имеется в виду святитель Игнатий (Брянчанинов) — прим. автора), эту веру вы сообщайте всем беседующим с вами, и в беседе и в вас она оживляется. Вот и польза от собеседования.

Настоящее искушение лучше фальшивого покоя

Но всё-таки эти минуты (искушения — прим. автора) лучше воображаемого покоя. В эти минуты душа может правильно понять своё состояние, не обманывается воображаемым добром своим, и понятий ума не сочтёт своим достоянием.

Скорби от врага и скорби от Бога

Наведением скорбей враг усиливается погубить душу, уклоняя её в уныние, в ропот, в нелюбовь к ближнему, а Господь, попуская скорби, хочет спасти её, давая ей возможность борьбою приобрести мужество, терпение, разум духовный и, наконец, смирение, когда самые эти скорби превысят силу. Вот посреди этих путей, стоит душа и куда склонится, тот путь и примет её, и доведёт до своей цели.

Довериться Богу

Не предай нас, Господи, в руки человеческие неверием в Твой промысл!

О памяти смертной

Вы спрашивали о памяти смерти. Хорошо иметь память смерти, но с разумом. Когда она служит к отречению, к умилению, к сокрушению духа, к смирению. Если же она производит уныние, то и самая память смерти будет вести не к спасению, а к гибели. Во время уныния полезнее иметь память милости Божией, Его благодати, Его дарований, туне нам посылаемых, спасения, даруемого Им нам и обстоятельствами жизни, и самыми нашими падениями. Все хорошо в своё время, а не вовремя и самое хорошее может послужить во вред.

Различия в путях ко Христу

Хотя и все христиане должны идти путём Христовых заповедей, путём отречения от своих греховных страстей, но есть различие в духовных подвигах, в приёмах жизненных, если можно так выразиться. Достигать отречения своей воли может затворник, и послушник, и мирской человек. Но достигать этой цели они все трое должны различными путями.

Первый из них видит волю Божию, пред которой он отвергает свою собственную волю, во свете Слова Божия; второй – в воле своего духовного руководителя; а третий – в обстоятельствах жизни. Для всех трёх доступна чистота сердца, но первый стремится к ней постоянной молитвой, второй – трудом послушания и исповедания помыслов, третий – честным исполнением служебных обязанностей и семейного долга. Все достигают одной цели, но разными путями.

Все мы немощны – простим друг другу

Если вы не можете победить в себе свои страсти, когда по милости Божией и видите их, и желаете выйти из них, когда трудитесь над собою, то как требовать от ближнего

что-нибудь сверх его меры. Познайте эту общую всем нам немощь и старайтесь простить ближнего, примириться с ним, понести его недостатки.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ (Маслов)

Будущий подвижник молдавских и российских обителей преподобный Феодосий (в миру — Феодор Петрович Маслов) родился в 1720 году в городе Глухове, на Украине, в семье бывшего казака, занимавшегося торговлей. Он получил домашнее начальное образование и в двадцатилетнем возрасте, оставив суетный мир, поселился в Березунской общежительной обители в Молдавии.

Там Феодосий подвизался под руководством великого старца преподобного Василия Поляномерульского, тогда же он познакомился с преподобным Паисием (Величковским) и сделался его учеником.

Со временем отец Феодосий стал игуменом Березунского монастыря, а позже — Тисманского монастыря. Там он постриг в монашеский чин будущего архимандрита Феофана Новоезерского (Соколова).

Во время русско-турецкой войны отец Феодосий оказывал помощь русским войскам, поэтому, когда война кончилась, турки стали притеснять игумена и насельников Тисманского монастыря, и жизнь в оставшейся под властью турок Молдавии сделалась для русских иноков невозможной. Тогда отец Феодосий со всей братией переселился в Россию, где получил в управление Софрониево-Молченскую пустынь.

Там он ввёл афонский устав жизни и богослужений и с 1779 года до своей кончины в 1802 году благочестно управлял обителью. За несколько месяцев до смерти преподобного Феодосия в Софрониево-Молченскую пустынь

пришёл будущий великий Глинский старец преподобный Филарет (Данилевский), и в это недолгое время он с помощью отца Феодосия много преуспел в деле рассуждения помыслов, очищения сердца и умной молитвы.

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

Глинская пустынь в селе Сосновка (ныне территория Глуховского района Сумской области на Украине) известна с середины XVII века. Но начало особенного подъёма и расцвета духовной жизни в ней связано с настоятельством игумена Филарета (Данилевского), ученика старца Феодосия (Маслова), который сам окормлялся у преподобного Паисия (Величковского). Отсюда берёт своё начало Глинская ветвь Паисиева древа.

Глинская пустынь жила по строгому общежительному уставу афонских монастырей, в ней поддерживалась традиция духовного руководства новоначальных иноков опытными старцами, при этом обитель много занималась благотворительностью и духовным просвещением народа.

Высокие подвиги и духовные дарования глинских отцов сделали обитель широко известной. Преподобный Макарий (Глухарев), подвизавшийся в Глинской пустыни до начала своего миссионерского служения на Алтае, писал о ней: «Это школа Христова, это одна из светлых точек на земном шаре, в которую дабы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества». «Благодарение Господу: иночество живо ещё на православной Руси», — писал о Глинской пустыни святитель Феофан Затворник.

Устав пустыни полностью или частично заимствовали не менее 14 русских монастырей. Своей жизнью глинские старцы оказывали огромное влияние на всё общество. К ним

устремлялись многочисленные паломники со всех концов России. Многие воспитанники пустыни за высоту своей духовной жизни избирались на начальственные должности в другие монастыри для утверждения там истинно монашеского жития.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФИЛАРЕТ ГЛИНСКИЙ (ДАНИЛЕВСКИЙ)

Преподобный Филарет родился в 1777 году на Западной Украине в семье благочестивых казаков. Он с детства полюбил богослужение, читал и пел в храме на клиросе и самостоятельно хорошо освоил церковный устав.

Три года Фома (такое имя он получил при Крещении) провёл в Киево-Печерской Лавре, был келейником у старца иеромонаха Трифилия, который пророчески сказал: «Знай же, ты будешь монахом и начальником над монахами!». Однако вскоре Фоме Данилевскому пришлось отбывать воинскую повинность в черноморском казачьем войске. После тяжёлой болезни и чудесного выздоровления Фома принял решение снова идти в Киево-Печерскую Лавру, где был принят с радостью и поставлен на клирос в церкви Успения Божией Матери.

Великое значение для судьбы будущего святого наставника монахов имел его переход в Софрониево-Молченскую пустынь под руководство преподобного Феодосия (Маслова), друга и сотаинника преподобного Паисия (Величковского). Этот опытнейший старец, взял отца Филарета под своё духовное руководство и обучил его науке рассуждения помыслов, очищения сердца и умной молитвы. Именно отец Феодосий познакомил монаха Филарета с «Добротолюбием» и объяснил ему великую духовную пользу этой книги.

В 1806 году отец Филарет был рукоположен в иеромонаха и назначен благочинным монастыря. Несмотря на сравнительно молодые годы (ему не исполнилось ещё и тридцати лет), отец Филарет пользовался большим почитанием у братии, и к нему стали обращаться за советом и духовным наставлением монахи, старшие его по возрасту. Он каждому помогал в его духовной нужде, и всё это делал не самовольно, а по благословению настоятеля и старцев.

Иеромонах Филарет совмещал духовные упражнения и телесный труд. С детства любивший садоводство, он и в Софрониевой пустыни посадил множество плодовых деревьев около своей кельи. А ещё он любил переписывать книги, особенно нотные.

Слух о замечательном подвижнике всё больше распространялся, обратило внимание на способного иеромонаха и священноначалие. Поэтому в 1817 году отец Филарет был переведён в Глинскую пустынь и назначен её настоятелем. Так исполнились слова Киево-Печерского старца Трифиллия о будущем начальствовании Фомы Данилевского над монахами.

В то время Глинская Рождество-Богородицкая пустынь находилась в печальном состоянии запустения и разрухи, как в материальном, так и в богослужебном отношении. И первым делом новый настоятель решительно взялся за исправление недостатков в монашеском житии своей новой обители. Огромное значение обрело написание им устава Глинской пустыни, по подобию Афонского, чем был заложен прочный духовный фундамент для монастыря.

В строгом и неукоснительном соблюдении правил устава настоятель видел успех и крепость духовной жизни обители и говорил: «Я дал обет Божией Матери установить этот устав в Глинской пустыни для всегдашнего строгого исполнения этого чиноположения моими будущими

преемниками. Посему, если кто из них нарушит его, с таковыми буду судиться на суде Божиим».

24 года управлял отец Филарет Глинской пустынью — и всё это время он подавал личный пример братии своей жизнью и трудами. Питался он, как правило, только вечером, к концу жизни — одной ячневой кашей без соли и масла. Все вещи служили отцу Филарету десятками лет. Помня, что молитву полезно сочетать с трудом, отец Филарет до конца жизни работал и в саду, и в столярной мастерской.

Несмотря на то, что в пустыни были построены новые большие корпуса с удобными помещениями, сам настоятель до конца дней жил в тесной келье длиной чуть больше четырёх, а шириной — двух метров. Спал на деревянной скамье с тремя стенками, наподобие гроба, положив на неё тощий мешок сена. В этой келье он кратко отдыхал, вёл деловую и душеполезную переписку, писал свои книги — наставления монашествующим.

Год за годом Глинская пустынь умножалась численно и преуспевала духовно. Слава о ней расходилась далеко по всей России и Украине. В переписке с отцом Филаретом состояли Оптинские старцы Лев и Моисей, глубоко уважал его преподобный Серафим Саровский, часто посылавший к нему людей за наставлениями.

В свою очередь и преподобный Филарет глубоко почитал великого святого и сподобился видеть душу Серафима Саровского, восходящую по кончине на небеса. Он тогда долго, стоя на крыльце, смотрел на видимое ему одному сияние и сказал келейнику: «Вот как отходят души праведных! Ныне в Сарове почил отец Серафим».

Сама Божия Матерь неоднократно являлась отцу Филарету. Один раз это было накануне празднования Иверской иконы Пресвятой Богородицы, когда во время чтения последнего кондака акафиста «О, Всепетая Мати!» он

удостоился видения Девы Марии, а в другой раз — у себя в келье, как потом он открыл своему келейнику.

Преставился ко Господу преподобный Филарет Глинский на второй день Пасхи в 1841 году.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ ГЛИНСКИЙ (ШАРОВ)

Преподобный Макарий (в миру — Матвей Терентьевич Шаров) происходил из богатой мещанской семьи города Ефремова Тульской губернии. Мать его отличалась особенным благочестием, всегда пребывала в молитве и воспитывала детей в страхе Божиим. Следуя примеру своих родителей, Матвей Терентьевич тоже был искренне набожным, смиренным, вёл воздержную жизнь: не ел скоромного, читал духовные книги, удалялся от мирской суеты, усердно посещал храм Божий и часто молился Богу дома.

Двадцати шести лет от роду, в 1822 году, он окончательно решил оставить мир и поступил в Глинскую пустынь под руководство преподобного Филарета (Данилевского). Первоначально Матвея назначили трудиться на монастырской пасеке, куда часто приходил отец настоятель, присматривался ко вновь поступившему и отечески учил Матвея монашеской жизни. Заметив в нём большое усердие в послушании, воздержании, молитве и труде, отец Филарет постриг Матвея в монашество с именем Макарий.

Будучи ещё послушником, отец Макарий бдительно надзирал за состоянием своей души; сделавшись монахом, он ещё более стал внимателен к тому, чтобы никакие греховные помыслы не входили в его сердце. Со временем отец Макарий был рукоположен в священный сан.

Жил он очень скромно — в одной комнате, а в ней: икона Божией Матери Страстная, распятие, несколько книг, стол, стул, простая деревянная скамейка, на которой

акарий спал, и старый зипун. Никаких украшений в келье он не терпел. Любил один прогуливаться по лесу: молился, читал и размышлял.

Несколько лет преподобный Макарий нёс в обители послушание благочинного, но потом по слабости здоровья был освобождён от этого и вообще от всех внешних трудов. В тот период жизни он почти неисходно пребывал в своей келье, оставляя её только ради посещения церкви, трапезной и редких выходов на прогулку.

Первое время отец Макарий перестал принимать посетителей, отчего многие люди очень скорбели. Тогда Господь Сам вразумил избранного Своего раба. Об этом отец Макарий так сообщил настоятелю: «Лежу я, утомлённый и немощный, и явился мне ангел Божий и сказал: “Принимай народ”. Теперь я не могу противиться и должен исполнить волю Божию». После этого старец получил благословение от настоятеля на приём приходящих.

Кроме того, было отцу Макарию видение, по которому он без смущения стал принимать для беседы и женщин. «Я вас не принимал бы, — говорил подвижник одной монахине, — да мне было видение. Вижу, будто иду в церковь по монастырю и около меня летает множество ласточек. Они садятся и на руки, и на плечи мне; я их беру в руки и одуваю. После того будто возвращаюсь из церкви и на голове несу крест, а на крышах монашеских келий грачи каркают на меня». Видение ласточек было понято отцом Макарием в том смысле, что он не должен отказывать в приёме женщинам, ищущим его совета; несение креста означало, что дело это — нелёгкий подвиг; а каркающие грачи означали тех братиям, который роптали по поводу приёма женщин.

Для спасения своей души и душ ближних, а также ради славы Божией старец никогда не жалел себя. На церковную службу отец Макарий ходил до тех пор, пока ещё хватало

сил. Опираясь на костыль, он твёрдо выстаивал до конца все продолжительные богослужения Глинской пустыни, несмотря на сильную болезнь.

За шесть месяцев до смерти измождённый подвижник затворился в своей келье и принимал к себе только иноков, но более предпочитал совершенное уединение. Теперь ещё чаще отец Макарий стал приобщаться Святых Тайн Христовых.

Особым видением он был извещён, что не будет задержан на страшных мытарствах. Об этом он сам рассказал так: «Лежу я больной и скорбный. Господи, не готов я, а конец жизни приближается! И вижу белый столб, как бы бумагой оклеен, до самого неба восходит. На том столбе большая площадь; там хорошо, сказать тебе не умею. Это мне было место показано, и слышал я глас, что мне мытарств проходить не придётся». Поэтому он с радостью ожидал своей кончины, которая последовала тихо и мирно на 63-м году жизни святого старца.

ПРЕПОДОБНЫЙ АРСЕНИЙ ГЛИНСКИЙ, АРХИМАНДРИТ СВЯТОГОРСКИЙ

Архимандрит Арсений (в миру – Алексей Яковлевич Митрофанов) родился в 1805 году в городе Ливны Орловской губернии. Происходя из зажиточного купеческого рода, он и сам занимался в молодости торговлей. Хотя влечение к монашеской жизни Алексей почувствовал с шестнадцатилетнего возраста, но семейные обстоятельства долгое время удерживали его в миру.

Наконец, тридцати лет от роду Алексей всё оставил и поступил в Глинскую пустынь, славившуюся в то время духовной опытностью своего настоятеля, игумена Филарета (Данилевского). По благословению старца, послушник

Алексей отправился в паломничество по Святым местам, посетил Константинополь, Афон, Синайскую гору, был в Палестине и Египте и составил подробное описание своего путешествия, продолжавшегося четыре года.

По возвращении на родину Алексей вновь поступил в Глинскую пустынь, где всецело отдал себя в послушание отцу Филарету и стал ревностно проходить всё назначаемое им, чем вскоре привлёк к себе расположение старшей братии и самого старца Филарета, отличавшего его впоследствии своим доверием.

Для молодого послушника годы, проведённые под руководством отца Филарета, были временем постижения основ монашеского делания. Благодаря полному послушанию своему искусному и опытному наставнику, Алексей не только сам преуспел в добродетели, но и обрёл дар руководить другими на пути ко спасению. Вскоре игумен Филарет постриг Алексея в монашество с именем Арсений, а затем он был рукоположен в священный сан.

После кончины преподобного Филарета иеромонах Арсений был назначен казначеем обители, а затем его перевели в Святогорский монастырь на Украине и сделали там настоятелем. Ему было тогда 39 лет.

Неустанно с утра до вечера трудился отец Арсений, руководя всеми монастырскими работами, но при этом внимательно следил и за духовной жизнью обители. Отец Арсений призывал братию ежедневно открывать помыслы духовнику. Такая традиция старчества и откровения помыслов, благодаря преподобному Филарету (Данилевскому), была установлена в Глинской пустыни. Порядками её отец Арсений особенно дорожил и старался об укоренении их в Святогорской обители.

Он возродил её из руин, хорошо обстроил и обеспечил, собрал благонравных иноков, из которых многие, благодаря его духовному руководству, святоотеческой мудрости

и опытности, просияли подвижнической жизнью и сподобились благодатных даров.

Сам отец Арсений неоднократно обращался за духовным советом и поддержкой к Оптиным старцам. Сохранились его письма к настоятелю Оптиной пустыни преподобному Моисею. В одном из них он пишет: «В бытность мою в Вашей Святой обители Вы столько меня облагодетельствовали Вашею отеческою любовью и старческими советами, что по гроб мой сие останется незабвенным». И ещё: «Дорого бы я дал, чтобы хоть часок побеседовать с вами лично и попросить совета и наставлений; часто требует сего душа, нередко и обстоятельства, много есть у меня знакомых, святых и учёных, но мне хочется поучиться у монаха толчёного (то есть опытного в терпении скорбей и искушений — прим. автора), как говаривал один старец, да где их взять? И у нас, слава Богу, есть очень добрые отцы и братия, но мы все ещё ученики. Вам же, Батюшка, вполне принадлежит имя Аввы!»

Письма отца Арсения дышат смирением перед великими старцами Оптиной пустыни, но и сам он достиг святости и причтён к лику преподобных, о чём были откровения другим прославленным Святогорским отцам после блаженной кончины старца Арсения, которая последовала на 55-м году его жизни, 12 октября 1859 года.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЄВФИМИЙ ГЛИНСКИЙ (Любимченко)

Схимонах Евфимий (в миру — Евстафий Любимченко) родился в 1795 году на Полтавщине (Украина), в семье отпущенного на волю крепостного крестьянина. На 23-м году жизни он решил стать на путь иночества и удалился в Глинскую пустынь.

Там он был пострижен в монахи и последовательно проходил различные послушания, руководствовался наставлениями преподобного Филарета (Данилевского) и какое-то время был его келейником. Затем отец Евфимий стал церковным пономарём и нёс это служение около тридцати лет.

Видя его строгую подвижническую жизнь, преуспеяние в молитве, смирение и духовную опытность, преподобный Филарет относился к отцу Евфимию весьма почтительно и, желая назначить его духовником для руководства молодых братий, предложил ему принять священный сан. Но монах Евфимий решительно отказался от этого. Он остался пономарём, а всё свободное от основного послушания время посвящал работам в монастырском саду. Молитва же старца была непрестанной.

Когда отец Евфимий на склоне лет уже не в силах стал исполнять пономарское послушание и был освобождён от него, он всё равно к началу каждого богослужения спешил в храм и выстаивал его до конца.

В начале 1866 года он заболел, и эта, уже предсмертная, болезнь приковала отца Евфимия к постели. Но любовь и благая привычка к храму Божию, к богослужению, песнопению, слушанию Слова Божия, влекла его в церковь. Поэтому, поддерживаемый братией под руки, он, пока ещё были силы, всё же посещал храмовые службы.

Когда старец приблизился к кончине, над ним совершили Елеосвящение и причастили Святых Христовых Тайн. По принятию Тела и Крови Христовых он тихо сидел на койке, ожидая своего переселения в иной мир. Светло улыбаясь, он тихо плакал. Один из братии по своей простоте спросил отходящего старца: «Батюшка, что вы плачете! Разве и вы боитесь умирать?»

Старец посмотрел на него с улыбкой и сказал: «Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному и бояться! Нет, брат, я, по благодати Божией не боюсь, а что ты видишь мои слезы, это

слезы радости. Столько лет душа моя стремилась ко Господу, а теперь приближается желанное время, я скоро предстану Тому, к Кому всю мою жизнь стремилась душа моя, и увижу Его: вот слёзы и текут».

Так, мирно пребывая в сердце своём с любимым Господом Иисусом, окончил земной путь преподобный Евфимий Глинский на 71-м году своей жизни, в 1866 году.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИЛИОДОР ГЛИНСКИЙ

Преподобный Илиодор (в миру – Иоанн Голованицкий) родился в 1795 году в семье приходского священника села Староселье под Киевом. Обучался в Киевской духовной академии, во время Отечественной войны служил в народном ополчении, а, выйдя в отставку, поступил в монастырь.

В Глинской пустыни, куда он пришёл в 1818 году, будущий старец окормлялся сначала у схимонаха Пахомия (Сковородки), а после его смерти – у настоятеля Глинской пустыни преподобного Филарета (Данилевского), ученика святого старца Паисия (Величковского).

Через несколько лет отец Илиодор был рукоположен в священный сан и назначен настоятелем Рыхловского Николаевского монастыря в Черниговской губернии, на Украине. Там он наладил уставную жизнь иноков, привёл в порядок обветшавшие постройки, а за сбором денежной помощи для обители ему пришлось съездить в Москву. И тут он, по промыслу Божьему, получил не только денежную, но и духовную помощь.

На обратном пути в свой монастырь отец Илиодор посетил Оптину пустынь, где познакомился и имел несколько душеполезных бесед с преподобным старцем Львом Оптинским. Об этом общении преподобный Илиодор

с благодарностью рассказывал своим ученикам до глубокой старости.

И в дальнейшем он много общался с великими оптинскими отцами: Моисеем, Львом, Макарием и особенно близко — с Амвросием. Старец Амвросий писал своей духовной дочери: «Отец Илиодор посоветует тебе всегда полезное как опытный духовный муж». Преподобный Амвросий многим рекомендовал посетить Глинскую пустынь, передавал с паломниками книги для отца Илиодора. Духовное единение старцев раскрывается в совете, который преподобный Амвросий как-то дал сёстрам Севского Свято-Троицкого монастыря: «К отцу Илиодору в Глинскую пустынь можете писать и можете принимать его мнения и советы».

Через несколько лет настоятельства в Рыхловском монастыре отца Илиодора назначили настоятелем Петропавловского монастыря в той же Черниговской губернии и возвели в сан архимандрита. Настоятельская должность тяготила его, поэтому отец Илиодор молил Господа, чтобы Тот указал ему поистине богоугодный путь. И Господь дал ответ Своему рабу в видении.

Однажды во сне он узрел себя среди поля перед тремя дорогами: первая — к Рыхловскому монастырю — шла по цветущему лугу; вторая — к Петропавловскому монастырю — была усеяна маленькими кочками и лужами; третья, самая узкая дорога — к Глинской пустыни — поросла колючим кустарником и тянулась по оврагам. Проснувшись, отец Илиодор решил следовать «тесным путём», то есть поселиться в Глинской пустыни. Он обратился с прошением об этом к правящему архиерею и был уволен от настоятельской должности на покой в Глинскую пустынь. Ему было тогда 50 лет.

Обладая добрым и миролюбивым характером, отец Илиодор, живя в Глинской пустыни, всегда советовал

братии прощать согрешения друг другу. Но многие неопытные в духовной жизни иноки зачастую смеялись над ним и осыпали упрёками. «Приду, бывало, — рассказывал старец, — начну уговаривать их и просить примириться; вот тут-то мне и достанется. Откуда, говорят мне с насмешкой, явился такой миротворец?! Уходи отсюда! Какое тебе до нас дело?» Со временем иноки изменили своё отношение к отцу Илиодору и стали его почитать как духовного старца.

В те годы отец Илиодор надолго и тяжело заболел и дал обет: в случае выздоровления поклониться Гробу Господню. Бог послал больному исцеление, и старец отправился в Палестину и в город Миры Ликийские, в котором некогда был епископом святитель Николай Чудотворец. Во время молебна у гробницы святителя Николая лампада, висевшая над ней, чудесным образом наклонилась и из лампы на Илиодора излилось масло. Свидетели этого события воскликнули: «Милость святитель изливает на архимандрита».

Через несколько лет после этого паломничества отец Илиодор решил удалиться на более строгое, чем раньше, безмолвие. По благословению настоятеля он вместе с келейником, послушником Викентием поселился в 3 километрах от монастыря, рядом с рекой Обестой (впоследствии здесь был основан Спасо-Илиодоровский скит Глинской пустыни). Там отшельники почти непрерывно занимались молитвой и очень строго постились, а по воскресеньям и праздникам приходили на богослужение в монастырь.

Своему келейнику отец Илиодор рассказывал, что однажды, когда он молился в монастыре во время освящения вновь устроенного собора обители, то сподобился увидеть на солее храма Деву Марию, окружённую светом Божественной славы.

По окончании монастырских богослужений старец обычно беседовал в обители с почитавшими его насель-

никами. Призывал их отсекать своеволие, покаясь духовно опытному наставнику; советовал надеяться не на себя, а на молитвы старца и, смиряя себя, иметь в этом сильное оружие против гордого врага дьявола; учил хранить сердечную чистоту.

Осенью 1874 году из-за болезни старец Илиодор переселился из своего скита в монастырь, где вскоре и преставился ко Господу.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИННОКЕНТИЙ ГЛИНСКИЙ

Преподобный Иннокентий (в миру — Яков Фирсович Степанов), из дворян Курской губернии, поступил в Глинскую пустынь в 1845 году и находился под духовным руководством великих Глинских старцев.

Своими хорошими способностями, тихим нравом и усердием к благочестию он обратил на себя внимание монастырского начальства и скоро занял должность письмоводителя и библиотекаря обители. А в 1862 году отца Иннокентия назначили настоятелем Глинской пустыни.

При нём были построены соборный храм, двухэтажная каменная больница и другие здания. Кроме больших хозяйственных забот, на настоятеля, как духовного отца и пастыря, легла всегдашняя забота о воспитании многочисленной братии в мире и любви, чтобы по возможности всех представить Богу готовыми к Небесному Царству.

Иногда батюшка утомлялся приёмом людей до полного изнеможения, язык его уже не мог говорить. тогда он прекращал приём. Но видя множество народа, жаждущего его благословения и наставления, через несколько минут опять начинал выслушивать людей и отвечать на их вопросы. Однако удовлетворить всех было невозможно, и любвеобильный старец об этом немало скорбел.

Кроме того, отец Иннокентий, отпустив всех обычных посетителей, беседовал наедине с теми из братии, кто искал наставления в молитве и духовном трезвении. А оставшееся ночное время старец сам проводил в молитве. Вратарь, приходящий в полночь за благословением будить будильщика для пробуждения братии, всегда заставлял отца Иннокентия одетым и бодрствующим.

Кроме слова духовной мудрости, отец Иннокентий имел от Бога дар прозрения. Молва об этом распространилась в народе, и очень многие стали обращаться к старцу за помощью в принятии важных для них решений. Имел он и дар исцелений: помазывал людей маслом из лампы от чудотворной Глинской иконы, и многие больные выздоравливали.

Но исцеляя других, сам отец Иннокентий не принимал никаких лекарств и при слабом телосложении почти всегда был болен. Однако переносил болезни благодушно, с благодарностью Господу, ибо в недугах тела видел пользу для здоровья души. В своей предсмертной болезни он тяжело страдал, но внешне не подавал вида.

Кончину архимандрита Иннокентия за месяц предсказал подвизавшийся в Глинской обители преподобный Архипп. Тогда же одной благочестивой женщине было знаменательное видение: войдя в келью отца Иннокентия, она увидела вокруг его головы золотой венец, и лицо его было, как у ангела. Когда эта женщина стала говорить старцу о своём видении, он, улыбаясь, перебил её словами: «Молись, и ты то же получить можешь».

Преставился преподобный Иннокентий в субботу, во время всенощного бдения, когда на клиросе пели: «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко». Напутствованный таинствами Елеосвящения, Исповеди и Причащения Тела и Крови Христовых, он мирно отошёл ко Господу.

Преподобный Архипп Глинский (Шестаков)

Преподобный Архипп (в миру — Афанасий Шестаков) родился в 1825 году в Курской губернии, в купеческой семье. С детства он отличался скромностью, воздержанием и благочестием: не любил щегольски одеваться, спал без подушки, чай пил без сахара, к деньгам был равнодушен, удовольствий избегал, а любил посещать храм Божий.

27 лет от роду будущий старец пришёл в Глинскую пустынь, где был назначен трудиться в пекарне, и трудился там 33 года. Ему несколько раз предлагали стать старшим, но по смирению он предпочитал подчиняться, а не повелевать. «Я ничего не смыслю, простите меня неразумного, — говорил он, падая в ноги, — назначьте другого». В монашестве он получил имя Архипп.

Со временем отцу Архиппу, как опытному в духовной жизни, поручили принимать посетителей, ищущих наставления. Для строгого аскета такое послушание было весьма тягостно, но он, привыкший во всем повиноваться монастырскому начальству, не прекословил.

Со временем отец Архипп поселился в Спасо-Илиодоровском скиту Глинской пустыни, при этом он ещё более усилил пост: горячую пищу стал употреблять только по субботам и воскресеньям. Причащался он во все воскресные и праздничные дни. Желая положить хранение устам и не согрешать языком, отец Архипп стал класть в рот щепку, пока не привык молчать или кратко говорить только необходимое для спасения души.

Подвиги смиренного подвижника были ещё при его земной жизни вознаграждены Богом. Он получил дарования прозрения и не раз предсказывал время кончины отцов Глинской пустыни, а также некоторых мирян. В августе 1888 году старца увидели лежащим и плачущим на полу соборного храма. На вопрос о причине плача старец отвечал:

«Скоро все будете плакать». И действительно, через месяц все оплакивали кончину любимого братией архимандрита Иннокентия. Причём почивший погребён был на том самом месте, где плакал отец Архипп.

Кроме духовной мудрости и других благодатных даров, отец Архипп имел также дар исцелений. Но, исцеляя других, сам он, будучи больным, не жалел своего здоровья, силы его постепенно слабели, и наконец отец Архипп представился ко Господу, предсказав свою кончину за несколько дней, со всеми попрощавшись и за полчаса до своей блаженной кончины причастившись Святых Христовых Тайн.

Преподобный Иоанникий Глинский (Гомолко)

Настоятель Глинской пустыни архимандрит Исаия (впоследствии схиархимандрит Иоанникий, в миру – Иоанн Гомолко) родился в 1842 году в семье офицера. С детства воспитанный в страхе Божиим, он отличался сосредоточенностью и самоуглублением. После окончания Гомельского уездного училища в 1865 году Иоанн поступил в Глинскую пустынь.

В Глинской пустыни в то время подвизались преподобные схиархимандрит Илиодор, настоятель обители архимандрит Иннокентий, схимонах Евфимий и другие духовные отцы. Отсекая во всём свою волю, предав себя в полное послушание старцу, молодой подвижник очищал сердце ежедневным исповеданием всех своих помыслов и поступков, читал творения святых отцов, учился смирению.

Он старался всегда быть внутренне собранным и внимательным к каждому движению души, ум старался хранить от рассеяния, чтобы не утратить действия молитвы в сердце. Это побуждало Иоанна к безмолвию уст и воздержанию

всех чувств от лишних впечатлений, а также к весьма умеренному употреблению пищи и питья.

При этом он избегал показливости и ходил в трапезную вместе со всеми, только ел понемногу, не привлекая к себе внимания. Также не предавался Иоанн и совершенному молчанию, просто избегал пустословия и говорил лишь тогда, когда в этом действительно была необходимость. Так он стремился ничем внешне не выделяться среди братии, чтобы не разжигать в себе тщеславия.

Смирение Иоанн ставил во главу угла: всегда укорял самого себя, старался терпеливо переносить укоризны от других и крайне остерегался осуждения. Такая бдительность над собой, соединённая со смиренной молитвой, стяжала ему непрестанную память о Боге.

В 1874 году Иоанн был пострижен в монашество с именем Исаия; в 1880 году рукоположен в иеродиакона, в 1884 году — в иеромонаха. Видя его духовную опытность, настоятель назначил отца Исаию письмоводителем и поверенным по делам монастыря. В должности письмоводителя отец Исаия должен был отвечать не только на официальные бумаги, но и на многочисленные письма богомольцев, обращавшихся за советом, духовным наставлением, просивших молитвенной помощи и поддержки в своём горе. Ответы его, наполненные благодатью Святого Духа, всегда были душеспасительными.

Как поверенный по делам монастыря отец Исаия стал «правой рукой» настоятеля, преподобного Иннокентия, и не только хорошо ознакомился со всем монастырским хозяйством и многотрудными обязанностями аввы обители, но и находился под непосредственным духовным руководством святого отца. После кончины архимандрита Иннокентия братия Глинской пустыни избрала иеромонаха Исаию на должность настоятеля обители, в которой он подвизался почти четверть века — с 1888 до 1912 года, года

его невинного страдания от злых людей и блаженной кончины.

В должности настоятеля отец Исаия много потрудился для благоустройства и процветания обители, как внешнего, так и внутреннего. Были построены новые храмы и дома, обновлена церковная утварь, устроена больница с домовою церковью. При нем в Глинской пустыни были организованы разнообразные мастерские, процветали садоводство, огородничество, пчеловодство и рыбоводство.

С ростом благосостояния Глинской пустыни возросла и её благотворительность. В годы настоятельства отца Исаии обитель ежегодно принимала около 50 тысяч богомольцев, которые бесплатно пользовались жильём, монастырской трапезой, лекарствами, одеждой, обувью, а иногда получали и денежную помощь. В случае нужды жители окрестных деревень безвозмездно получали от пустыни помощь хлебом или деньгами. В 1890 году при Глинской пустыни был создан «Дом трудолюбия» для обучения в нем разным ремёслам и грамоте крестьянских детей-сирот.

Заботясь о просвещении народа, отец Исаия организовал в 1891 году в Глинской пустыни издание религиозно-нравственных книг и листков. Большой популярностью пользовались «Глинские листки» и «Глинские Богородицкие книжки». Они содержали выдержки из житий и творений святых отцов и подвижников благочестия. Понимая, какое значение имеет духовное чтение в борьбе христианина со своими страстями, отец Исаия всеми мерами способствовал издательской деятельности своей обители. Уже в середине 1893 года пустынь издала 35 «Глинских листков» и 22 книги. Они бесплатно раздавались в благословение богомольцам. Обитель поставила также своей задачей издание жизнеописаний замечательных подвижников Глинской пустыни, и при отце Исаии было издано 15 таких жизнеописаний.

В 1908 году для борьбы с сектантскими лжеучениями в обители был открыт миссионерский кружок во имя святого апостола Иоанна Богослова. В обязанности членов кружка входило ежедневное чтение поучений в храмах, а также среди народа в гостиницах, столовых, на монастырских дворах. Эта деятельность велась под непосредственным руководством и наблюдением отца Исаии.

Но среди этих многогранных и благих внешних трудов основной заботой настоятеля было созидание правильной внутренней жизни братии, и здесь большое внимание он уделял бодрствованию каждого инока над своей душой. Сам отец Исаия, несмотря на множество забот, не только не терял внутренней собранности, но и преуспел в духовном трезвении, то есть в непрестанной молитве при постоянном внимании к своим помыслам и сердечным движениям.

Игумен Исаия говорил, что с трезвением соединено и составляет как бы единое целое немедленное отвержение приражающихся греховных помыслов. Поставив ум в трезвенное состояние, мы должны бдительно смотреть на нападающие помыслы и отвергать их при самом появлении, не принимая их и не давая им проникнуть в наше сердце. Отец Исаия говорил, что в борьбе с греховными помыслами в первую очередь требуется молитвенная деятельность ума, а иначе от помыслов избавиться мы не можем.

Игумен Исаия призывал иноков внимательно читать и изучать Божественное Писание, ибо Слово Божие помогает бороться с греховными помыслами. И самым главным в духовной жизни христианина он называл Причащение Святых Христовых Тайн, которое, соединяя нас с Богом, является одновременно и смыслом нашей жизни, и спасительным средством искоренения греховных помыслов. Во время настоятельства этого ревностного подвижника

и пламенного молитвенника богослужения в Глинской пустыни совершались с особым благоговением и торжественностью.

Отец Исаия сам прошёл строгую школу полного послушания старцам и знал, что невозможно иноку научиться трезвению без частого откровения помыслов, поэтому при нём старчество особенно процветало в обители. При поступлении в Глинскую пустынь каждому назначался старец, которому ежедневно следовало открывать свои мысли и поступки, без благословения его ничего нельзя было предпринимать. Именно это делание возводило Глинских подвижников на высоту духовного совершенства, сохраняя преемственность древних иноческих традиций.

Под многоопытным руководством старца Исаии сформировался целый сонм духовных подвижников, и эта линия протянулась до середины XX века. По широте своего благотворного влияния на духовную жизнь в русской Церкви Глинская пустынь может быть поставлена в ряд с такими величайшими обителями, как Троице-Сергиева Лавра, Оптина пустынь и Киево-Печерская Лавра.

В 1906 году отец Исаия постригся в схиму с именем Иоанникий. С этого времени старец, хотя и оставался настоятелем большого монастыря, усилил свои подвиги и все ночи проводил в молитвенном бодрствовании.

В конце жизни святого старца Иоанникия постигла клевета, которой, несмотря на всю её очевидную ложность, поверили власть имущие, и в 1912 году преподобный Иоанникий был отстранён от должности настоятеля и удалён из обители.

При этом совершилось явное чудо. Когда схиархимандрит Иоанникий уходил из монастыря, вокруг Глинской пустыни был сильный весенний разлив рек, вода поднялась высоко, а старец вышел из обители, перекрестил воду и на глазах у всех пошёл по ней, как посуху. Так Господь

прославил Своего угодника и всем открыл святость его жизни и несправедливость возведённых на него обвинений.

До недавних пор дальнейшая судьба подвижника считалась неизвестной, но теперь установлено, что отца Иоанникия приютила одна крестьянская семья, в доме которой он вёл жизнь затворника до конца своих дней. После кончины старец был погребён на братском кладбище Глинской пустыни.

СИБИРСКАЯ ВЕТВЬ ПАИСИЕВА ДРЕВА

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАСИЛИСК СИБИРСКИЙ

Преподобный Василиск (в миру — Василий Гаврилович Гаврилов) родился в крестьянской семье. С детских лет он отличался трудолюбием и стремлением к уединённой молитве. В юности Василий часто бывал в Макариевом Калязинском монастыре и слушал там проповеди замечательного подвижника благочестия епископа Гавриила (Петрова), будущего митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, повлиявшие на духовное становление Василия.

Исполняя волю родителей, он вступил в брак и жил с женой в мире и согласии. Но душа Василия стремилась к иночеству, он часто и подолгу бывал в монастырях и наконец, с согласия супруги, оставил семью и поселился в Островской Введенской пустыни. Настоятель этой обители, преподобный Клеопа Покровский, ученик святого Паисия (Величковского), дал Василию благословение на

пустынничество. В монашестве он получил имя Василиск.

Некоторое время отец Василиск жил отшельником в лесах Чувашии, стремясь постоянно пребывать в молитве, а затем переселился в брянские леса, где под руководством духовно опытного старца иеромонаха Адриана достиг высокой меры преуспеяния. Затем отец Василиск провёл несколько лет в пустынном уединении, и со временем Бог привёл к нему Зосиму (Верховского), будущего великого старца и духовного наставника монашествующих.

Зосима был моложе Василиска, но более сведущ в писаниях святых отцов. Он объяснил своему старшему другу истинное учение о сердечной молитве. Тогда Василиск с великой ревностью, усердно начал упражняться в молитве Иисусовой и в скорости пришёл, по милости Божией, в такое благодатное состояние, что об удивительных духовных действиях молитвы в старце Василиске отец Зосима составил особую рукопись — «Повествование о действиях сердечной молитвы старца-пустынника Василиска», куда прилежно записывал все откровения подвижника.

Отец Василиск не только доверял ему тайны своей души, но и сам рассматривал и выправлял повествование. Чистота сердца и глубокое смирение перед Богом и ближними позволили преподобному Василиску достичь возвышеннейшего духовного преуспеяния. Неоднократно удостоивался он осияния нетварным светом, сподоблялся лицезрения Спасителя и Пресвятой Богородицы, видений райских блаженств и адских мук.

Около 10 лет провели отец Василиск и отец Зосима неподалёку от Коневского монастыря, упражняясь в монашеских подвигах и особенно в молитве Иисусовой. Они помогали людям мудрыми советами, поэтому множество богомольцев посещали подвижников, и все находили у них доброе утешение и духовную поддержку. Нередко отец

Василиск предугадывал перемены, грядущие в жизни его или других людей, которые со временем происходили.

Затем отцы Василиск и Зосима переселились в Сибирь и в течение 20 лет подвизались в отшельничестве в лесу, в пятидесяти километрах от города Кузнецка, в двух отдельных кельях. Обычно они по целым неделям не виделись друг с другом, а воскресные и праздничные дни проводили в совместной молитве, чтении или духовных дружеских беседах, прогуливаясь по пустынным окрестностям.

Добрые местные жители изредка посещали отшельников, делая им приношения. Однако денег отцы Василиск и Зосима решительно ни от кого не брали, а только лишь самые простые и скудные пожертвования, необходимые для их пропитания и одеяния. Причём старались воздавать и за них своим рукоделием: отец Василиск делал посуду глиняную, а отец Зосима — деревянную. Таково было их житие внешнее, а внутренне они, как и прежде, пребывали в непрестанной молитве и духовном трезвении.

Много лет прожили старцы Зосима и Василиск в пустыне почти неисходно, думая, вероятно, и окончить там свои дни. Однако, как сказано в Евангелии, «зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5, 15). Господу было угодно, чтобы, сами стяжав высокие добродетели, старцы послужили и делу спасения ближних.

Некая мещанка города Кузнецка, Анисья Котохова, пожелала начать иноческую жизнь. Поблизости монастырей не было, а в центральную Россию ехать было далеко, и она решила прибегнуть к духовному руководству пустынников. Получив их согласие и доверив им свою волю, она поселилась в деревеньке на берегу реки Томи. Узнав о подвижничестве Анисии, к ней стали проситься в сомолитвенницы и другие благочестивые девушки.

Старец Василиск часто посещал их, наставляя в иноческой жизни, а иногда посылал к ним отца Зосиму. Со временем эта община преобразовалась в Свято-Николаевский женский монастырь, близ которого и провёл в уединении последние свои годы преподобный Василиск. На старости лет он, бывало, подолгу проживал и в самой обители.

Блаженная кончина старца Василиска последовала в 1824 году. Время своего отхода он указал с точностью, накануне исповедался и приобщился Святых Христовых Таин. Крестьянин, который служил ему до кончины, приложив свою руку к груди отходящего пустынника, ощутил, что сердце в умирающем сильно бьётся и мечется во все стороны. До самого последнего вздоха был он в устной и сердечной молитве и со словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий» — испустил дух, будто уснул. Причём и по исшествии духа сердце ещё долго в нем трепетало.

Святые мощи преподобного были обретыены в 2000 году. Известны случаи исцелений и духовной помощи после молитвенного обращения к святому Василиску.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЗОСИМА (ВЕРХОВСКИЙ)

Преподобный Зосима (в святом Крещении — Захария) родился в 1768 году в знатной дворянской семье, служил в Санкт-Петербурге в прославленном Преображенском полку. После смерти отца и матери, в двадцатилетнем возрасте лейб-гвардии поручик Верховский вышел в отставку и решил целиком посвятить себя Богу.

Сначала он пришёл в Рославльские леса, где познакомился с преподобным Василиском и просился к нему в ученики. Но опытный в духовной жизни отец Василиск посоветовал молодому подвижнику начать иноческий путь с общежительного монастыря. Поэтому Зосима поступил

в Коневецкий в честь Рождества Пресвятой Богородицы монастырь, где и подвизался под руководством настоятеля, опытного иеромонаха Адриана.

Со временем в тот же монастырь пришёл и старец Василиск. По благословию настоятеля, Василиск и Зосима поселились в лесу, в 3 километрах от обители в отдельных кельях. Там в уединённом безмолвии отшельники проводили пять дней, а в субботу после келейного правила приходили в монастырь ко всеобщей.

Старец Василиск, стяжавший дар сердечной Иисусовой молитвы, делился с отцом Зосимой своим редким духовным опытом, а тот записывал их беседы. Позднее на основе этих записей преподобный Зосима составил целую книгу «Повествование о действиях сердечной молитвы старца пустынножителя Василиска», в которой описал необычайные действия Иисусовой молитвы, о которых поведал ему Василиск.

Проводя столь строгую жизнь, отцы Василиск и Зосима, всё-таки стремились к ещё большему подвигу и уединению, поэтому со временем они покинули Коневецкий монастырь и после долгих поисков поселились в Сибири, близ реки Томь, в местности Три Курьи, в удалении от всякого человеческого жилья (ближайшая деревня была в 20 километрах). Некоторое время со старцами прожил и 20-летний подвижник Петр Мичурин, впоследствии прославленный Церковью в лике праведных.

В Трёх Курьях отцы Василиск и Зосима прожили много лет в двух кельях. Завели небольшой огород, ловили рыбу в озёрах. Отшельники пребывали в совершенном безмолвии, лишь субботу, воскресенье и большие праздники проводили вместе, читали творения святых отцов, беседовали. Во время Успенского поста они по реке Томь добирались до города Кузнецка, чтобы причаститься Святых Таин.

Первоначально отец Зосима подвергался бесовским страхованиям, и ему даже приходилось бороться с помыслом оставить отшельничество, но спустя 3 года, он перестал чувствовать страх и смотрел на бесов, как на мух.

Около 1820 года, после 20 лет отшельничества, Зосима и Василиск, по велению Духа Божьего стали принимать на себя окормление мирян. Из учениц святых подвижников со временем составила иноческая община, которая затем была преобразована в Свято-Николаевский монастырь г. Туринска. Отцу Зосиме Святейшим Синодом было поручено духовно опекать насельниц этой обители. Поэтому старцы Зосима и Василиск поселились в уединённом месте в 8 километрах от Туринска.

Отец Зосима написал для сестёр устав, ориентированный на общежительные правила святителя Василия Великого, и особое «Поучение о послушании».

По прошествии нескольких лет, в 1824 году преподобный Василиск преставился ко Господу, а в обители начались нестроения. Старца Зосиму оклеветали, и, хотя его невиновность была доказана, ему, однако, пришлось удалиться из созданной им обители. По милости Господа, расположившего к Зосиме святителя Филарета Московского и некоторых благочестивых богатых людей, ему удалось создать новый монастырь в окрестностях Москвы, получивший уже после кончины старца название Зосимова Троице-Одигитриева пустынь.

Зосима поселился и прожил до конца своих дней в 3 километрах от этой обители в маленькой келейке с колодцем. Там он проводил пять дней в неделю, в субботу приходил в монастырь к утрени, а в воскресенье вечером возвращался на безмолвие.

В октябре 1833 года старец заболел, накануне кончины соборовался, исповедался, причастился Святых Таин. Прощаясь с сёстрами, завещал им жить в любви и смирении.

«Не расходитесь по моем исходе, — убеждал их Зосима, — Господь даст, что и церковь у вас будет, и обитель утвердится. Матерь Божия, Коей я вручил вас и всю обитель, прославит имя Своё на месте сем и ниспошлёт на вас милость Свою». Завещание преподобного исполнилось — монастырь действует и в наше время.

Почитание преподобного Зосимы (Верховского) началось сразу после его кончины. Над могилой святого по благословению святителя Филарета Московского был построен Троицкий храм, в котором поместили усыпальницу старца. Со временем он был причислен к лику святых. В конце XIX века состоялось обретение нетленных мощей старца, но во времена большевистских гонений на Церковь мощи были утрачены.

ПРАВЕДНЫЙ ПЕТР (МИЧУРИН)

Праведный Петр родился в Сибири, недалеко от города Кузнецка (ныне Новокузнецк) в конце XVIII века в семье дворян Мичуриных. Его отец Алексей и мать Домникия были людьми благочестивыми и глубоко верующими.

Петр с малых лет полюбил молитву, предпочитая её детским забавам. В урочное время он поступил на военную службу. Но сердце юноши принадлежало только Богу: он сторонился весёлых компаний, не ел мяса, много времени уделял молитве и чтению духовной литературы. И домашние, и соседи любили простодушного, доброго юношу. Родители, видя его стремление к Богу, разрешили Петру уйти в отставку и начать иноческую жизнь.

Тогда он отправился в тайгу, в местность под названием Три Курьи, где в скиту проживали отшельники Василиск и Зосима. Петр предал себя в полное послушание старцу Василиску и, во всём следуя его богомудрым советам, скоро

обрёл духовную опытность и достиг высоты в творении Иисусовой молитвы.

Так он сам описывал своё состояние: «Никогда не перестаю молиться и не бываю без молитвы, даже и тогда, когда память забудется, когда дремлю или сплю, ибо, пробудясь, чувствую её в сердце моём, и никогда она своё действие не оставляет. Подобно как кто любимого друга встречает и провожает, так и она дни и ночи утешительно всего меня в себе объёмлет». Часто во время молитвы Петр приходил в духовный восторг и со слезами громко восклицал: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!»

Он проводил жизнь в строгом посте, иногда по несколько дней не прикасался к пище. Избегая лишнего сна, юный подвижник со временем даже отучился спать лёжа. Иногда, выйдя из кельи, молился стоя с вечера до утра. А как-то раз он всю морозную ночь простоял с воздетыми к небу руками, согреваясь Божественным огнём молитвы.

Однажды, Петр попросил отца Василиска разрешить ему не принимать пищу 40 дней, но получил благословение только на 10 дней. В дни этого строжайшего поста Петр рубил дрова и нечаянно нанёс себе тяжёлую рану на ногу, так что потерял много крови. Но, несмотря на болезнь и немощь, Петр продолжал поститься, днём работал в огороде, а ночи простаивал на молитве.

За день до кончины его болезнь вдруг отступила, Петр спокойно спал ночь, утром твёрдо встал на обе ноги, ходил по келье. Но вдруг изменился в лице, опустился на колени и преклонил голову к столу, словно задремал. Старец Василиск подумал, что Петр уснул, стал будить его, но Петр уже заснул вечным сном. Господь призвал праведного Петра в вечность в возрасте 20 лет. Он достиг совершенной меры святости, прожив в лесной пустыне под руководством духоносного старца всего восемь месяцев.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ АЛТАЙСКИЙ (ГЛУХАРЁВ)

Преподобный Макарий (в миру — Михаил Яковлевич Глухарев) родился в 1792 году в семье священника, в городе Вязьма Смоленской губернии. Первоначальное очень хорошее образование Михаил получил от отца, окончившего полный курс духовной семинарии. Поэтому его сразу определили в третий класс духовного училища, оттуда — в Смоленскую семинарию и затем — в Санкт-Петербургскую духовную академию.

Михаил Глухарев после испытаний был принят сразу на второй курс академии. Его глубокие знания по богословию, истории, географии, владение латинским, немецким, французским, древнегреческим, и древнееврейским языками, резко выделяли его среди сокурсников. Был он замечен и ректором академии святителем Филаретом (Дроздовым), тогда ещё архимандритом, который так полюбил талантливого воспитанника за его благочестие, молитвенность и добрую нравственность, что всю жизнь был духовным наставником и покровителем отца Макария. Преподобный Макарий также до конца своей жизни сохранил преданность святителю Филарету.

В 1818 году он был пострижен в монашество с именем Макарий и рукоположен в священники. Через 3 года его уже в сане архимандрита назначили настоятелем Костромского Богоявленского монастыря, но вскоре он был вынужден уйти на покой по болезни. Сначала отец Макарий поселился в Киево-Печерской Лавре, но в 1826 году был переведён в Глинскую пустынь. Это было желание самого архимандрита Макария, который, прослышав о духовных подвигах настоятеля Глинской пустыни игумена Филарета (Данилевского), пожелал стать его учеником.

«Неудивительно, — говорится в Глинском патерике, — учиться неопытному у опытного, неучёному — у учёного, но удивительно, когда опытный и учёный человек идёт под начало учиться у неучёного и младшего себя саном. Это случилось с отцом Макарием. Он, блистательно окончивший Духовную академию, хорошо изучивший языки, магистр богословия, бывший ректор Костромской духовной семинарии и настоятель Богоявленского монастыря, профессор богословских наук, в сане архимандрита переходит в бедную глухую Глинскую пустынь, под руководство неучёного, но опытного в духовной жизни отца Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии».

В этом проявилось смирение отца Макария и его стремление достичь истинного богообщения, которое даётся не внешним обучением, а внутренним подвигом. Под руководством опытного старца Филарета отец Макарий нёс обычные монашеские подвиги воздержания и поста, но, главное, он предал себя старцу в полное послушание, которое сам называл «врачебным кровопусканием, в котором душа очищается от черных, нечистых и гнилых кровей своеволия и глупости».

В Глинской пустыни отец Макарий имел послушание произносить в храме поучения в праздничные дни и говорил всегда общепонятно и убедительно. В келье он переводил Библию с древнееврейского языка на русский, а также занимался переводом на русский язык «Лествицы», сравнивая для этого уже существующие переводы. Лучшим отец Макарий признал перевод преподобного Паисия (Величковского) на церковнославянский язык. В Глинской пустыни архимандрит Макарий перевёл на русский также беседы святителя Григория Двоеслова и «Исповедь» блаженного Августина.

Но главные труды и подвиги ещё ждали преподобного Макария. По благословению митрополита Московского Филарета, он подал прошение в Святейший Синод о направлении миссионером на Алтай, чтобы обращать в православие живущие там народы, и в 1829 году получил на это благословение.

На Алтае местные жители, язычники, поначалу не доверяли отцу Макарию и чуждались христианства. Но со временем, приглядевшись, они поняли, что все действия отца Макария исполнены любви, милосердия и сострадательности к ним, что он — человек вовсе не опасный, но достойный всякого уважения, любви и полного доверия. Тогда многие из них, будучи проникнуты услышанным от отца Макария словом истины, предались ему, как дети отцу. Всё это происходило, конечно, не сразу, и меньше, чем за 14 лет преподобный крестил около 1400 взрослых и детей.

Удивительно, как страдающий телесными недугами отец Макарий переносил длительные переходы и переправы через горные реки, как он переносил лишения страннической жизни, исполняя свой пастырский долг: оглашая, крестя, навещая духовных чад.

Для того, чтобы новокрещёные алтайцы могли полноценно участвовать в богослужениях, отец Макарий стал обучать алтайцев грамоте. Он помогал им и материально из собственных средств. Преподобным Макарием была учреждена женская община, впоследствии ставшая монастырём.

В 1844 году архимандрит Макарий был уволен из миссии и определён настоятелем Болховского Троицкого Оптина монастыря в Орловской епархии, а в 1847 году он упокоился от земных трудов и преставился к Жизни Вечной.

СЕВЕРНЫЙ СТОЛ ПАИСИЕВА ДРЕВА

Северный ствол Паисиева древа имел своими главными центрами Александро-Невскую Лавру в Санкт-Петербурге, Александро-Свирский монастырь, Валаам и Соловки.

В Александро-Невской Лавре ещё при жизни старца Паисия образовался кружок его почитателей и последователей во главе с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом.

На Валааме и в Александро-Свирском монастыре трудились ученики старца Паисия: схимонах Феодор и иеросхимонах Клеопа. Они вышли из Молдавии в Россию в 1801 году и были: Клеопа родом малороссиянин, а Феодор из граждан города Карачева Орловской губернии.

Они много лет жили в обители старца Паисия, приняли от него пострижение в монашество и были им основательно наставлены и утверждены в духовной жизни. По прибытии в Россию они жили сначала в Челнском монастыре Орловской епархии, потом в Белобережской пустыни той же епархии, расположенной среди глухих и почти непроходимых брянских лесов. Там они сблизились с монахом Леонидом (в схиме — Львом, будущим оптинским старцем), который был родом, как и Феодор, из города Карачева и происходил из купеческого звания.

В 1811 году Леонид и Клеопа переселились на Валаам, куда прибыл к ним и Феодор. На Валааме они прожили 5 лет, проходя умное делание по руководству старца Паисия и много из-за этого пострадали от невежественных ревнителей внешнего подвига.

В 1816 году старец Клеопа скончался в Валаамском монастыре, а Феодор и Леонид перешли в Александро-Свирский монастырь. Здесь в 1822 году скончался отец Феодор в день Святой Пасхи, а отец Леонид, спустя несколько

лет, перешёл со своими учениками в Оптину пустынь, где и оставался до самой кончины в 1841 году.

Проживая на Валааме и в Александро-Свирском монастыре, старцы не прерывали духовное общение с Александро-Невской Лаврой и везде имели единомышленных братьев и учеников. На Валааме их учениками были: старец игумен Варлаам, потом переселившийся в Оптину пустынь и там скончавшийся; и духовник Валаамского монастыря отец Евфимий. Евфимий, в свою очередь, имел своими учениками Дамаскина, игумена Валаамского, и Илариона, перенесшего предания старца Паисия в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии.

На Крайнем Севере в Соловецком монастыре насадителем Паисиевых преданий был схимонах Феофан.

ПУСТЫННИК ФЕОФАН СОЛОВЕЦКИЙ

Старец Феофан родился на Украине в крестьянской семье в 1744 году. Монашеский путь он начал послушником у преподобного Досифея, Киево-Печерского затворника, который направил его в Нямецкий монастырь, к преподобному Паисию (Величковскому).

Молодому послушнику пришёлся по сердцу уклад Нямецкого монастыря, и он просил преподобного Паисия оставить его в Молдавии, но тот велел ему возвратиться в Киев, ещё послужить старцу Досифею, а затем идти в ту обитель, в какую тот благословит. Перед своей праведной кончиной преподобный Досифей благословил отцу Феофану идти на север, в Соловецкий монастырь, стоящий на островах посреди Белого моря.

Инок Феофан сначала не исполнил завета своего старца и остался жить в Киеве. Ископав себе пещеру, он думал поселиться в ней, но ему не позволили; потом он удалился

в другое место неподалёку, но и здесь ему жить запретили. Видя неблаговоление Божие к своим намерениям из-за непослушания старцу, Феофан оставил Киев и направился в отдалённую Соловецкую обитель.

На Соловках он был поставлен трудиться в просфорне, но вскоре ощутил сильное стремление к пустынноческой жизни. Поэтому отец Феофан тайно выкопал себе землянку в десяти верстах от монастыря, недалеко от озера Ягодное и поселился в ней.

Ночью он пел псалмы и клал поклоны, а днём занимался рукоделием и собирал мох и корни для пищи. Дьявол страшил отца Феофана разными видениями: иногда, казалось ему, являлись дикие звери, или прилетали во множестве хищные птицы и поднимали крик; иногда представлялось как бы конное войско врагов, иногда демоны даже избивали его. Тогда повергался он пред Богом, прося помощи и заступления, и Господь спасал его.

Но через некоторое время насельники Соловецкого монастыря нашли отца Феофана и возвратили в обитель. Там он был поставлен на должность эконома всего Соловецкого монастыря, поэтому отцу Феофану часто приходилось ездить в Архангельск и делать закупки. Такая хлопотливая жизнь очень тяготила его, и отец Феофан решил вновь тайно удалиться в пустынное место.

Он взял лодку и запас хлеба и пустился в море, желая поселиться где-либо на берегу. Сначала дул тихий ветер, но потом поднялась буря. Отец Феофан лежал на дне лодки, молясь и каждую минуту ожидая смерти. Так его носило по морю десять дней, и наконец он был выброшен на берег. Здесь его нашёл один из местных жителей и отвёл отца Феофана в хижину в густом лесу.

Какое-то время он прожил там мирно, но его обнаружили и, чтобы не возвращаться в монастырь, отец Феофан убежал в лес, где поселился в охотничьем шалаше. В этом

шалаше его нашли охотники, оказавшиеся людьми недобрыми. Узнав, что отец Феофан был монастырским экономом, они подумали, что он сбежал из монастыря с украденными деньгами, и стали пытаться его, чтобы он отдал им деньги. Ничего не добившись, потому что никаких денег у него не было, разбойники сожгли шалаш и бросили пустынного полуживым.

Придя в чувство, отец Феофан благодарил Бога за перенесённые страдания, признавая себя достойным и большего наказания за свои грехи. Увидев, что его шалаш сожжён, все имущество и съестные припасы разграблены, он ушёл оттуда, нашёл другое уединённое место, выкопал там пещеру и поселился.

Поморяне, жившие неподалёку, полюбили старца Феофана как своего духовного отца, но вскоре его опять разыскали власти и отправили обратно в Соловецкий монастырь. Это было в 1817 году.

Старец прибыл в обитель ночью и, придя к утрени в церковь преподобных Зосимы и Савватия, приложился к мощам и стал молиться вместе во всеми. Братия удивилась при виде его: почерневший от дыма, на голове — ветхая камилавка, вся одежда изорвана.

Вскоре старец Феофан был отпущен с Большого Соловецкого острова на остров Анзер, в Голгофский скит, расположенный на горе. Старцу было в это время уже семьдесят три года; он не мог поднимать дрова и воду на гору, поэтому ему поставили келью под горой. Туда к старцу приходило много желающих получить духовное наставление — братия монастыря и миряне.

Незадолго до кончины старца Феофана на него опять напали злые люди, ища денег, били его, вырвали волосы на голове и бороде, горящей головнёй опалили его тело и, оставив едва живым, ушли. Старец Феофан три дня лежал

полумёртвый, изнемогая от голода и холода, и до конца жизни уже не смог совершенно оправиться.

Однажды свет осиял его келью, ему явился преподобный Иисус Анзерский и сказал: «Радуйся, брат, скоро наступит твой конец». Старец Феофан преставился от временной страдальческой к вечной блаженной жизни в 1819 году, семидесяти пяти лет от роду.

АЛЕКСАНДРО-СВИРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Александрo-Свирский монастырь был основан преподобным Александром Свирским в Олонецких лесах в конце XV века. Преподобный Александр воспитал множество учеников, которые стали основателями святых обителей на Карельской земле. Мощи его сохранились нетленными до наших дней.

В начале XIX века в этой святой обители подвизались ученик преподобного Паисия (Величковского): схимонах Феодор (Пользиков) и его духовный сын, великий оптинский старец иеросхимонах Лев (Наголкин). Отец Феодор здесь и скончался, и был погребён в 1822 году. А преподобный Лев в 1828 году перешёл из Александрo-Свирского монастыря в Площанскую, а оттуда — в Оптину пустынь.

СХИМОНАХ ФЕОДОР (ПОЛЬЗИКОВ)

Схимонах Феодор родился в Карачеве, уездном городе Орловской губернии, в 1756 году в купеческой семье. Отец рано умер, и мать отдала мальчика в дом одного священника для обучения грамоте и пению. Мальчик проявил отличные способности и полюбил читать духовные книги.

Став юношей, Феодор хотел уйти в монастырь, чтобы целиком посвятить себя Богу, но мать настаивала, чтобы он занимался торговлей. Дважды Феодор пытался тайно уйти из дому, чтобы стать иноком, но мать его возвращала насильно. Из-за такой её неразумной настойчивости Феодор впал в искушения и даже грехи, но потом раскаялся и решительно ушёл из родных мест.

Господь привёл будущего великого подвижника в Молдавию, в Нямецкий монастырь, где его принял в число братьев и постриг в монахи святой старец Паисий (Величковский). Для откровения помыслов и душевного назидания Феодор был вручён духовнику старцу Софронию, исповедал пред ним по обычаю той обители все грехи, соделанные им от самой юности, и понёс за эти грехи положенную епитимью.

Сначала отец Феодор трудился в Нямецкой обители на различных послушаниях: в хлебне, на пчельнике, в просфорной. А потом он, по благословию старцев Паисия и Софрония, перешёл в пустынный скит на потоке Поляна Ворона к престарелому и ослабевшему в силах, но духовно опытному отцу Онуфрию, чтобы послужить ему и научиться у него духовной жизни.

Отец Феодор вступил в совершенное и подробное послушание отцу Онуфрию. Отсекая волю пред этим рассудительным и святым старцем, исповедуя ему все помыслы, он постепенно умирал для мира и воскресал для вечности. По кончине старца Онуфрия Феодор возвратился в Нямецкий монастырь и там, по благословию преподобного Паисия, занялся пением на клиросе и переписыванием книг Святых отцов, которые Паисий переводил с греческого языка на славянский.

Когда скончался преподобный Паисий, отец Феодор, по совету и благословию ставшего настоятелем в Нямецком монастыре старца Софрония, возвратился в Россию,

где встретился с будущим Оптинским старцем Львом, который стал учеником Феодора.

Через некоторое время оба они поселились в Белобережской пустыни, где отца Льва назначили настоятелем. При этом он не возгордился и не перестал быть учеником своего старца. Многие другие насельники Белобережской обители тоже сделались учениками схимонаха Феодора, который наставлял их в умном молитвенном делании и в борьбе со страстями. И все, кто искренне слушались своего духоносного наставника, получили от этого великую пользу для спасения души.

Отец Феодор не только поучал братию, но и являл им пример жертвенного служения ближним. Когда в обители случилась эпидемия некоей тяжёлой и опасной заразной болезни, отец Феодор, рискуя жизнью, ухаживал за больными; при этом сам заболел и чуть было не умер.

Во время болезни, когда Феодор на трое суток потерял сознание и, как подумали его друзья и ученики, приблизился к кончине, ему было Божественное видение. Феодору явился некий безвидный юноша, осязаемый одним сердечным чувством, и повёл его узкою стезёю в левую сторону. «Так, — говорил смиренномудрый Феодор самому себе, — я уже скончался, неизвестно, спасусь ли или погибну?» — «Ты спасён», — отвечивал ему глас. И вдруг некая сила, подобная стремительному вихрю, перенесла его на правую сторону. — «Вкуси сладость райских обручений, которые даю любящим Меня», — вещал ему невидимый глас.

При этих словах ему показалось, что Сам Спаситель наложил десницу Свою на его сердце, и он был восхищён в неизреченно приятную обитель, совершенно безвидную, неизъяснимую словами земного языка. От сего чувства перешёл он к другому, ещё превосходнейшему чувству, и потом к третьему, которые, по его собственным словам, сам

он мог только помнить сердцем, но не мог понимать умом. Потом увидел церковь, и в ней на правой стороне близ алтаря шалаш, в коем было пять или шесть человек. «Для сих людей отменяется смерть твоя, для них ты будешь ещё жить», — сказал мысленный глас. Тогда открыт был ему духовный возраст некоторых его учеников.

После этого видения Феодор встал с постели совершенно здоровым и сразу же отправился ухаживать за больными. Когда эпидемия прекратилась, схимонах Феодор переселился из монастыря в маленькую лесную келью, где стал жить с отцом Львом, который сложил с себя настоятельство, и с ещё одним старцем Клеопой (Антоновым).

Но не может укрыться град, стоящий на вершине горы — скоро слава о великих достоинствах схимонаха Феодора распространилась, беспрестанно стали толпиться при дверях его кельи многочисленные посетители и нарушать безмолвие пустынножителей. Поэтому монахи удалились из Белых Берегов и стали странствовать.

Несколько лет провели на Валааме, там скончался отец Клеопа, а потом перешли в Александро-Свирский монастырь, ставший последним местом земной жизни отца Феодора. За день до блаженной кончины он имел утешительное видение о своей вечной участи, ему было возвещено: «Феодор! Настало время твоего отдохновения. Приди к нам!» В Александро-Свирском монастыре и был погребён схимонах Феодор, духовный сын преподобного Паисия (Величковского) и духовный отец великого Оптинского старца Льва.

Иеросхимонах Клеопа (Антонов)

Отец Клеопа родился на Украине, в дворянской семье, принял монашество и подвизался в Нямецком монастыре под

руководством преподобного Паисия (Величковского). По возвращении в Россию он был рукоположен в священный сан, несколько лет подвизался в Белобережской пустыни, был в ней духовником, при этом отличался духовным трезвением и совершенным нестяжанием.

Он странствовал вместе со схимонахом Феодором (Пользиковым) и преподобным Львом Оптинским. Вместе с ними жил в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре, где и преставился, и был похоронен во Всехсвятском скиту, у алтаря храма.

БЕЛОБЕРЕЖСКАЯ БРЯНСКАЯ МУЖСКАЯ ПУСТЫНЬ

Белобережская пустынь была основана в начале XVIII века в урочище Белые Берега в связи с указом Петра I об укреплении крепости Брянск в ходе Северной войны.

В 1717 году управление обителью было поручено опытному старцу, ранее подвизавшемуся в брянских лесах, преподобному Серапиону Белобережскому, который ввёл в Белобережской пустыни строгий устав, запретил братии употреблять хмельные напитки и ходить за продуктами в окрестные селения. Сам старец не чуждался тяжёлой работы: колол дрова, вручную молот зерно, пёк на всю братию хлеб.

Обитель духовно и материально процветала, однако в 1764 году в результате антицерковных действий тогдашних властей едва не была закрыта. Сохранить монастырь удалось, но он пришёл в запустение, и к 1777 году там оставалось вместе с настоятелем только девяти насельников.

Возрождение Белобережской пустыни произошло в начале XIX века, когда её настоятелем был назначен преподобный Василий (Кишкин), подвизавшийся ранее на Афоне

и в Молдавии, в Нямецком монастыре. Он ввёл в Белобережской пустыни афонский общежительный устав и привлёк в неё замечательных подвижников: схимонаха Афанасия (Захарова), преподобного Тихона Белобережского, схимонаха Феодора (Пользикова), иеросхимонаха Клеопу (Антонова), преподобного Льва Оптинского и других.

Преподобный Лев Оптинский был настоятелем Белобережской пустыни с 1804 по 1808 год. Он в согласии со всей братией обители письменно изложил её устав, который был опубликован и стал образцом для многих монастырей России. Постриженники Белобережской пустыни стали настоятелями большого числа русских монастырей.

АРХИМАНДРИТ ФЕОФАН НОВОЕЗЕРСКИЙ (СОКОЛОВ)

Архимандрит Феофан (в миру — Феодор Соколов) родился в 1752 году в благочестивой дворянской семье, в Пензенской губернии. Образование он получил в родительском доме и уже на 14 году жизни объявил о своём намерении уйти в монастырь, но по желанию родителей должен был отправиться в Москву и поступить на гражданскую службу.

Однако при первой же возможности Феодор удалился в Саровскую пустынь, а потом вскоре — в Санаксарский монастырь, где 3 года подвизался под руководством преподобного Феодора (Ушакова). Здесь изучил он монашескую азбуку: терпение, строгость к себе, безусловное послушание. Об этом времени сохранились замечательные воспоминания самого архимандрита Феофана:

«Скажу вам, каким мы делали своё начало (т.е. первые опыты в монашеской жизни): мы искали, где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали — в Саровской пустыни; нет, ещё слабо! пошли к отцу Феодору в Санаксар.

Обитель без ограды, забором огорожена, церковь маленькая, волоковые окошки, внутри и стены не отёсаны, и свечей то не было; с лучиной читали в церкви. И платье-то какое носили! балахоны! Один смурый кафтан был для одного, который для покупок выезжал. Начало-то недостаточное и трудное! В лаптях ходили...

А чтобы при себе что-нибудь иметь — ничего уж не было! Огня в келье никогда не бывало. А послушание было такое, что я сам и полы мыл, и щепки собирал, и ложки мыл, и пищу варил; сами караулили по ночам, походим, да поклонов несколько земных и положим — помолимся. А всенощная продолжалась в Санаксаре 7 часов. Когда закладывали в Санаксаре церковь, где алтарю-то надобно быть, вдруг прилетел рой пчел; отец Феодор велел отцу Герасиму огрести в улей, и с того времени все пчелы в монастыре...

Отец Феодор никого из братьев не удерживал в монастыре силою и говорил: «У меня ворота отворены для всех, кто хочет выходите»; а уж не терпел слова «не хочу», и слышать не мог».

В 1774 году преподобный Феодор Санаксарский, по наветам людей, которые злились на него за то, что он вступался за обижаемых ими крестьян, был сослан в Соловецкий монастырь. Большая часть учеников его тогда разошлись по другим обителям.

Феодор Соколов перешёл во Введенскую Островскую пустынь близ города Покрова, Владимирской губернии и здесь стал жить под руководством настоятеля старца Клеопы. Это был преподобный Клеопа Покровский, который до того долго жил на Афоне и упражнялся там в высшем молитвенном делании под руководством преподобного Паисия (Величковского).

Преподобный Клеопа проводил жизнь в постоянной молитве и богомыслии, братией же управлял с кротостью,

прощением и любовью; заботился не столько об упражнении их в суровых постах и трудах, сколько о водворении смирения, незлобия и миролюбия. Этим было прекрасно дополнено иноческое воспитание Феодора, начатое в Санаксарском монастыре.

В 1777 году Феодор отправился в паломничество, надеясь побывать на Афоне, в Палестине и затем поселиться у старца Паисия, но когда он пришёл в Молдавию, в Тисманский монастырь, настоятель, преподобный Феодосий (Маслов) удержал его и немедленно постриг с именем Феофан.

Тисманская обитель, совершенно удалённая от мира, процветала под управлением замечательного старца игумена Феодосия, сподвижника преподобного Паисия (Величковского). Под руководством этого святого, ведшего своих учеников к высоким степеням внутренней духовной жизни, отец Феофан ещё более преуспел в смирении и сердечной молитве.

Со временем ему пришлось вернуться в Россию, и там на него обратил внимание митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров), который сделал его своим помощником, так что все годы дальнейшей службы отец Феофан пользовался неограниченным доверием владыки.

Митрополит Гавриил, человек большого ума и образованности, строгий подвижник и молитвенник, имел милостивое и любвеобильное сердце. У него было положено по 50 рублей в день на нищих и бедных (в то время это были немалые деньги), кроме того, он раздавал 300 рублей в месяц в тюрьмах. Этой милостыней заведовал отец Феофан. Однажды митрополиту донесли, что келейник ежедневно устраивает для кого-то обеды. Оказалось, что действительно отец Феофан устраивает трапезу для людей, не имеющих дневного пропитания. С этой поры митрополит стал ещё

более доверять своему келейнику. Благодаря старцу Феофану был вызван из заточения и возвращён в Санаксар преподобный Феодор (Ушаков).

Но не хозяйственные поручения были главными в служении отца Феофана. Когда митрополит Гавриил близко узнал его, он стал во многих делах советоваться с отцом Феофаном и сделал его своим помощником в трудах по устройению и обновлению монастырей, большинство которых находилось тогда в самом печальном состоянии.

Для этого митрополит Гавриил искал духовных старцев, которые могли бы послужить делу внешнего и внутреннего обновления пришедших в упадок святых обителей. А отец Феофан многих таких старцев знал и указывал на них митрополиту. Таким образом старец Назарий был вызван из Саровской пустыни на Валаам. Отец Игнатий (Ушаков) был назначен в Тихвинский монастырь и восстановил его; позднее он же воссоздал и древнюю московскую Симонову обитель (её перед этим превратили в казарму кавалерийского полка). В Пешношский монастырь был вызван отец Макарий (Брюшков).

В 1793 году сам архимандрит Феофан был назначен настоятелем Кирилло-Новоезерского монастыря, который он и возглавлял после того около 30 лет почти до самой своей кончины. Управлять он старался в основном посредством убеждения, поучал братию и наедине, и в полном собрании, после трапезы. Он не любил обличать в лицо, но, заметив недостаток инока, говорил об этом в виде общего наставления братии. Его простые, дышавшие убеждением и кротостью поучения производили неотразимое впечатление и благое влияние.

Но сильнее всего действовал пример старца: он не пропускал ни одной службы, исполнял с братией все послушания, работал на полях, ел в общей трапезной, носил самую простую одежду и не имел своего имущества.

В декабре 1832 года на восемьдесят первом году жизни, после Причастия и Елеосвящения, архимандрит Феофан тихо преставился с именем Господа Иисуса Христа на устах.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра была основана по инициативе и повелению императора Петра I в самом начале XVIII века. Закладывая новую столицу России, царь возымел благое желание устроить в ней монастырь и уже весной 1704 года выбрал для него место.

Но в то время в окрестностях Санкт-Петербурга шла война со шведами, и поэтому не было возможности сразу приступить к строительству обители. Только в 1712 году состоялась закладка первого деревянного Благовещенского храма, который на следующий год уже был торжественно освящён.

Александро-Невский монастырь был задуман царём Петром как образцовый в смысле социального служения. Здесь предполагалось устроить приют для увечных и отставных воинов, для инвалидов войны, душевнобольных, устроить при монастыре госпиталь, в котором должны были нести послушание все иноки, а также учредить лечебно-исправительное заведение для принудительного лечения пьяниц. Эти намерения так и не были осуществлены. К счастью для обители, так как осуществление всех этих проектов противоречило самому смыслу монастыря, как источника духовного света и образца праведной жизни, где главное дело монашества — молитва.

В 1720 году в Александро-Невском монастыре была устроена типография, в которой печаталась духовная,

БАЛААМСКИЙ
МОНАСТЫРЬ

ПРП. НАЗАРИЙ
БАЛААМСКИЙ

ПРП. ФЕОФАН
НОВОЗЕРСКИЙ

СВТ. ИГНАТИЙ
(БРЯНЧАНИНОВ)

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ
ЛАВРА

учебная и богослужебная литература. На следующий год при монастыре была учреждена школа, позднее преобразованная в семинарию, а в 1797 году – в Александро-Невскую Академию.

В Александро-Невской Лавре ещё при жизни старца Паисия образовался кружок его почитателей и последователей во главе с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом. Здесь подвизался преподобный Феодор Санаксарский до перехода в Санаксарский монастырь. Здесь начинал свой монашеский путь знаменитый старец московского Новоспасского монастыря иеромонах Филарет (Пуляшкин).

Святитель Игнатий (Брянчанинов) в бытность свою студентом Военно-инженерного училища в Санкт-Петербурге обращался за наставлениями в духовной жизни в Александро-Невскую лавру и там познакомился с некоторыми учениками схимонаха Феодора (Пользикова) и преподобного Льва Оптинского – монахами Аароном, Харитоном и Иоанникием, а затем и с лаврским духовником Афанасием. Будущий святитель совещался с ними обо всём, что касается внутреннего делания.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОР САНАКСАРСКИЙ (УШАКОВ)

Преподобный Феодор сам не был учеником преподобного Паисия (Величковского) или учеником его учеников, но несколько воспитанников отца Феодора в дальнейшем окормлялись у преподобного Клеопы Покровского, который был учеником старца Паисия, а затем стали знаменитыми духовными наставниками и настоятелями прославленных монастырей. Это архимандриты Игнатий (Ушаков), Макарий (Брюшков) и Феофан (Соколов). Поэтому пред-

ставляется уместным почтить память преподобного Феодора Санаксарского (Ушакова), поместив здесь его краткое житие.

Преподобный Феодор родился в 1718 году в семье потомственного русского дворянина и в Крещении был назван Иоанном. Получив доброе христианское воспитание, он семнадцати лет от роду начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку в Санкт-Петербурге. Юноша служил усердно и, благодаря хорошим способностям, успешно продвигался по службе.

Многие из товарищей Иоанна вели распущенную жизнь, и это могло бы повредить его нравственности. Но, однажды, когда Иоанн был в шумном собрании гвардейцев, в самый разгар весёлого застолья один из молодых людей, бывший до того, по-видимому, здоров и весел, внезапно упал замертво. Этот ужасный случай так потряс Иоанна, что он тогда же положил твёрдое намерение оставить всё мирское ради спасения души.

Наскоро собравшись, Иоанн выехал из Санкт-Петербурга и в заранее приготовленной нищенской одежде ушёл на берега Северной Двины в поморские леса. Там молодой подвижник (ему было тогда двадцать шесть лет) нашёл в чаще опустелую келью и жил в ней три года в молитвах, посте и всяком злострадании. Пищу самую скудную, едва только избавляющую от голодной смерти, доставляли ему окрестные боголюбивые жители. Затем Иоанн ушёл в Площанскую пустынь Орловской губернии и поселился в лесной келье в окрестностях монастыря.

Но так как подвижник оставил мир тайно и не имел положенных документов, его арестовали как незаконно оставившего военную службу. А, поскольку он был знатного рода и служил в лейб-гвардейском полку, Иоанна пожелала видеть сама императрица Елисавета Петровна.

— Зачем ты ушёл из моего полка? — спросила императрица.

— Для удобства спасения души моей, — со смирением, но и с твёрдостью отвечал Иоанн.

Императрица Елисавета Петровна поверила в искренность молодого подвижника и позволила ему вступить в монашеское звание, но повелела остаться в Санкт-Петербурге, в Александро-Невском монастыре, где он через год был пострижен в монашество с именем Феодор.

Монах Феодор ревностно подвизался в молитве, воздержании, терпении и смирении. Многие из петербуржцев, желающих богоугодно жить в мире, и даже из бывших гвардейских сослуживцев, стали приходить к отцу Феодору, усердно прося от него наставлений ко спасению. Преподобный с любовью принимал всех, помня слова Спасителя: «Приходящего ко Мне не изгоню вон».

Отец Феодор учил духовных чад терпеть находящие скорби ради Бога с радостью и благодарением; пищу и питье употреблять умеренно и не роскошествовать; платье носить не худое, но и не щеголеватое; в праздничные дни для душеспасительного собеседования и чтения святоотеческих книг сходиться к одному из более сведущих и образованных учеников его, а для решения недоумений приходить в обитель к отцу Феодору. Дано было всем духовным чадам и молитвенное правило, необходимое для спасительного жития.

Со временем по просьбе отца Феодора он был переведён в Саровскую пустынь, куда вслед за ним переехали и несколько его духовных сыновей. Духовные же дочери преподобного поселились неподалёку от Саровской пустыни и со временем составили Алексеевскую общину, в которой жили в строгом следовании уставу, данному отцом Феодором. Все они были дворянского происхождения, но решили посвятить себя целиком на служение Богу.

По прошествии нескольких лет преподобный Феодор был рукоположен в священный сан и назначен настоятелем Санаксарского монастыря. Обитель эта пришла в то время в большой упадок и нуждалась в восстановлении. Иеромонах Феодор переехал в неё со своими учениками и с Божией помощью вскоре привёл Санаксарский монастырь в порядок.

Когда преподобный совершал Божественную литургию, то видно было на нём как бы дивное знамение Божие: лицо сияло необычной красотой, и весь тот день пребывал он особенно радостным.

Но настоятелем преподобный Феодор был твёрдым и строгим. В церкви он требовал отдельного неспешного чтения, так чтобы и простым людям было понятно. Богослужения получались очень продолжительными, но при внятном чтении молящиеся чувствовали в себе особую силу и усердие и не скучали от долготы службы. Пища предлагалась самая простая, необходимая только для поддержания немощной плоти. Спиртное было строго запрещено.

Старец завёл в обители самую первую и прочную основу иночества: личное духовное руководство братией и полное и чистосердечное с их стороны откровение помыслов. Если кто обуреваем был помыслами — днём или ночью, — всякий мог немедленно идти к настоятелю: двери кельи старца всегда были открыты для его духовных чад. Отец Феодор отечески выслушивал инока и, успокаивая его, говорил с ним хоть час или два, и отпускал от себя лишь когда помысел и искушение вражды исчезали и умиралась душа. Братия признавались, что по выходе от старца чувствовали такую свободу и мир, что как бы забывали всё земное! Поэтому-то многие из учеников отца Феодора почитали себя воистину блаженными, находясь в послушании у него.

К такому настоятелю и мудрому учителю естественно стремились жаждущие спасения и доброй подвижнической жизни. Вскоре собралось в Санаксарской обители до двадцати человек братии, а потом ещё больше.

Но один человек оклеветал преподобного Феодора перед императрицей (тогда уже Екатериной II), и старца сослали на Соловки. При этом ему разрешили взять с собой собственное имущество в сундуках. Но имущества, кроме рясы и зимней одежды у настоятеля Санаксарского монастыря не оказалось никакого.

Девять лет прожил преподобный в Соловецком монастыре, от холодного климата и разных лишений совершенно изнемог, но потом клевета раскрылась, и отец Феодор был возвращён в Санаксарский монастырь, где по прошествии нескольких лет мирно преставился ко Господу.

Валаамский монастырь

Основателями монашества на острове Валаам посреди Ладожского озера почитаются греческие священноиноки преподобные Сергей и Герман, ими же был установлен в обители строгий общежительный устав. Для совершения богослужений был возведён храм во имя Святой Троицы. Братия обители проводили богоугодное житие и были добрым примером для других людей.

В дальнейшем на Валааме было развито и скитское житие по два-три монаха, и отшельничество. Иноческая жизнь на острове в XVI веке была такой сильной, что распространилась на берега Ладожского озера. Здесь Валаамскими монахами было основано 12 скитов, Валаамский монастырь даже стали почётно называть Лаврой.

Но в начале XVII века святая обитель была полностью разорена шведскими войсками в ходе военных действий.

Только святые мощи преподобных первоначальников Сергия и Германа оставались на Валааме в глубине могилы. Восстановление Валаамского монастыря началось в 1717 году по велению Петра I.

Постепенно и с большими трудностями обитель восстановилась. Но подлинное возрождение и расцвет духовной жизни в ней начались, когда в 1781 году митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил вызвал на Валаам из Саровской пустыни опытного старца Назария и поручил ему ввести для валаамских иноков устав Саровской пустыни.

В 1811 году на Валаам переселились преподобный Лев Оптинский, его наставник схимонах Феодор (Пользиков) и иеросхимонах Клеопа (Антонов) и прожили там 5 лет. Старец Клеопа там и скончался. В течение XIX и XX веков на Валааме подвизались многие замечательные подвижники, в их числе преподобные настоятели монастыря Варлаам и Дамаскин.

ПРЕПОДОБНЫЙ НАЗАРИЙ ВАЛААМСКИЙ (КОНДРАТЬЕВ)

Преподобный Назарий (в миру – Николай Кондратьев) родился в 1735 году в Воронежской губернии в семье сельского церковнослужителя.

В 1752 году Николай пришёл в Саровскую пустынь, пробыл там 3 года и, по совету своего старца иеросхимонаха Варлаама, перешёл к известному своими монашескими подвигами отцу Мефодию, архимандриту Астраханского Спасо-Преображенского монастыря, будущему астраханскому епископу.

Там, в Астрахани, Николай состоялся и как монах, и как будущий наставник монахов. В дальнейшем, при его

посредничестве установились тесные контакты Саровской пустыни с астраханскими монастырями. Там он принял постриг с именем Назарий и был рукоположен в диаконский сан. А ещё через 4 года отец Назарий возвратился в Саровскую пустынь, где его вскоре посвятили в иеромонаха.

Вся жизнь отца Назария была подвигом, строгое исполнение иноческого устава было его всегдашней заботой, о делах мирских он не говорил никогда. Но если отец Назарий говорил о борьбе со страстями или о молитве, то его беседа была необычайно приятной, так что и сам он, и слушающие забывали о времени.

В общении с людьми отец Назарий бывал прям и чужд всякого двоедушия. Делая поучения людям или отвечая на их вопросы о духовной жизни, он всегда искал основания в Слове Божиим, а не в своём ограниченном опыте; этому он учил и других. Смиранный сам, он и всех, кто просили у него наставления, прежде всего учил смирению. Жизнь старец проводил неизменно постническую и нестяжательную, одежду носил самую простую.

О благочестии и духовной опытности отца Назария стало известно митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу, и в начале 1781 года владыка вызвал его из Саровской пустыни для восстановления Валаамского монастыря и для заведения в оном Саровского устава. Тогдашний Саровский настоятель иеромонах Пахомий на это не совсем охотно соглашался, представляя в своём отзыве отца Назария как человека малоумного и неопытного в духовной жизни. Преосвященный Гавриил понял извинительную хитрость отца Пахомия и написал ему: «У меня много своих умников, пришлите мне вашего глупца». Таким образом, отец Назарий был определён настоятелем Валаамского монастыря для устройства в нем общежития и порядка по уставу Саровской пустыни.

При игумене Назарии Валаамский монастырь возродился как в материальном, так и в духовном отношении. Слава о Валааме стала расходиться по православному миру; даже приходившие в него афонские иноки смотрели на Валаам с удивлением, говоря, что по внутреннему устройству он выше афонских монастырей.

Отец Назарий возымел великую ревность к изданию творений святых отцов. Его сподвижник, архимандрит Феофан (Соколов), много рассказывал ему о великом старце Паисии (Величковском) и о его переводческой деятельности. Впоследствии к ним присоединился иеромонах Филарет, воспитанник Саровской пустыни, в будущем архимандрит Новоспасского монастыря в Москве.

Когда отец Назарий и отец Феофан познакомили со своими издательскими планами митрополита Гавриила, тот принял в этом деле самое горячее участие. Чтобы получить переводы святых отцов, они написали письмо старцу Паисию. Когда был переведен с греческого великий сборник отеческих поучений о внутренней духовной жизни «Добротолюбие», митрополит Гавриил предписал учёным переводчикам советоваться во всем с духовными старцами и в том числе указал на отца Назария. «Они из опыта лучше вас понимают духовные истины», — сказал митрополит.

В 1801 году отец Назарий испросил себе увольнение на покой. Сначала он уединился на Валааме, а затем перешёл в Саровской монастырь, где когда-то начинал свои подвиги, и устроил себе пустынную келью в лесу, при речке Саровке. Когда хватало сил, он в ночное время ходил по лесу, совершая на память молитвословие 12 псалмов, и к рассвету возвращался в келью. Не раз встречался он с медведями, которые не трогали его, и он их не боялся.

Многие отшельники поверяли ему свои помыслы. Будучи делателем умной молитвы, старец наставлял в ней и своих учеников. В Тамбовском и Нижегородском краю

образовалось под его руководством несколько женских общежительных обителей.

В 1809 году преподобный Назарий отошёл ко Господу.

ИГУМЕН ВАРЛААМ ВАЛААМСКИЙ

Игумен Варлаам (в миру — Василий Давыдов) родился в 1767 году в семье московских мещан. Ему не было ещё тридцати лет, когда он в 1796 году, при игумене Назарии, поступил в Валаамский монастырь.

Обладая крепким здоровьем и большой физической силой, послушник Василий проходил на Валааме самые трудные послушания: был поваром, трудился в хлебной, в просфорной. И ещё он был назначен читать в скиту Псалтирь.

Вспоминая о том времени, он говорил: «В бытность мою на Валааме в поварне молитва Иисусова кипела во мне, как пища в котле». Такую пользу принесло молодому подвижнику искреннее исполнение возложенного настоятелем послушания.

В 1798 году Василий был пострижен игуменом Назарием в монашество с именем Варлаам, а в 1805 году он стал иеромонахом. Жил отец Варлаам в пустынной келье, а богослужения совершал в скиту Всех Святых, где в то время подвизались старцы Феодор (Пользиков) и Леонид (Наголкин), будущий Оптинский старец Лев.

Отец Варлаам рассказывал, что он, постоянно желавший безмолвия и уединения, недоумевал, как эти старцы, проводя целые дни в общении с множеством людей, приходивших к ним ради духовных советов и молитвенной помощи, пребывали в непоколебимом духовном трезвении. Однажды он обратился к схимонаху Феодору с такими слова: «Батюшка, я соблазняюсь на вас, как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними, — каково

есть дело сие?» «Экой ты, братец, чудак! Да я за любовь к брату два дня пробеседую с ним ради его пользы душевной и пребуду несмущённым», — отвечал старец.

Из этого ответа старца Феодора, уже известного своими подвигами и благодатными дарованиями, отец Варлаам понял, что надо различать духовные пути «смотрительные», на которые Бог по Своему смотрению ставит Своих особенных избранников, и пути общие для всех. Всем инокам нужно было стараться избегать частого и долгого общения с мирянами, а отца Феодора Сам Господь поставил на исключительное служение ближним — старчество.

Иеромонаха Варлаама Бог поставил настоятелем Валаамского монастыря, и пришлось пустыннолюбивому старцу ради блага родной обители и ради святого послушания оставить свою пустыньку и согласиться принять бремя игуменства в Валаамском монастыре.

Это произошло в 1830 году, но постепенно обстоятельства стали складываться так, что в 1839 году его перевели в Оптину пустынь, где в то время подвизался хорошо известный ему старец иеросхимонах Лев. Здесь отец Варлаам был окружён всеобщей любовью и заботой, от которых, по смирению, старался уклоняться.

До конца своих дней не мог отец Варлаам забыть любимого им Валаама. «Хорошо, нечего сказать, хорошо у вас, — говорил старец братьям-оптинцам, — а все не то, что на Валааме. Там возьмишь, бывало, краюшку хлеба за пазуху и хоть три дня оставайся в лесу: ни дикого зверя, ни злого человека. Бог да ты, ты да Бог». «А от бесовских-то страхований, батюшка, как спасались?» — спрашивали его. «Ну, да от них-то и в келье не уйдёшь, если не тем путём пойдёшь», — отвечал старец.

И на Валааме, и в Оптиной пустыни отец Варлаам вёл строгую подвижническую жизнь: нестяжание, простота и смирение. Всё имущество бывшего Валаамского

настоятеля, привезённое с ним, состояло из тулупа и жёсткой подушки. Жил он в Оптиной пустыни на пасеке, кельи никогда не запирали и вовсе о ней не заботились. В молитве проводил он целые ночи, только в крайнем утомлении садился на лавочку. От непрерывного плача веки глаз старца опухли, и ресницы выпали.

Игумен Варлаам скончался в 1849 году, 82 лет от рождения, сподобившись перед кончиной принять таинство Соборования и причаститься Святых Христовых Таин.

Игумен Дамаскин Валаамский

Игумен Дамаскин (в миру — Дамиан Кононов) родился в 1795 году в крестьянской семье в Тверской губернии и уже с детства отличался благочестием и скромностью. В 1816 году он ходил на богомолье в Киев, а потом побывал во многих монастырях, в том числе на Валааме.

В 1819 году Дамиан опять посетил Валаамский монастырь и поступил в число братии. Сначала он проходил послушание в конюшне, затем в хлебной. Потом стал нарядчиком рабочих, а позже ему была поручена охрана от воров всего монастырского острова.

В 1825 году он принял монашеский постриг с именем Дамаскин и на следующий год удалился на безмолвие в скит. Ежедневно повар оставлял у двери его кельи кусок хлеба, который отшельник съедал, запивая водой. В пустыни отец Дамаскин занимался рукоделием: вырезал деревянные ложки и переписывал книги.

Но в 1838 году его рукоположили в священный сан, а через два месяца назначили игуменом Валаамского монастыря. Это сделано было по представлению святителя Игнатия (Брянчанинова), в то время ещё архимандрита, благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии.

Ко времени назначения отца Дамаскина настоятелем Валаамского монастыря во внутреннем и внешнем устройстве обители набралось много недостатков. Архимандрит Игнатий (Брянчанинов), посетивший Валаам при прежнем настоятеле, описывал свои впечатления: «Кельи в скиту необыкновенно худы, нездоровы, ни в одном российском монастыре я подобных не видел. ... В валаамских пустынях господствует дух самочиния... между пустынноиками ни одного искусного нет». Игумен Дамаскин, по совету отца Игнатия, упразднил отшельничество на Валааме, а самих подвижников переселил в скиты, чтобы старцы безмолвствовали вдвоём или втроём, а отнюдь не в одиночестве.

Отец Дамаскин строго следил за исполнением Саровского устава обители. В монастыре воспрещалось употребление вина и табака, без благословения игумена запрещалось читать книги, посылать и получать письма, принимать в келье братию, разговаривать насельникам с паломниками.

При этом келья самого настоятеля была открыта для всех нуждавшихся в духовной поддержке монахов и мирских. Особенно он принимал участие в судьбах людей, падших нравственно, старался любовью наставить их на истинный путь покаяния. Он вёл обширную переписку с монашествующими, в том числе со святителем Игнатием (Брянчаниновым) и мирянами. Будучи приверженцем старчества, заботился, чтобы у каждого насельника был духовный руководитель, сам являлся духовным отцом для братии.

Наладив внутреннюю жизнь монастыря, отец Дамаскин много сделал и для его внешнего благоустройства – украсил Валаам скитами, церквями, часовнями, поклонными крестами, многочисленными домами и удобными дорогами. За все 40 с лишним лет, которые отец Дамаскин был игуменом, на острове Валаам было построено 6 скитов, 10 церквей, около 20 часовен и около 10 больших каменных

и деревянных поклонных крестов. Для монашествующих и богомольцев появились 20 домов, выстроена была монастырская гостиница и странноприимный дом. Он также устроил при монастыре книгохранилище. С 1860 года на Валааме появился водопровод, водоподъемная машина и мастерские, рабочий и конюшенный дома, специально для монастыря завели пароход. Было устроено ещё многое и многое другое.

Хотя настоятельская деятельность отца Дамаскина требовала, как кажется, всего его внимания, однако он среди внешних хлопот стяжал дары умной молитвы и прозорливости. Сохранились рассказы очевидцев о том, как присутствие отца Дамаскина и его молитва избавили их от неминуемой гибели.

В 1871 году отец Дамаскин начал тяжело болеть, болел десять лет, поражая окружавших терпением и крайней не требовательностью, а в 1881 году скончался.

В заключение приведём отрывок из одного письма отца Дамаскина: «Вы ищете от меня слово утешения: вот постоянное утешение, постоянная причина спокойствия — принимать всё, случающееся с нами в жизни, как от благодатной Руки Божией. Тогда не будет места ни печали, ни заботе излишней, сердце верующее тогда будет всегда в радости о Господе!»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СТВОЛ ПАИСИЕВА ДРЕВА

Центральный ствол Паисиева дерева распространился в основном, как было сказано выше, в Москве и её окрестностях, во Владимирской губернии, в Оптиной пустыни, в Брянском Свенском монастыре и в Белобережской пустыни, в Рославльских лесах на Смоленщине, в Саровской пустыни.

Троице-Сергиева Лавра

В этом духовном сердце России жили и молились многие подвижники благочестия, связанные с преподобным Паисием (Величковским). Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) ещё до принятия монашества преподавал в лаврской семинарии. Митрополит Платон (Левшин) и святитель Филарет Московский преподавали в лаврской академии, а потом были в разное время священноархимандритами Троице-Сергиевой Лавры.

Духовный отец святителя Филарета Московского, преподобный Антоний (Медведев), ученик преподобного Серафима (Саровского), 46 лет был наместником Троице-Сергиевой лавры. Преподобный Серафим и предсказал отцу Антонию это служение.

Наместником Троице-Сергиевой лавры (после преподобного Антония, с 1877 по 1891 год) был ученик оптинского старца Макария архимандрит Леонид (Кавелин), написавший книгу «Житие и писание Молдавского старца Паисия (Величковского)», а также издавший несколько книг творений святых отцов, переведённых преподобным Паисием.

В Троице-Сергиевой Лавре окончил свои дни великий русский мыслитель, духовный сын и постриженник преподобного Амвросия Оптинского монах Климент (Константин Николаевич Леонтьев).

Преподобный Серафим Саровский

Преподобный и богоносный отец наш Серафим Саровский (в миру – Прохор Мошнин) родился в 1754 году в Курске, в богатой и благочестивой купеческой семье. С юных лет душа Прохора прилепилась к Церкви, и на семнадцатом

году жизни он твёрдо решил стать монахом. Прощаясь с матерью, Прохор помолился Богу, поклонился ей в ноги и испросил её родительского благословения. Мать дала ему приложиться к иконам Спасителя и Богородицы, потом благословила его медным крестом. Взяв с собой этот крест, он до конца жизни всегда носил его открыто на своей груди.

У известного старца Киево-Печерской Лавры преподобного Досифея будущий великий святой получил благословение спастись в Саровском монастыре. Имеются сведения, что преподобный Досифей был духовно связан с обителем архимандрита Паисия (Величковского) и направлял туда своих воспитанников.

Поступив в Саровскую обитель, Прохор несколько лет пробыл там послушником, а затем был пострижен в монахи с именем Серафим и посвящён в сан иеродиакона. Во время церковных служб он по временам видел святых ангелов, сослужащих и поющих с братией. Дивное впечатление производили на его душу эти видения. «Сердце моё, как воск, таяло от неизреченной радости, — говорил отец Серафим, — и не помнил я ничего от такой радости, помнил только, как входил во святую церковь да выходил из неё».

Через некоторое время его, как достойного, рукоположили в иеромонаха, и довольно долго он непрерывно служил, ежедневно причащаясь Святых Тайн с горячей любовью, верой и благоговением.

Однако призванием отца Серафима была безмолвная жизнь, и через год он с благословения настоятеля удалился в пустынную келью посреди дремучего соснового леса. Там он провёл много лет в великих монашеских подвигах поста, бдения, молчания, непрестанной молитвы, терпя искушения от злых людей и особенно от диавола.

Наконец преподобному Серафиму явилась Пречистая Богородица и повелела ему принимать всех людей без

исключения ради спасения их душ. Тогда открылся явный для всей России источник благодатных утешений и наставлений, потому что Бог даровал преподобному Серафиму дар исцеления, дар прозрения, дар немощных душ врачевания.

Со всеми святой батюшка был светло приветлив и ласков, встречая посетителей словами: «Радость моя! Сокровище моё! Христос воскрес!» — а у него ежедневно бывали в келье сотни людей со всех концов России. Но особенно преподобный Серафим заботился о Дивеевской женской обители, которую ему поручила сама Царица Небесная.

Несколько раз Она являлась святому старцу, сохранились достоверные сведения о многих совершённых им чудесах. Скончался преподобный Серафим в 1833 году, стоя на коленях в молитве со сложенными на груди руками.

Преподобный Серафим не был учеником преподобного Паисия (Величковского) и не был духовным писателем, но известно, что он не только сам постоянно читал «Добротолюбие» в церковнославянском переводе преподобного Паисия, но и своим собеседникам рекомендовал изучать эту книгу. Кроме того, сохранилось значительное число его духовных наставлений, неоднократно переиздававшихся. Приведём здесь некоторые из них по книге «Преподобный Серафим Саровский. Духовные наставления инокам и мирянам» (заголовки — автора книги).

Надежда на помощь Божию — истинная и ложная

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печётся о нем, таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек всё упование своё возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвой лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды, и он, не видя в собственных силах

средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

**Говорить о духовном —
не всегда и не со всеми**

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно; особенно, когда в них не примечается и желания к слушанию.

Надобно содержать в памяти слово Господне: «Ни пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими и вращеся расторгнут вы» (Мф.7, 6).

А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований. В противном случае потеряешь и не найдёшь. Ибо, по опытному учению святого Исаака Сирина, «лучше есть помощь, яже от охранения... паче помощи, яже от дел» (Прп. Исаак Сирин, Слово 89).

Когда же надобность потребует или дело дойдёт, то откровенно в славу Божию действовать должно по глаголу: «Аз прославляющих Мя прославлю» (1Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся.

Что есть в сердце лучшего, того мы без надобности обнаруживать не должны, ибо тогда только собранное может быть в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно как сокровище хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца своего.

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

О делах Божиих не рассуждай по насыщению своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение тайн Божиих?

Терпение болезней – с рассуждением

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более.

Если самовольно изнурим своё тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

Сердечный мир

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

Кто переносит с молитвою удары невольных искушений, тот делается смиренным, благонадёжным и опытным.

Благоразумие в подвигах

Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом.

Выше меры подвигов предпринимать не должно, а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей.

Тело, измождённое трудом или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени.

Надобно идти средним путём, не уклоняться «ни на десно, ни на шуе» (Притч. 4, 27) и давать духу – духовное, телу – телесное, для поддержания временной жизни потребное. Но не должно также и жизни общественной отказывать в том, что она законно требует от нас, по словам Священного

Писания: «Воздадите убо кесарева кесареви, и Божия Богови» (Мф. 22, 21).

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедями вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке не достойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Должно снисходить и [к] душе своей, в её немощах и несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не лениться и побуждать себя к лучшему.

Употребил ли пищи много или сделал что другое, подобное сему, сродное человеческой слабости, не возмущайся сим, не прибавляй ко вреду вред, но мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: «Блажен не осуждай себе, о немже искушается» (Рим. 14, 22).

ПРЕПОДОБНЫЙ КЛЕОПА ПОКРОВСКИЙ

Мы отдали заслуженную честь одному из величайших и наиболее почитаемых православным народом святых — преподобному Серафиму Саровскому. Но, говоря о Центральном стволе Паисиева древа, первым следовало бы назвать преподобного Клеопу Покровского.

Он родился на Украине в 1714 году, монашеский путь начал в Молдавии, а в тридцатилетнем возрасте пришёл на Святую гору Афон, где сделался учеником преподобного Паисия (Величковского), принял постриг и был рукоположен в священный сан. Вместе со старцем Паисием отец Клеопа потом перешёл в Молдавию и подвизался в Драгомирнском монастыре и, вероятно, в Секуле.

Затем он возвратился в Россию и со временем стал настоятелем уединённой Введенской Островской пустыни, располагавшейся на острове в глухих болотистых лесах, неподалёку от города Покров во Владимирской области. В настоятеля отца Клеопу избрали сами братья монастыря, потому что видели его добродетели и высокую духовную жизнь.

Преподобный Клеопа подвизался в непрестанной молитве и других монахов тоже учил аскетическому деланию, отличался незлобием, кротостью и миролюбием. В Островской пустыни он ввёл общежительный афонский устав, который потом был перенесён его учениками в другие монастыри центральной и северной России.

Большую часть времени монахи проводили в храме во время совершения длительных богослужений (всенощное бдение, например, длилось около 7 часов и совершалось ночью) и обширного общего правила, включавшего по 350 поклонов утром и вечером.

Но, придавая большое значение аскетическим подвигам, отец Клеопа не считал их самоцелью. Самым главным для него было соблюдение евангельских заповедей, как во внешней, так и во внутренней жизни. Стяжание смирения, кротости, трезвения, любви — вот что стояло во главе угла его подвижничества. Старец Клеопа говорил, что класть камень вместо подушки и морить себя голодом не принесёт большой пользы, если не научиться от Христа кротости и смирению (см. Мф. 11, 29).

Дух нестяжания, усвоенный им в афонском братстве, отец Клеопа проявлял и в управлении Введенской Островской пустыней. Не раз предлагали ему благотворители и новые угодья, и планы новых монастырских построек, и деньги на это. Но мудрый подвижник отказывался от осуществления этих планов, понимая, что главным занятием монаха должна быть молитва, а не житейские хлопоты. Он

старался в первую очередь о внутреннем благоустройстве обители.

Подвиги старца Клеопы были увенчаны благодатными дарами. Как-то раз, уединившись в лесной непроходимой чаще с двумя учениками, отец Клеопа проводил время в посте и молитве. Запасы еды подходили к концу, ученики просили его благословения отлучиться в ближайшие селения за подаванием. Но, понимая важность для иноков уединённой нерассеянной молитвы и предвидя будущее, отец Клеопа предложил начинающим уже ослабевать в подвиге ученикам потерпеть ещё немного, обещая, что помощь придёт. Через несколько дней к их келье подъехала повозка, запряжённая парой лошадей, на которой неизвестный мужчина к их радости привёз всё необходимое. Но только потом сообразили братья, что через чашу, в которой они уединились для молитвы, на повозке проехать было невозможно.

С Афонской горы отец Клеопа принёс в жизнь своего монастыря то, что составляет сущность, сердце иноческого подвига, без чего недостижима главная его цель — стяжание благодатного бесстрастия — умную Иисусову молитву. Это великое искусство, усвоенное преподобным Паисием (Величковским) из святоотеческого предания и осуществлённое им на деле, стало достоянием отца Клеопы в годы его пребывания на Афоне, а впоследствии — его учеников в Введенской Островской пустыни.

По кончине старец Клеопа был погребён в своей обители, и в течение долгих лет его могила свято чтилась жителями города Покрова и окрестных селений, которые поддерживали у места захоронения преподобного горение неугасимой лампы. К его могиле приходило множество богомольцев, имелись письменные свидетельства об исцелениях.

ВВЕДЕНСКАЯ ОСТРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ

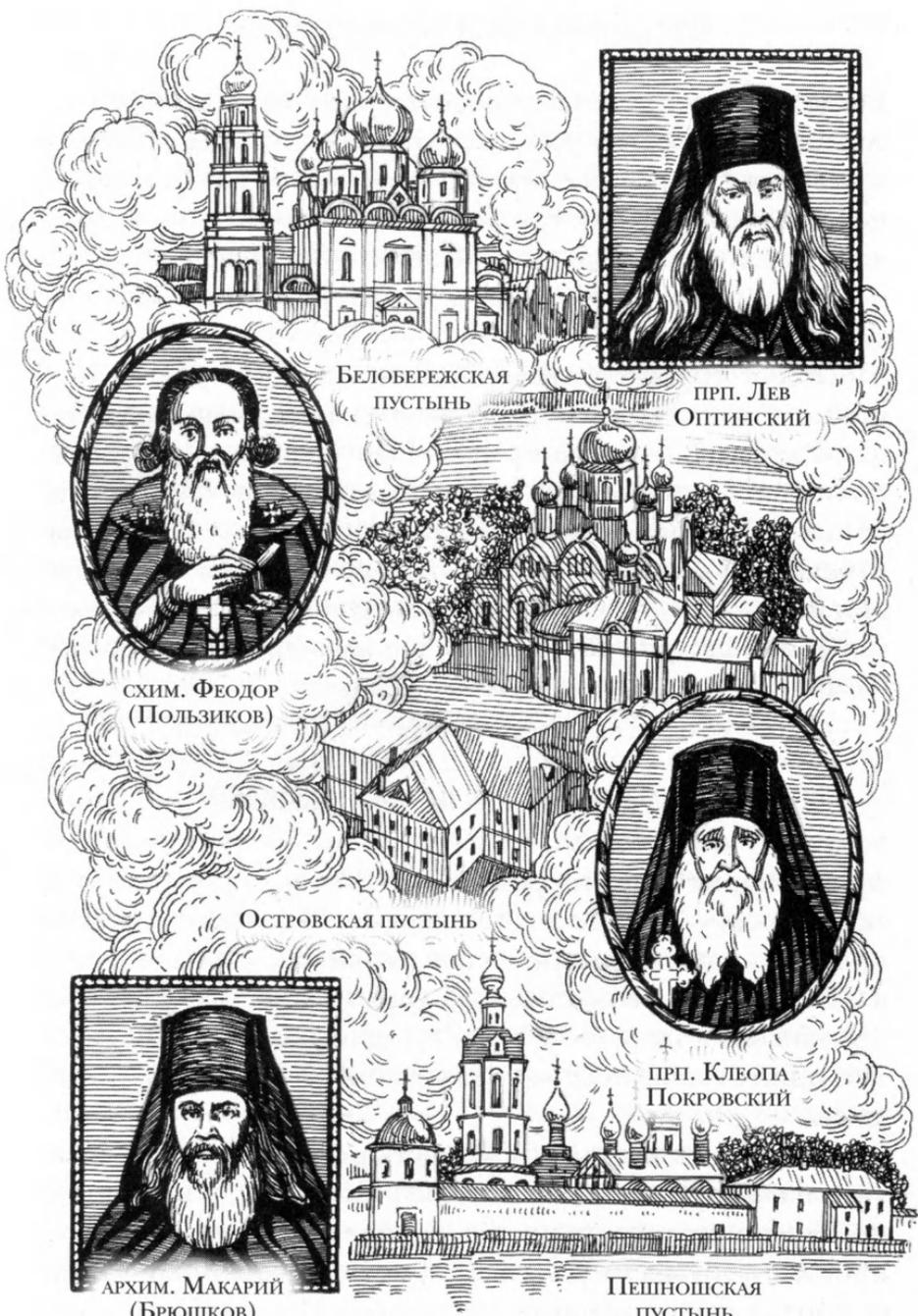
Введенская пустынь на острове посреди озера, недалеко от города Покрова Владимирской области была основана в 1708 году и первые десятилетия своего существования ничем не была примечательна. Но в 1760 году в ней поселился ученик преподобного Паисия (Величковского) старец Клеопа, которого затем сама братия избрала в настоятели.

Под его руководством во Введенской Островской пустыни подвизались многие будущие святые и подвижники благочестия. В их числе: преподобный Василиск Сибирский, сам ставший впоследствии великим старцем и чудотворцем; Феодор Соколов (ученик преподобного Феодора Санаксарского, в будущем знаменитый архимандрит Феофан Новоезерский); настоятель Пешношской пустыни архимандрит Макарий (Брюшков), архимандрит московского Симонова монастыря Игнатий (Ушаков).

АРХИМАНДРИТ ИГНАТИЙ (УШАКОВ)

Архимандрит Игнатий родился в 1731 году, происходил из знатного дворянского рода Ушаковых. Ради спасения своей души он оставил мирскую суету и житейские удобства и ушёл в Санаксарский монастырь, которым тогда управлял преподобный Феодор, тоже Ушаков (однофамилец). Там Игнатий принял монашество и был рукоположен в сан иеродиакона.

Жизнь в Санаксарском монастыре была очень суровая, хотя большая часть насельников были из дворян. Строгое послушание настоятелю, бедная одежда, лапти на ногах, простая и грубая пища — всё терпели подвижники, чтобы смирить свой дух и приготовить себя к Царству Небесному.

БЕЛОБЕРЕЖСКАЯ
ПУСТЫНЬ

ПРП. ЛЕВ
ОПТИНСКИЙ

СХИМ. ФЕОДОР
(ПОЛЬЗИКОВ)

ОСТРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ

ПРП. КЛЕОПА
ПОКРОВСКИЙ

АРХИМ. МАКАРИЙ
(БРЮШКОВ)

ПЕШНОШСКАЯ
ПУСТЫНЬ

Со временем отец Игнатий перешёл во Флорищеву пустынь Владимирской епархии, а затем — во Введенскую Островскую пустынь близ города Покрова, где обрёл себе наставника в лице старца Клеопы, ученика преподобного Паисия (Величковского). По кончине отца Клеопы в 1778 году отец Игнатий был назначен настоятелем Островской пустыни.

В 1781 году отца Игнатия вместе с отцом Макарием (Брюшковым) перевели в Николо-Пешношский монастырь Московской епархии, где Игнатий стал настоятелем, а Макарий — казначеем. В 1788 году отца Игнатия сделали архимандритом Тихвинского монастыря в Новгородской епархии. И в той, и в другой обители он ввёл общежительный устав по образцу устава Введенской Островской пустыни. В 1795 году отец Игнатий был переведён в настоятели московского Симонова монастыря для устройства правильной иноческой жизни, там он и скончался в 1796 году.

По словам преподобного Макария Оптинского: «Везде был он для братии примером добродетельного жития, а наипаче смирения, нищеты и нестяжания; шелковых одежд со вступления в монашество не носил, к нищим был милостив, к несчастным сострадатель, к братьям исполнен любви и благодетелен».

ПЕШНОШСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Николо-Пешношский монастырь был основан в 1361 году преподобным Мефодием, учеником преподобного Сергия Радонежского. Инок Мефодий, искавший уединённого жития, поначалу поселился в келье за рекой Яхромой, в версте от нынешней монастырской ограды. Со временем святость жизни отшельника получила известность, и к нему стали стекаться люди, жаждущие монашеского подвига.

Несколько столетий Николо-Пешношский монастырь процветал и разрастался, но в середине XVIII века пришёл в упадок, в нём осталось всего шесть монахов; наконец в 1764 году некогда прославленную обитель закрыли. Правда через полтора года, в 1766 году опять открыли, но подлинное возрождение Николо-Пешношского монастыря — и материальное, и духовное — началось только с 1788 года, после назначения настоятелем монастыря отца Макария (Брюшкова).

Схиархимандрит Макарий (Брюшков), ученик преподобного Клеопы Покровского, бывший после архимандрита Игнатия (Ушакова) настоятелем Пешношской обители до самой своей кончины в 1811 году, имел особенное значение в истории русского монашества и старчества: из его учеников вышло 24 настоятеля монастырей. Он имел духовное общение и переписку с преподобным Паисием (Величковским) и получил от него в дар посох. Он привёл Пешношскую обитель во внешнее и внутреннее благоустройство.

Неутомимый и многосведущий в трудах хозяйственных, отец Макарий ещё более был неутомим и опытен в подвигах духовной жизни. По виду он был строгим, но душа его была полна отеческой любви. Он не имел никакой собственности, разделяя всё с братией; ко всем относился приветливо, и его сердечная простота, соединённая с духовною мудростью, привлекала к нему всеобщее расположение и уважение. Митрополит Московский Платон поручал ему приводить в порядок расстроенные обители и ставил его в пример другим настоятелям.

От Пешношского монастыря многие другие заимствовали и общежительный устав, и способных к поддержанию общежития иноков; среди них: Голутвинский, Московский Сретенский и Кириллов-Новоезерский монастыри, а также пустыни: Давидова, Оптиная, Берлюков-

ская, Екатерининская, Медведевская-Кривоезерская и другие обители.

АРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ (БРЮШКОВ)

Отец Макарий (в Крещении — Матфей) родился в 1750 году в городе Руза Московской губернии, в семье благочестивых купцов Космы и Евдокии Брюшковых. Мальчиком его отдали для обучения торговому делу в Москву. Однако Матфей уже тогда помышлял о монашеской жизни и на восемнадцатом году от рождения решил уйти в монастырь.

В 1767 году он поступил в Санаксарскую обитель и около 7 лет подвизался под руководством преподобного Феодора (Ушакова) вместе с будущими знаменитыми подвижниками благочестия архимандритом Феофаном Новоезерским (Соколовым) и архимандритом Игнатием (Ушаковым). Затем Матфей перешёл во Введенскую Островскую пустынь Владимирской епархии недалеко от города Покрова. Там его наставником стал старец Клеопа, ученик преподобного Паисия (Величковского), благодаря которому в пустыни был введён афонский устав. Через несколько лет Матфея постригли в монашество с именем Макарий и посветили в иеромонахи.

В 1781 году отец Макарий был назначен казначеем Николо-Пешношской обители, а позднее стал её настоятелем. Число богомольцев в монастыре с каждым годом умножалось, а вместе с ними появились и средства для его благоустройства. Уже в первые годы правления отца Макария Николо-Пешношская обитель стала образцом для других пустынных обителей. Её называли училищем благочестия, примером монашеской жизни.

В 1795 году обитель посетил митрополит Московский Платон (Левшин). Он был так изумлен порядком

и чиноположением, чистотой и хозяйственностью, что сказал: «Пешноша в моей епархии – вторая Лавра». Митрополит Платон поручал ведению отца Макария многие обители, в которых тот должен был заводить общежитие по образцу своего монастыря и назначать в них настоятелей из числа своей братии.

Скончался архимандрит Макарий в 1811 году, на шестьдесят первом году жизни.

Летописец Николо-Пешношской обители иеромонах Иероним (Суханов) написал об архимандрите Макарии: «Истинное достоинство жизни состоит в добродетели, а не в явлении чудес, и по сему многие, хотя и не творят чудес, однако равны чудотворцам бывают. Но и во всяком веке были люди ангельской чистоты, а иначе мир не мог бы стоять... Из таковых был и сей муж».

СИМОНОВ И НОВОСПАССКИЙ МОСКОВСКИЕ МОНАСТЫРИ

В Москве главными средоточиями Паисиевского движения были Симонов и Новоспасский монастыри.

Симонов Успенский мужской монастырь основал преподобный Феодор, ученик и племянник преподобного Сергия Радонежского, в 1370 году. В этой обители в разное время жили многие известные подвижники и церковные деятели: преподобный Кирилл Белозерский, преподобный Ферапонт Можайский, преподобный Максим Грек; святитель Иона Московский, митрополит Геронтий, Патриарх Иосиф и святой Патриарх Московский и всея Руси Иов.

Симонов монастырь был одним из богатейших на Руси, но в 1771 году, когда правительство Российской империи отбирало имущество у многих обителей, Симонов

монастырь был вообще упразднён, а вновь открыт только почти через четверть века, в 1795 году по ходатайству Московского городского головы Афанасия Ивановича Долгова и других крупных купцов.

Настоятелем его тогда же был назначен архимандрит Игнатий (Ушаков), ученик преподобного Клеопы Островского, перемещённый из Большого Тихвинского монастыря Новгородской епархии в Симонов монастырь для учреждения в нём общежития.

В Симоновом монастыре подвизался ученик старца Паисия монах Павел. В 1812 году он много пострадал от французов, которые били его так жестоко, что все остальное время своей жизни он от этого болел. Там же, в Симоновом монастыре жил другой ученик старца Паисия, монах Арсений. Учеником отца Павла был иеромонах Иосиф, настоятель Симонова монастыря.

В московском Новоспасском монастыре замечательными старцами были иеромонахи Филарет и Александр, ученики Паисиева ученика Афанасия, проживавшего одно время во Флорищевой пустыни Владимирской епархии. Схимонах Афанасий (его нужно отличать от Афанасия (Охлопова), принёсшего «Добротолюбие» митрополиту Гавриилу), бывший ротмистр гусарского полка, по фамилии Захаров, жил при старце Паисии более семи лет и принял от него монашеский постриг.

Приезжая из Флорищевой пустыни в Москву, старец Афанасий вёл с отцами Александром и Филаретом беседы об умном молитвенном делании по учению старца Паисия. Оба эти иеромонаха заочно знали старца Паисия, любили и почитали его и пользовались переведёнными им отеческими книгами, а отец Александр даже переписывался с ним. Таким образом, оба эти новоспасских инока очень близко стояли к старцу Паисию и много пользовались его духовным богатством.

Иеромонах Филарет (Пуляшкин), старец Новоспасского монастыря

Знаменитый московский старец, иеромонах Филарет родился в 1758 году в городе Вязьме, в благочестивой купеческой семье Пуляшкиных и в крещении был наречён Феодором. Его отец был любителем душеполезного чтения и имел много духовных книг. В родительском доме Феодор был обучен грамоте и Закону Божию.

После смерти отца он, будучи 13 лет от роду, упросил свою мать отпустить его для постоянного жительства в Александро-Невский монастырь в Санкт-Петербурге. Впоследствии и мать приняла монашеский постриг в московском Новодевичьем монастыре. Она умерла через много лет, во время богомолья в Ростов Великий, где настоятелем Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря был тогда её старший сын архимандрит Аполлинарий.

Прожив полгода в Александро-Невском монастыре, Феодор перешёл в Саровскую пустынь, которая стала для него благодатной школой (в ней жили в то время преподобный Серафим Саровский и другие великие старцы). Со временем Феодор был переведён в московский Симонов монастырь, где его постригли в монашество с именем Филарет и рукоположили в иеродиакона.

В 1789 году митрополит Гавриил (Петров) рукоположил отца Филарета в иеромонаха. Митрополит очень ценил благочестие и духовную опытность молодого подвижника (ему было тогда немногим более 30 лет) и даже поручал учёным, которые готовили к изданию сделанный преподобным Паисием перевод греческого «Добротолюбия», в трудных для понимания случаях обращаться за разъяснениями к отцу Филарету и другим духовно опытным старцам, проходившим самим делом предлагаемое в «Добротолюбии» высокое учение о созерцательной жизни и умной молитве.

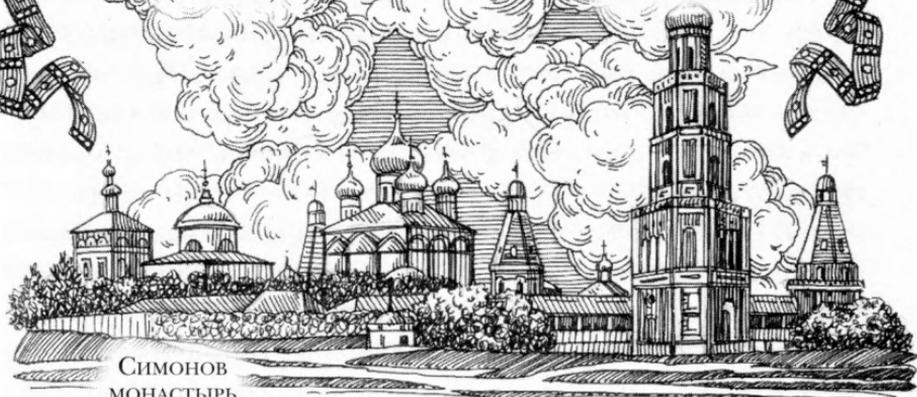
НОВОСПАСКИЙ
МОНАСТЫРЬ

АРХИМ. ИГНАТИЙ
(УШАКОВ)

ИЕРОМ. ФИЛАРЕТ
(ПУЛЯШКИН)

Затем отец Филарет был переведён на служение в Москву и нёс там различные церковные послушания, в 1798 году архимандрит и вся братия Новоспасского монастыря избрали его духовником обители. Однако уже в следующем году отец Филарет по причине крайнего изнеможения и телесной слабости удалился на покой и с того времени уже пребывал только в молитве и чтении творений святых отцов и других духовных книг.

Несколько лет иеромонах Филарет провёл в строгом безмолвии. Этот подвиг подготовил его к высокому старческому служению, которое началось незадолго до нашествия французов в 1812 году и продолжалось до самой блаженной кончины старца.

Келья его ежедневно была наполнена множеством народа всякого звания — от высших сановников до простолюдинов. Волнуемые сомнениями, уязвлённые страстями, постигнутые телесными недугами или иными бедами, со всех сторон стекались к старцу Филарету люди излить свою душу, свои скорби и находили в нём истинно отеческое участие. Нередко случалось, что от множества посетителей отец Филарет не имел времени ни для трапезы, ни для краткого отдыха. Но благодать Божия укрепляла немощного старца.

Настоятель Оптиной пустыни преподобный Моисей до принятия монашества пользовался его советами. Преподобный Макарий Оптинский, когда бывал в Москве, любил посещать отца Филарета в Новоспасском монастыре и беседовать с ним. Отец Макарий хранил у себя в келье его портрет.

Старец Филарет был духовным наставником Наталии Петровны Киреевской, жены известного русского философа и писателя Ивана Васильевича Киреевского, и через неё оказал на Ивана Васильевича благотворное влияние, заинтересовал его духовной жизнью, расположил к более

глубокому изучению православия и содействовал его духовному сближению со старцами Оптиной пустыни.

Иеромонах Филарет мирно преставился от временной жизни к вечности в 1842 году, в возрасте 84 лет, предсказав за две недели день своей блаженной кончины.

АРХИМАНДРИТ АЛЕКСАНДР (ПОДГОРЧЕНКОВ)

Будущий подвижник благочестия, архимандрит Спасского монастыря в Арзамасе Александр (в миру – Адриан Иванович Подгорченков) родился в 1758 году на Украине. Родители его были польскими шляхтичами, но вероисповедания православного. Он учился в Киевской духовной академии, потом недолго пробыл на государственной службе в Москве и в тридцатилетнем возрасте поступил в московский Новоспасский монастырь, где первое время нёс послушание пономаря.

Со временем отец Александр был пострижен в монашество и рукоположен в священный сан митрополитом Санкт-Петербургским Гавриилом и с тех пор всегда пользовался его расположением и состоял с ним в постоянной переписке.

Живя в Новоспасском монастыре в Москве, отец Александр духовно сблизился там с другим подвижником благочестия – иеромонахом Филаретом (Пуляшкиным). Иеромонах Александр старался всё свободное от послушаний время посвящать духовному деланию: молился, читал Священное Писание и творения святых отцов, а также переписывался с единомышленными ему иноками-подвижниками, особенно благоговей пред великим старцем Паисием (Величковским), с которым также вёл переписку.

При таком образе жизни и великом смирении отец Александр сам сделался наставником монахов и благочестивых мирян. К нему приходили для бесед многие юноши и молодые люди, искавшие духовного совета. Некоторые ученики его впоследствии сами сделались известными подвижниками, в их числе — преподобные Моисей и Антоний Оптинские.

В 1810 году отец Александр был назначен архимандритом Арзамасского Спасского монастыря и провёл в этой должности 35 лет. При этом он оставался со всеми кроток и снисходителен, в быту был неприхотлив, одежду носил самую простую; всё своё жалованье и доходы, и то, что иногда дарили ему почитатели, раздавал нищим и бедным; когда не было денег, раздавал вещи, даже свои рубашки. Нестяжание отца Александра было таково, что по его кончине в келье найдено было только несколько медных монет и не оказалось никакой одежды, кроме той, что была на нём.

Несмотря на слабое здоровье, он был строгим постником, усердным молитвенником, даже носил вериги. Перед кончиной, наступившей в 1845 году, отец Александр в течение 18 дней совсем не принимал пищи, только ежедневно причащался Святых Христовых Тайн.

Схимонахиня Марфа (Протасьева)

Схимонахиня Марфа (в миру — Мария Петровна Протасьева) происходила из Костромских дворян. Лишившись матери почти в младенчестве, она росла под надзором бабушки. Часто бывая с нею в монастырях, Мария слушала рассказы о подвижниках и подвижницах, сама постилась и много молилась.

Зная, что отец ни за что не отпустит её в монастырь, она решила по примеру некоторых древних святых тайно

оставить родительский дом. Выбрав удобное время, накануне того дня, когда в доме отца готовился бал, она, написав письмо отцу, бежала, но была настигнута посланной погоней и возвратилась. Вскоре, однако, она умолила отца отпустить её в Костромской монастырь.

Там Мария Петровна взялась ухаживать за одной схимонахиней высокой духовной жизни: носила ей воду, дрова, топила печь, готовила пищу. От родных, часто посещавших Марию Петровну, она первое время тщательно скрывала свои монастырские труды.

Однажды Мария Петровна услышала от проезжавших чрез Кострому санаксарских монахов о преподобном старце Феодоре (Ушакове), который в то время томился в ссылке в монастыре на Соловецких островах, посреди Белого моря, и возымела твёрдое намерение отправиться к нему, чтобы просить его руководства к богоугодной жизни.

Несмотря на все неудобства и трудности далёкого пути, она добралась до Соловецкого монастыря, разыскала там отца Феодора и обратилась к нему за наставлениями. Старец посоветовал ей поступить в не имевшую тогда ещё статуса монастыря Арзамасскую Алексеевскую общину.

Послушно и со смирением приняла Мария Петровна этот совет и в 1782 году вступила в Алексеевскую общину, а чрез год имела утешение вместе с другими сёстрами встретить отца Феодора, возвращавшегося из Соловецкого монастыря в Санаксар.

Преподобный Феодор часто навещал Алексеевскую общину и пёкся о её благоустройстве. Заметив, что первая настоятельница, Евдокия Ивановна, достигнув преклонных лет, уже тяготится своими обязанностями, он благословил на настоятельство Марию Петровну, которой было тогда ещё только 26 лет. Вначале многие сестры смущались тем, что настоятельница их так молода, но потом, видя её подвижническую жизнь и мудрое управление, успокоились.

Мария Петровна отличалась кротостью и терпением, незлобиво переносила все болезни и неприятности. На подчинённых старалась действовать не строгостью, а убеждением и любовью. Усугубляя свои подвиги, она тайно приняла схиму и наречена была именем Марфа.

По смерти старца Феодора матушка Марфа обратилась за руководством к преподобному Паисию (Величковскому), и отец Паисий не отказал ей. В одном из писем к схимонахине Марфе он разъясняет важность послушания как основания монашеской жизни: «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12, 49). Этот Божественный огонь восприняли в свои сердца святые апостолы и, возгоревшись к Господу пламенной любовью, оставили мир и всё, что в мире, и последовали за Христом. Они предали себя Ему и душой, и телом, отвергли и свою волю, и свое рассуждение, так что с великою радостью могли говорить: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою» (Мф. 19, 27). Это святое послушание Господу они сохранили в своих сердцах до конца жизни, запечатлели его перенесением бесчисленных искушений и многообразных смертей и изливанием своей крови до последней капли...

Этот же огонь Божественной благодати восприняли все святые истинные рабы Христовы, всякого чина и звания люди, тщательно соблюдавшие душеспасительные заповеди Евангельские, без исполнения которых при одной вере православной спастись невозможно... Божественное послушание столь необходимо для истинного богоугождения, что без него никак невозможно служить Богу».

В заключение письма преподобный Паисий убеждает схимонахиню Марфу подавать своею жизнью пример сёстрам, над которыми она поставлена начальницей. «Наставляй их, — пишет старец, — на путь спасения, показывая им пример всякого доброго дела при помощи Божией,

прилежным исполнением заповедей Евангельских, любовью к Богу и ближнему, кротостью и смирением, глубочайшим всегда ко всем миром Христовым, материнским милосердием, терпением и долготерпением...

Прилежно, с великим вниманием и размышлением, прочитывай в отеческих книгах о молитве, умом в сердце совершаемой, которая есть самый истинный, наиболее приятный Богу, монашеский подвиг...

Понудь себя никого не осуждать, ибо один есть праведный Судия Христос Господь, который каждому воздаст по делам его, осуждай только себя и не будешь осуждена на Его втором и страшном пришествии. Всякому, согрешающему перед тобою, от всего сердца отпуская согрешения, да и Отец Небесный отпустит тебе согрешения твои». Этими наставлениями заканчивается письмо старца Паисия к схимонахине Марфе (Протасьевой).

Матушка переписывалась и с преемником преподобного Паисия (Величковского) по настоятельству в Нямецком монастыре архимандритом Софронием, который посылал для её обители иконы, портрет старца Паисия и рукописные экземпляры отеческих книг в переводе старца Паисия, чтобы испросить у митрополитов Платона и Гавриила помощи в их публикации.

Число сестёр в общине быстро увеличивалось. Матушка никому не отказывала, всех желающих вступить в общину принимала с любовью, часто повторяя слова Христовы: «Приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин. 6, 37). При всей скудости средств, которые община тогда имела, схимонахиня Марфа ежедневно питала странников, нищих и никогда не отпускала без подаяния бедных, приходивших за куском хлеба, квасом или просивших другой какой-либо монастырской пищи, говоря, что рука дающего никогда не оскудевает.

Монастырские храмы во время её настоятельства были малы, бедны и скудны утварью. Подаяния арзамасцев также были не велики, а посылать насельниц за сбором было воспрещено уставом общины, данным преподобным Феодором.

Чтобы отыскать благодетелей, матушка ездила в Москву и там, действительно, нашла их немало среди дворян и именитых купцов. Привлекла их она своим смирением, назидательными беседами и любовью к ближним. Все узнававшие её москвичи рады были видеть настоятельницу в своих домах и принять её благословение. Спустя десятки лет во многих семьях московского купечества имя её с любовью и благоговением передавалось из рода в род.

Схимонахиня Марфа (Протасьева) управляла Алексеевской общиной 28 лет и скончалась 53 лет от роду в 1813 году. Скорбь сестёр общины была неутешна: их рыдания заглушали погребальное пение. Совершавший отпевание архимандрит Спасо-Преображенского монастыря Александр, питавший к почившей глубокое уважение, вынужден был просить: «Ради Бога перестаньте, от слёз и рыданий я сам изнемогаю и продолжать не могу!» Над могилой схимонахини Марфы впоследствии была устроена церковь с неугасимой лампадой.

БРЯНСКИЙ СВЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Очень важным местом в центральной России, где переплелись духовные нити, шедшие от старца Паисия, был Брянский Свенский монастырь. Там проживали в начале XIX века ученики и последователи преподобного Паисия (Величковского): иеромонах Афанасий (Степанов), схимонахи Афанасий (Захаров) и Афанасий (Охлопов), иеродиакон Анастасий и другие подвижники благочестия. Преподобный Моисей Оптинский был в 1809–1811 годах

послушником в Свенском монастыре, а святитель Филарет (Амфитеатров) был в 1802–1804 годах его настоятелем.

В духовной связи с Брянским Свенским монастырём стоит и группа пустынножителей Смоленской епархии, подвизавшихся в конце XVIII и в начале XIX века в лесных скитах Рославльского уезда. Некоторые из этих подвижников были непосредственными учениками старца Паисия, каковы Досифей, проживший 40 лет в Рославльских лесах, и Арсений, перешедший впоследствии в Псковский Никандров монастырь. Некоторые лично не были знакомы с отцом Паисием, в их числе преподобные Моисей и Антоний (Путиловы), перешедшие потом в Оптину пустынь.

Схимонах Афанасий (Охлопов)

Схимонах Афанасий (Охлопов) происходил из дворян, жил в Санкт-Петербурге и был чиновником небольшого ранга, служил в Сенате секретарём. Но потом он оставил мир и начал странствовать по монастырям. Из Молдавии пришёл на гору Афон, а затем поселился в Нямецком монастыре и был в послушании у преподобного Паисия и его ближайшего помощника старца Софрония. (Этот старец Софроний после кончины преподобного Паисия стал настоятелем Нямецкого монастыря.)

По поручению святого Паисия, отец Афанасий доставил в Россию митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу рукопись сделанного преподобным Паисием перевода «Добротолюбия» и некоторое время прожил в Санкт-Петербургской Духовной Академии, помогая готовить к первой в России публикации этот замечательный сборник святоотеческих наставлений о внутренней жизни.

Завершив свою работу над «Добротолубием», схимонах Афанасий удалился в Рославльские леса, где прожил больше 10 лет в строгом подвижничестве, а потом перешёл в Свенский монастырь. Живя там, отец Афанасий получил от старца Софрония из Нямецкого монастыря текст жития преподобного Паисия и некоторые его писания, впоследствии изданные Оптиной пустынью. Там же он составил сборник выписок из творений святых отцов по различным вопросам нравственно-религиозной жизни, например о посте, о молитве, о гордости и прочем. По каждой теме были приведены многочисленные выдержки из святоотеческих писаний, и таким образом темы получали всестороннее освещение. Незадолго до своей кончины схимонах Афанасий (Охлопов) передал составленный им сборник выписок из творений святых отцов другому схимонаху Афанасию по фамилии Захаров, на руках которого он и скончался в 1811 году.

В РОСЛАВЛЬСКИХ ЛЕСАХ

В Рославльских лесах отец Афанасий (Охлопов) жил вместе с будущими оптинскими старцами Моисеем и Антонием и был их наставником. Какую строгую жизнь они вели, можно видеть из воспоминаний преподобных Моисея и Антония.

Питались пустынники одними огородными овощами, или, лучше сказать, одной репой, потому что другого ничего на их огородах и не росло. Редко когда кто из помещиков пришлёт хлеба — его уже берегли, чтобы и крошка не пропала.

Однажды, рассказывал старец, им пришлось встретить Пасху до того скудно, что у них ничего не было. Но они не упали духом. Отпели утреню, с иконами обошли крестным

ходом вокруг кельи, воспевая «Христос Воскресе», утешаясь и радуясь душой о Господе. Когда же пришёл час трапезы, то преподобный Моисей в похлёбку из репы влил немного масла из лампадки и благословил разговляться. Так Господь хотел испытать их терпение, потому что на другой день от местного помещика была прислана им провизия.

Летом пустынноики собирали грибы, ягоды и дарили благодетелям, а от них получали печёный хлеб, крупу, а иногда и растительное масло для приправы пустынной трапезы. А когда случался недостаток, питались и сухоядением, дорожа более всего духовной свободой и безмолвием.

День пустынноики проводили по следующему порядку. Ровно в полночь младший из братии, исполнявший обязанности будильщика, обходил ближайшие келии и, произнося молитву Иисусову, будил старцев. Старцы отправляли полунощницу и утреню, причём вычитывали всю церковную службу по богослужебным книгам без малейшего опущения. После утрени через час служили соборный акафист Богоматери, после акафиста часа через два — часы с изобразительными.

Затем следовал поздний и скудный обед. После обеда кто-нибудь из старцев предлагал братии беседу, например о послушании, о хранении молчания и прочем. Часов в пять вечера служили вечерню, как положено по уставу. За скудным ужином читалось житие дневного святого, а после ужина — снова беседа или поучение из сборников аскетических писаний.

Перед отходом ко сну каждый пустынноик для себя читал молитвенное келейное правило с множеством земных поклонов. Все это — и общее молитвословие, заменявшее церковную службу, и келейное правило, — совершалось с великим усердием. Можно сказать, что почти весь день пустынноики простаивали на молитве, оставляя её лишь для

исполнения необходимых работ, так как отцы всё для своей жизни изготавливали сами. Отремонтировать келью, починить одежду, сплести лапти, набрать на зиму ягод, грибов – всё это было нужно и всё это наполняло свободные часы между продолжительными службами.

Как ни удивительно, но при такой трудной жизни подвижники находили время и силы для литературных занятий. Так будущий настоятель Оптиной пустыни отец Моисей во время пустынножительства в Рославльских лесах составил сборник «О подвигах иноческих», заключающий в себе ценные выписки из отеческих книг о внутренней духовной жизни.

Воскресенья и праздники были для отцов-пустынников временем отдыха и братского общения. В такие дни старцы собирались вместе. Обедали и беседовали о христианской жизни или читали из какой-нибудь святоотеческой книги. Сами они Божественную литургию не совершали, поэтому на Рождество, Пасху и другие большие праздники приходил из ближайшего села священник и причащал их запасными Дарами.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОФАН РОСЛАВЛЬСКИЙ (ТАЛУНИН)

О жизни схимонаха Феофана, пустынножителя Рославльского, сохранилось мало сведений. В основном это воспоминания архимандрита Моисея, преподобного старца Оптинского.

Отец Феофан, уроженец Владимирский, в молодости состоял на службе в черноморском казачьем войске, оставил по болезни военную службу, проживал некоторое время в Софрониевой пустыни у архимандрита Феодосия, откуда перешел в Молдавию к старцу Паисию и три года жил там,

проходя поварское послушание. По кончине старца он вернулся в Россию и поступил в Оптину пустынь в 1800 году.

Оттуда он не раз посещал подвижников в Рославльских лесах. Даже среди окружавших его преподобных отцов он выделялся кротостью и нестяжанием.

Ревность к постническому подвигу побудила его однажды провести всю святую четыредешатницу совсем без пищи. Он открыл об этом одному из близких по духу братии. «Я верую, — говорил он, — что не умру от поста». Брат не стал ни отклонять, ни утверждать его в его намерении. И Феофан в течение всего поста не вкушал ничего и только однажды в неделю употреблял теплую воду. В течение всех 40 дней он совершал келейно всю службу, полагал много поклонов, сам отапливал келью и выглядел бодрым. Однажды, заметив, что Феофан сильно похудел, брат сказал ему: «Отче, ты очень изнурил себя». «Ничего! — ответил Феофан, — Христос Спаситель излил за меня всю кровь Свою на Кресте, а во мне еще много крови». Выдержав с Божией помощью принятый на себя подвиг, он в конце поста приобщился Святых Христовых Тайн.

Впоследствии он ещё раз пытался повторить этот подвиг, но простудился, заболел жестоким кашлем и, постепенно слабея, скончался в 1819 году.

За несколько минут до кончины преподобный Моисей спросил его: «Покойна ли твоя душа, не страшится ли чего в часе смертном?» Он отвечал: «Я с радостью желаю разрешиться жизни сей», занёс руку для крестного знамения и предал дух свой в руки Божии.

Преподобный Оптинский старец Антоний, на руках которого в Рославльских лесах умер отец Феофан, рассказывал, что он забыл испросить у него молитв перед его смертью. В сороковой день почивший явился ему во сне и пообещал молиться за него. Отец Антоний говорил о преподобном Феофане следующее: «Этот старец при жизни

имел столь сияющее благодатью лицо, что недоставало духу смотреть ему прямо в глаза, а разве украдкой когда взглянешь со стороны».

Схимонах Афанасий (Захаров)

Схимонах Афанасий (Захаров) родился в середине XVIII века, в миру был дворянином, ротмистром гусарского полка, но, решив посвятить всю свою жизнь Богу, он в 30 лет поступил в Нямецкий монастырь, где был пострижен в монашество преподобным Паисием (Величковским).

Отец Афанасий стал духовным сыном и учеником старца Паисия и прожил при нём более семи лет. По благословению старца он занимался выписками наставлений из отеческих книг о молитве, смирении, терпении, послушании, любви и прочих добродетелях.

По необходимым обстоятельствам в 1777 году отец Афанасий был отпущен в Россию с монахами Амвросием и Феофаном. В России он подвизался во Флорищевской пустыни, Гороховском монастыре, Белобережской пустыни и, наконец, в Площанской Богородицкой пустыни, где многим принёс пользу своею жизнью и учением.

Будучи в Москве по монастырским делам, отец Афанасий часто беседовал с иеромонахами московского Новоспасского монастыря Александром (Подгорченковым) и Филаретом (Пуляшкиным), давая им наставления в умной молитве, откровении помыслов старцу и непрестанном молитвенном делании, приобщая их традиции преподобного Паисия (Величковского). Под водительством старца Афанасия его ученики стали позже известными духовными наставниками.

Отец Афанасий был кроток, снисходителен, терпелив, смирен, милостив, сострадателен и любил всех. Несмотря

на болезнь ног, он с благоговением выстаивал полные церковные службы и соблюдал келейное правило, кладя вечером и утром по 200 поклонов. Его беседы, как с монашеской братией, так и с мирянами, отличались искренностью и простотой.

Свободное время отец Афанасий проводил в переписывании душеполезных наставлений из отеческих книг, в надежде в будущем систематизировать собранные им бесценные россыпи свято-отеческой мудрости. Но при жизни отцу Афанасию завершить намеченное не было суждено.

Последние восемь лет своей жизни отец Афанасий провёл в Площанской пустыни. Там его келейником и ближайшим учеником был преподобный Макарий (Иванов), будущий великий оптинский старец, который принёс традиции преподобного Паисия (Величковского) в Оптину пустынь. Старец Афанасий имел у себя верные списки всех трудов и переводов преподобного Паисия (Величковского). Отец Макарий читал и переписывал эти рукописи, а годы спустя они легли в основу его издательской деятельности уже в Оптиной пустыни.

Осенью 1825 года схимонах Афанасий (Захаров) занемог и мирно предал свою душу Господу при конце воскресной вечерни на руках своего ближайшего ученика преподобного Макария (Иванова).

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Переходим теперь к одной из наиболее славных и известных в истории русского старчества обителей, Оптиной пустыни. Хотя, как было сказано ранее, по своему географическому положению она определённо относится к Центральному стволу Паисиева древа, но число прославленных

святых и подвижников благочестия, связанных с этим монастырём, так велико, и число обителей, получавших духовное окормление от оптинских старцев, тоже так велико, что фактически Оптина пустынь являет собой особый ствол духовного древа преподобного Паисия (Величковского).

Оптина пустынь расположена в Калужской области на берегу реки Жиздры. Известен этот монастырь много столетий, но к концу XVIII века настолько обнищал и так опустел, что в нём оставалось только трое престарелых монахов. Потом заботами митрополита Московского Платона (Левшина) дела монастыря несколько поправились.

Митрополит всей душой любил монашество и духовно благоустроил многие монастыри, поставив во главе их учеников преподобного Паисия (Величковского). В 1797 году он назначил настоятелем Оптиной пустыни благочестивого иеромонаха Авраамия, вызвав его из Пешношского монастыря. Он управлял Оптиной пустыней около 20 лет.

Отец Авраамий был учеником Пешношского архимандрита Макария (Брюшкова), ревностного почитателя старца Паисия и хранителя его традиций. Поэтому назначение отца Авраамия включило Оптину пустынь в круг духовного влияния преподобного Паисия (Величковского). Он ввёл здесь общежительный устав и возвысил духовную жизнь.

ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ

Но подлинный расцвет обители начался с назначением на должность настоятеля преподобного Моисея (Путилова). Настоятелем Оптинского скита стал его родной брат, преподобный Антоний.

Преподобные Моисей и Антоний выросли в замечательной семье. Родители их, Иван Григорьевич и Анна Ивановна

Путиловы, были купеческого сословия. Сами люди благочестивые и богобоязненные, они и детей своих воспитали в страхе Божиим, с ранних лет приучили их любить церковь и богослужение.

После назначения настоятелем отца Моисея Оптиная пустынь в течение целого столетия была источником духовного просвещения для всего русского общества: от не книжных простецов до философов и писателей, от крестьян до царственных особ, от мирян до архиереев.

Для всех приходивших в Оптину пустынь она была целебным источником, врачевавшим душевные раны, просвещающим, преображающим и укрепляющим духовно Божественной благодатью, изливавшейся по молитвам оптинских старцев.

Кто такие старцы? Это не обязательно люди преклонного возраста, дело тут совсем не в годах. Старец — это христианин, имеющий от Бога особый дар видения душ человеческих и дар возвещения людям воли Божией о них. Более широко принято называть старцем всякого духовно опытного монаха, преуспевшего в молитве и смирении.

Святыми старцами были преподобные Моисей и Антоний (Путиловы).

Преподобный Моисей пригласил в Оптину великого старца, преподобного Льва (Наголкина), к которому он и сам обращался за советами. Своими подвигами, непрестанной молитвой и величайшим смирением отец Лев стяжал обильные дары Святого Духа.

Другом и в то же время учеником старца Льва был преподобный Макарий (Иванов). С именем старца Макария связано начало издания в Оптиной пустыни святоотеческих трудов, объединившего вокруг обители лучшие духовные и интеллектуальные силы России. Под его старческим руководством находилась не только Оптина пустынь, но и многие другие монастыри, а письма к монашествующим

и мирянам, уже не раз переизданные, стали для каждого христианина бесценным пособием в духовной жизни.

Преподобный Иларион (Пономарёв) — ученик и преемник старца Макария по Оптинскому скиту. Будучи ревностным защитником и проповедником православной веры, он сумел возратить в лоно Церкви многих заблудших и отпавших от православия раскольников и сектантов.

Самым прославленным из оптинских старцев стал преподобный Амвросий (Гренков). Святость и богоугодность жития его Бог засвидетельствовал многими чудесами, а православный верующий народ — искренней любовью, почитанием и благоговеющим обращением к нему в молитве.

Преподобный Анатолий (Зерцалов), будучи скитоначальником после старца Илариона, руководил в духовной жизни не только иноками Оптиной пустыни, но также насельницами Шамординской женской обители и других монастырей. Сохранились и опубликованы его письма, во многих из которых он даёт подробные наставления об умном делании молитвы Иисусовой и борьбе с мешающими сердечной молитве страстями.

Преподобный Исаакий (Антимонов) был настоятелем Оптиной пустыни после преподобного Моисея. Он сочетал в себе твёрдое управление обителью и тончайшее искусство пастырского руководства со смиренным послушанием великим Оптинским старцам и высоким подвижничеством.

Ученик и духовный преемник преподобного Амвросия по старчеству, преподобный Иосиф (Литовкин) явил образ великого смирения, незлобия и непрестанной умно-сердечной молитвы. Он многие годы был келейником отца Амвросия. Старец не раз удостоивался явления Божией Матери. Некоторые люди видели отца Иосифа озарённым благодатным Божественным светом.

Преподобный Варсонофий (Плиханков) в миру был военным и дослужился до звания полковника. Но всё оставив и придя в Оптиную пустынь, он со временем сподобился необыкновенного дара прозорливости — видел сокровенность сердца проходящих к нему людей и с любовью побуждал их к покаянию.

Преподобный Анатолий (Потапов), прозванный в народе утешителем, был наделён от Господа великими благодатными дарами любви и утешения страждущих, прозорливости и исцеления. Смиренно неся своё пастырское служение в тяжёлые дни революционной смуты и безбожия, старец утверждал своих духовных чад в решимости даже до смерти быть верными православию.

Преподобный Нектарий (Тихонов) — последний соборно избранный Оптинский старец, который подвигом непрестанной молитвы и смирения обрёл величайшие дары чудотворения и прозорливости, нередко скрывал их под видом юродства. Во дни гонений на Церковь, сам находясь в изгнании за исповедание веры, он неустанно окормлял всех, кто обращался к нему за советом и молитвенной помощью.

Ближайший ученик старца Варсонофия, молитвенник и любвеобильный пастырь иеромонах Никон (Беляев) самоотверженно исполнял старческое служение уже после закрытия Оптиной пустыни. Он претерпел мучения от безбожников и скончался в изгнании, как исповедник.

Последний настоятель Оптиной пустыни, испытавший всю тяжесть разорения и поругания святой обители, архимандрит Исаакий (Бобраков) нёс свой крест настоятельского служения в годы испытаний и скорбей. Он был исполнен несокрушимой веры, мужества и всепрощающей любви. Этот святой старец четырежды претерпел тюремное заключение и увенчал свою исповедническую жизнь мученичеством за Христа.

В Оптиной пустыни незадолго до её закрытия начинал свой монашеский подвиг также преподобноисповедник Севастиан (Фомин). Он немало пострадал от большевиков, проведя долгие годы в советских концлагерях, а после освобождения послужил православному народу как благодатный старец.

Оптина пустынь была закрыта безбожниками в 1923 году и разорена: некоторые храмы полностью уничтожили, иные осквернили. Но, по милости Божией, в 1987 году сохранившиеся монастырские постройки были возвращены Русской Православной Церкви, и монастырь Оптиная пустынь возродился из небытия. Теперь уже все церкви восстановлены и даже построены новые. Мощи Оптинских старцев обретенны и лежат в храмах в красивых раках. Только мощи преподобноисповедника Никона (Беляева) пока ещё покоятся на берегу северной реки Пинеги.

А мощи священномученика Исаакия (Бобракова), расстрелянного на полигоне в Бутово под Москвой, уже никогда не будут обретенны и останутся лежать среди останков 20 тысяч убитых и зарытых большевиками на том месте. Но душа священномученика вместе с душами всех святых Оптинских старцев пребывает в вечной радости.

ПРЕПОДОБНЫЙ МОИСЕЙ ОПТИНСКИЙ

Преподобный Моисей Оптинский (в миру — Тимофей Иванович Путилов) родился в 1782 году в благочестивой купеческой семье. Отец его Иван Григорьевич и мать Анна Ивановна сами глубоко веровали в Бога и молились Ему, и ревностно приобщали к церковной жизни десять своих детей, показывая им пример любви к Богу и ближним. Трое из их сыновей стали со временем настоятелями прославленных высокой духовностью монастырей (Оптиной

пустыни, Саровской пустыни и Малоярославецкого Николаевского монастыря), из них двое (Моисей и Антоний) причислены к лику святых.

Эти три брата находились сначала под духовным руководством иеромонахов московского Новоспасского монастыря, старцев Филарета (Пуляшкина) и Александра (Подгорченкова), а также старицы монахини Досифеи из московского Иоанно-Предтеченского женского монастыря.

Потом Тимофей (он ещё оставался мирянином) вместе с братом Ионой проживал в Саровской пустыни, оттуда перешёл в Брянский Свенский монастырь, где пользовался руководством ученика старца Паисия схимонаха Афанасия (Охлопова).

Затем будущий Оптинский старец Моисей удалился в Рославльские леса, там принял монашеский постриг и проводил строгую подвижническую жизнь под руководством того же опытного старца Афанасия. Было ему в ту пору 29 лет.

Пустынники много молились, трудились своими руками, питались репой, грибами и ягодами; иногда благодетели присылали им хлеб, крупу, постное масло. На Пасху разговлялись стаканом молока. Нередко приходилось жить впроголодь. Часто подстерегали пустынников опасности: зимой кругом выли волки, расхищали огород медведи, однажды напали на них разбойники, иногда придиралась полиция. Но страшнее всего были бури, ломавшие столетние деревья в лесу. Одно такое дерево чуть не раздавило келью отца Моисея.

Во время жизни в Рославльских лесах он созрел духовно, приобрёл сосредоточенность, молитвенное безмолвие, глубокое опытное понимание святоотеческих творений. Вот, к примеру, что писал преподобный Моисей в то время в своём дневнике: «Блеснуло в уме разумение относительно

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

СВТ. ФИЛАРЕТ
(АМФИТЕАТРОВ)

ПРП. МОИСЕЙ
ОПТИНСКИЙ

ПРП. АНТОНИЙ
ОПТИНСКИЙ

ПРП. АМВРОСИЙ
ОПТИНСКИЙ

живущих со мной братьев, чтобы их погрешности, видимые мною и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться, как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться. Ошибки, проступки и грехи братьев да будут мои».

Но Господь судил преподобному Моисею не только спастись свою душу в пустынном безмолвии, а и послужить ближним, приняв на себя руководство монашеской братией. Он был назначен настоятелем Оптиной пустыни и пробыл в этой должности тридцать семь лет.

За годы его правления Оптина преобразилась. Число братии увеличилось в несколько раз. Была почти удвоена монастырская земля. Разведены фруктовые сады, заведён рогатый скот, устроена огромная монастырская библиотека, расширен собор. Также были воздвигнуты две церкви, выстроены трапезная, гостиницы, конный и скотный дворы, семь корпусов келий, два завода, мельница и каменная ограда с башнями. Служба стала совершаться благолепно, но, что важнее всего, возвысился духовный строй обители.

Преподобный Моисей был строгим хранителем Паисиевой традиции, его общежительного монастырского устава. Во время настоятельства преподобного Моисея в Оптиной пустыни поселились великие преподобные отцы Лев, Макарий и Амвросий, и установилась традиция старчества, которая принесла обильный духовный плод и продолжалась до тех пор, пока большевики не разорили Оптину пустынь в 20-е годы прошлого века.

Преподобный Моисей был очень милостив к нищим и бедным, сам же вёл жизнь настолько нестяжательную, что, когда при его кончине открыли ящик, где он хранил деньги, то нашли всего один гривенник, застрявший между дном и стенкой. «Верно, батюшка не заметил его, а то бы непременно и его истратил на бедных», — сказал тогда преподобный Антоний Оптинский. И это при том, что

архимандрит Моисей много лет управлял огромным и богатым монастырём.

Праведная кончина преподобного Моисея наступила в 1862 году, на 81 году его земной жизни. Ныне его святые мощи покоятся в Казанском храме Оптиной пустыни рядом с мощами преподобного Антония Оптинского, родного брата преподобного Моисея.

Преподобный Моисей не оставил литературных трудов, его духовные наставления сохранились только в воспоминаниях учеников и духовных чад и в небольшом количестве писем. Приведём некоторые поучения богомудрого старца (заголовки — автора книги).

Гордость всегда бесовская

Разве есть благородная гордость? Её нет, а есть одна только гордость бесовская.

О хранении мира и совести

Телесное око не терпит и малейшей порошинки в себя принять, так и совесть чем-нибудь замаравши, не можно молитвы коснуться.

Если хотите быть всегда мирными, ни с кем не расставайтесь в неудовольствии, но всячески старайтесь от души простить всех и даже по возможности умиротворить, чтобы разойтись в мирном духе, тогда и сами будете наслаждаться душевным спокойствием.

Послушание промыслу Божьему

Должно о всем благодарить Господа, праведно налагающего на нас труды к терпению, которое для нас полезнее утешения, возвышающего душу.

Уныние и уклонение от должности, по указанию оногo губительного духа уныния, показывает, что ты ещё и доселе ходишь не в истинном разуме, и не в вере...; с твоею во-

лею... я отнюдь не согласен, а Божией — предаюсь неограниченно и боюсь помыслить вопреки.

Советую, чтобы ты ни от какого положенного на тебя дела не отрицался и ни на что сам не назывался, и когда сие сохранишь совершенно, то и в тягчайших трудностях благополучие увидишь, и меня помянешь добрым словом. Когда же ты чего прилежно сам искать будешь или отрекаться, то поверь, во всю свою жизнь горько сожалеть будешь.

Самочиние приводит к тщеславию и оканчивается душевным вредом, а когда то же дело совершается с благословением, то ради молитв братии и настоятеля Господь покрывает послушника от всего вредного и он получает душевную пользу.

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ОПТИНСКИЙ

Преподобный Антоний Оптинский (в миру — Александр Иванович Путилов) родился в 1795 году и был младшим братом преподобного Моисея Оптинского. Воспитываясь в благочестивой и глубоко верующей семье, он с юности тяготел к духовной жизни.

Когда Александру было десять лет, два его старших брата, Тимофей (будущий настоятель Оптиной пустыни Моисей) и Иона (будущий настоятель Саровской пустыни Исаия) приняли монашество. Тогда и Александр тоже почувствовал призвание к иночеству, но мечта эта сбылась не сразу. Александр ещё десять лет трудился в миру, посещая в свободное время церкви и монастыри.

Лишь достигнув двадцатилетнего возраста, он удалился в Рославльские леса, где уже подвизался его старший брат Моисей, и сделался ревностным послушником и духовным сыном своего родного брата. В монашестве он получил имя Антоний. Молодой подвижник усердно исполнял

различные послушания: был будильщиком братии, рубил дрова, трудился на огороде, переписывал творения святых отцов и ежедневно вместе с отцом Моисеем вычитывал всю церковную службу.

Со временем оба брата перешли в Оптину пустынь, где через несколько лет отец Антоний стал начальником скита и принял священный сан. Несмотря на высокую должность, он всем являл пример смиренного послушания и ни малейшего распорядка не делал без благословения своего старца и брата — преподобного Моисея, настоятеля Оптиной пустыни.

Кроме великих трудов преподобный Антоний нёс ещё крест тяжёлой болезни, которая причиняла ему жестокие страдания до самой кончины. Ноги его до колен были покрыты ранами и порой сильно истекали кровью. Многие, видя всегда светлое его лицо и слыша его оживлённую беседу, не понимали, какой страдалец находится перед ними.

Преподобный Антоний пробыл начальником скита четырнадцать лет, когда его назначили настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря. Ему было крайне тяжело расставаться с созданным его трудами уединённым Оптинским скитом, где его окружала всеобщая любовь, со своим братом, который был его старцем, но отец Антоний с искренним смирением принимал волю Божию и не роптал.

В Малоярославце он продолжал вести углублённую молитвенную жизнь и своим примером и словом тому же учил братию обители. Преподобный Антоний исправил многие недостатки, имевшие место в монастыре, завёл в нём такие же порядки, какие были в Оптинском скиту и таким образом поднял духовную жизнь обители на должную высоту. После почти пятнадцатилетнего настоятельства в Малоярославце преподобный по болезни был уволен на покой и вновь поселился в родном для него Оптинском скиту.

Несмотря на ухудшение здоровья, преподобный Антоний посещал все церковные службы и неукоснительно совершал келейное правило, посвящая свободное время чтению творений святых отцов. Он был неустанным молитвенником и строгим постником. Невзирая на любовь к уединению, старец никогда не отказывал приходящим к нему за духовной помощью и советом. Как духовник, преподобный Антоний, был снисходителен к человеческим немощам; успокаивая, а не обличая людей, он незаметно приводил их к искреннему покаянию.

От духовных детей преподобный Антоний получал много писем, на которые всегда отвечал сам, несмотря на болезнь. В них ясно отпечатались высокие душевные свойства любвеобильного старца. Преподобный Антоний обладал даром прозорливости и часто, не ожидая получения писем, писал в ответ утешения и наставления.

Кончина преподобного Моисея в 1862 году стала для отца Антония тяжёлой потерей. Сорок дней он провёл в затворе, читая Псалтирь по новопреставленному, затем прожил год в уединении и непрестанной молитве. Последнее время жизни преподобный Антоний перестал принимать мирских лиц, братию скита принимал изредка, погрузившись в непрестанную молитву.

Старец был соборован за 17 дней до кончины, когда телесные силы ещё не совсем оставили его. Приобщался же Святых Таин в последнее время ежедневно и пребывал в непрестанной молитве. В августе 1865 года наступил последний день жизни многострадального преподобного Антония. Вечером, во время всеобщего бдения, умирающий вдруг потребовал, чтобы к нему пригласили настоятеля. Как истинный послушник, он и в последний путь не хотел отправляться без настоятельского благословения. Исполняя беспрекословно волю умирающего, настоятель

преподобный Исаакий благословил его и простился с ним уже навеки.

Погребён преподобный Антоний в Казанском соборе Оптиной пустыни рядом с любимым братом и духовным отцом, преподобным Моисеем.

Опубликовано более трёхсот писем преподобного Антония и его воспоминания, содержащие много поучительных духовных наставлений. Приведём здесь только некоторые из них (заголовки – автора книги).

Значение молитвы в храме

Без видимой Святой Церкви не могло бы быть и Святых Тайн Христовых, без которых человек не может наследовать живота вечного. Молитвословие церковное толикую имеет силу и важность, что церковное едино «Господи, помилуй» превосходит все келейные духовные упражнения; и потому-то святые отцы, предстоя во святом храме, воображали, что они предстоят на Небеси пред Престолом Божиим!

Об отвержении своеволия

Проситься должно у игумении не настойчиво: если на первое слово скажет вам: «Бог благословит», тогда с благодарением грядите во имя Господне, а когда услышите: «Зачем?», тогда покоритесь в мирном духе и своей воли не ищите. Если же вынудить согласие настоятельницы, то неизбежно последует искушение.

Обетов и правил на себя не накладывайте никаких без одобрения отца духовного, с советом которого один поклон принесет вам более пользы, нежели тысяча поклонов свечинных.

Фарисей больше нашего и молился, и постился, но без смирения весь труд его был ничто, а посему ревнуйте

наиболее мытареву смирению, которое обычно рождается от послушания, и довлеет вам.

Если кто-то, надеясь на свой разум, думает не иметь нужды в руководителе, таковой вскоре заблудит от пути правого. Почему и должны мы со слезами молить Господа Бога, чтобы даровал нам наставника или наставницу незаблудную, ибо по гнилости недугов нужен и врач или лекарка опытная и благоискусная. Потому и должно хворому искать не столько обильную и покойную больницу, сколько врача искусного.

Как врачи медицинские, так и врачи духовные не одинаково поступают. Одни больному все позволяют и пить и есть, а другие велят строгую диету наблюдать; так и духовники: одни все прощают и разрешают, а другие за все истязуют и связуют, а цель у всех одна, чтоб исцелить.

Не мечтать, а молиться

Во всяком горе: и в болезни, и в скудости, и в тесноте, и в недоумении, и во всех неприятностях — лучше меньше думать и разговаривать с собою, а чаще с молитвою, хотя краткой, обращаться ко Христу Богу и к Пречистой Его Матери, чрез что и дух горького уныния отбежит, и сердце исполнится упования на Бога и радости.

Какие бы ни были огорчения, они подобны малейшей искре, т.е. если плонешь — потушишь. Если же эту малейшую искру будешь раздувать, то произойдет пламень и все доброе устроение в человеке истребит.

О смирении и кротости

Кротость и смирение сердца — такие добродетели, без которых не только Царства Небесного наследовать, но ни счастливым быть на земле, ни душевного спокойствия ощущать в себе невозможно.

Какое бы ни постигло тебя огорчение, какая бы ни случилась тебе неприятность, ты скажи: «Стерплю это я для Иисуса Христа!» Только скажи это, и тебе будет легче. Ибо имя Иисуса Христа сильно. При нём все неприятности утихают, бесы исчезают. Утихает и твоя досада, успокоится и твое малодушие, когда ты будешь повторять сладчайшее имя Его. «Господи, даждь ми зрети моя согрешения; Господи, даждь ми терпение, великодушие и кротость».

Ропота на Бога остерегаться нужно и бояться, как смерти, ибо Господь Бог, по великому милосердию Своему, все грехи наши долготерпеливо терпит, но ропотливости нашей не выносит милосердие Его.

В мирном духе

Не должно расслабевать, но дух свой разогреть то чтением духовным, то памятию вечности, то молитвою, хотя краткою, говоря ко Господу: «Рассеянный мой ум собери, Господи, и ожесточенное сердце мое страхом Твоим смири и помилуй мя!». Ибо мы без помощи Божией ничего не сильны сделать, даже и с мухами не сладим, не только с невидимыми врагами.

Когда пришло благое желание помолиться Богу и прочитать то и то, помолитесь и прочитайте покойным духом. Не исполнили желания по немощи, спокойным духом скажите: «Помилуй мя, Господи, яко немощна есмь». Не исполнили благие желания от лености и нерадения, опять спокойным духом скажите: «Господи, не вниди в суд с рабой твоей». Пришли дурные мысли, паки спокойным духом скажите: «Господи, избави мя от сих». Осердились на кого или осудили за что, паки тем же покойным духом обратитесь ко Господу и скажите: «Согреших, Господи, прости меня горделивую и нетерпеливую!» Вдруг, как туча, нашли тоска и отчаяние, паки ко Господу обратитесь. <...> И таким образом во всех случаях старайтесь сохранить сердце

свое в спокойствии от смущения, как от неприязненного духа.

О терпении болезней и скорбей

Посещают нас болезни и скорби. Это знак милости Божией к нам: *егоже бо любит Господь, наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет* (Евр. 12, 6), то и надобно благодарить Господа за Его отеческий о нас Промысел. Скорби нас вразумляют и искусными творят в делах наших, также и очищают от грехов, равно как и болезни.

Болезни телесные посылаются человеку от Бога не всегда за грех в наказание, но иногда и по благоволению для освобождения или для предохранения нас от недугов душевных, которые не в пример опаснее телесных.

Преподобный Лев Оптинский (Наголкин)

Преподобный Лев родился в 1768 году, происходил из купеческого сословия и более десяти лет успешно занимался торговлей. Но душа будущего святого старца томилась, ища истинного смысла жизни. Поэтому он ушёл в монастырь.

Первые годы своего монашества отец Лев провёл в Белобережской пустыни под руководством ученика преподобного Паисия (Величковского), опытного в духовной жизни схимонаха Феодора (Пользикова), который научил отца Льва непрестанной Иисусовой молитве. Хотя иеромонах Лев был настоятелем монастыря, он предал себя в полное духовное послушание отцу Феодору. Вскоре к ним присоединился ещё один старец иеромонах Клеопа (Антонов).

Несколько лет отец Лев пробыл настоятелем Белобережской пустыни, но потом отказался от этой должности и стал странствовать вместе со своим духовным наставником монахом Феодором и иеромонахом Клеопой.

Странствования его по разным монастырям и святым местам продолжались больше 15 лет, за это время отец Лев достиг великого смирения и обрёл высокие духовные дарования.

Наконец, в 1829 году преподобный Лев поселился в Оптиной пустыни и стал первым Оптинским старцем. К нему приходили за советом и молитвенной помощью десятки, а иногда сотни людей в течение одного дня. Среди них были монахи и мирские, генералы и простые крестьяне. Когда одного из крестьян спросили, знает ли он отца Льва, тот ответил: «Помилуйте, как нам его не знать? Да он для нас, бедных, неразумных, больше отца родного. Мы без него, почитай, сироты круглые».

Однажды приехал в Оптину пустынь благочинный из Белева, протоиерей Иоанн Глаголев, который любил и уважал отца Леонида и взаимно пользовался уважением старца. Придя к нему, отец Иоанн увидел его по обычаю окружённым крестьянками. «Охота вам, батюшка, возиться с бабами», — сказал он со свойственной ему простотой. «Что ж, отец Иоанн, и правда: это бы ваше дело, — ответил старец, — а скажите-ка, как вы их исповедуете? Два-три слова спросите, вот и вся исповедь. Но вы бы вошли в их положение, вникли бы в их обстоятельства, разобрали бы, что у них на душе, подали бы им полезный совет, утешили бы их в горе. Делаете ли вы это? Конечно, вам некогда долго с ними заниматься. Ну, а если и мы не будем их принимать, куда же они, бедные, пойдут со своим горем?» Пристыженный протоиерей сознался в необдуманности своих слов.

Благодаря дару прозорливости старец немало людей спас от разных бед и несчастий, вовремя предупредив об угрожающей опасности. Однажды он на три дня задержал у себя приехавших к нему купцов, а потом выяснилось, что всё это время их подстерегали, чтобы убить и украсть деньги, которые были у них с собой. Многих больных он

исцелил, помазав святым елеем из лампы, горевшей перед его келейной Владимирской иконой Божией Матери.

Своим добрым влиянием как на братию обители, которой он был старцем и духовником, так и на приходящих богомольцев, старец Лев много содействовал подъёму и благоустройству Оптиной пустыни как внутреннему, так и внешнему. Под сень обители из разных мест собиралось множество братии, искавших мудрого руководства в духовном подвиге. Зная духовную опытность и дарования старца Льва, настоятель Оптиной пустыни отец Моисей всех приходивших на жительство в обитель поручал старцу как духовному руководителю.

Но среди монашеской братии нашлись понимавшие и не принимавшие подвига отца Льва. Их возмущало, что многие насельники Оптиной пустыни ежедневно исповедовали старцу свои помыслы и старались во всём его слушаться. По наветам этих неразумных людей отцу Льву пришлось претерпеть немало скорбей.

Но большая часть монахов, в том числе настоятель Оптиной пустыни преподобный Моисей и его брат настоятель скита преподобный Антоний, глубоко почитали святого старца. Отец Моисей и сам ничего не предпринимал без его совета и благословения, и всех монахов поручил руководству святого Льва.

Жизнь старца была наполнена молитвой и попечением о братии и посетителях. Ежедневно вечером перед отходом ко сну в келье старца собирались скитяне для получения назидания, откровения помыслов, разъяснения возникших вопросов и недоумений. После чтения Священного Писания — а старец нередко сам читал Евангелие — он разъяснял смысл прочитанного. Келья батюшки была всегда переполнена, некоторые из братии, пришедшие с тяжёлых послушаний, сидели на полу, все благоговейно внимали словам старца.

Пищу он вкушал два раза в день, самую простую. Сон, включая краткий послеобеденный отдых, занимал не более трёх часов в сутки. Какими бы людскими толпами он ни был окружён, ум и сердце старца никогда не отлучались от Бога.

Своих чад старец стремился направить на борьбу со страстями, коренящимися глубоко в душе, понимая, что преодоление себялюбия, самомнения, других душевных пороков — гораздо более тяжёлое и важное дело, чем исполнение внешних подвигов, которые необходимы, но лишь как средство.

Старец Лев достиг христианского совершенства — сердечного мира, который не могли нарушить никакие скорби или неприятности. Никто никогда не видел святого возмущённым или раздражённым. В самые тяжёлые дни его жизни никто не слышал от него слова нетерпения или ропота, никто не видел его в унынии.

О том, как нелегко достаётся душевное спасение, старец нередко повторял поговорку: «Душу спасти — не лапоть сплести». Один из учеников спросил старца: «Батюшка, как вы приобрели такие духовные дарования, какие мы в вас видим?» Преподобный отвечал: «Живи проще, Бог и тебя не оставит и явит милость Свою».

Он не только сам был великим подвижником, чудотворцем и прозорливцем, но и воспитал таких же великих учеников — преподобных Макария и Амвросия, которые прославились не менее своего учителя. Старчество в Оптиной пустыни непрерывно продолжалось почти целое столетие до самого её закрытия при советской власти.

Преставился преподобный Оптинский старец Лев в 1841 году.

Приведём здесь некоторые из сохранившихся ответов преподобного Льва Оптинского на вопросы Алексея

Поликарповича Бочкова, в будущем Антония, игумена Черемнецкого монастыря.

**Что такое осуждение и почему отцы
применяют осуждающего к антихристу?**

Осуждение есть, когда ты, видя или зная грехи, или порок брата твоего, говоришь от сердца: «Он, по моему мнению, достоин или муки, или казни, или болезни». Тогда ты становишься якобы судия ближнего и хочешь воссесть на престол единого Судии — Христа; потому за гордое безумие твоё ты и применяешься ко антихристу. Ино есть злоречие и оглаголение, но это ещё не осуждение. Ино есть соблазн, когда невольно по естественному чувству душа соблазняется на постыдное дело или слово. Молчание отцов, занимавшихся внутренним деланием, не знало грехов ближнего, а видело только одно своё падение.

**Могу ли я на исповеди говорить
о согрешившем со мною в слове или в деле?**

Разве ты хочешь каяться за него? Если он не хочет сознаться в своем грехе, говори только о своём: согреших злословием или страстными разглагольствиями, или чем-либо от таковых.

**Могу ли я предложить брату принести
покаяние старцу в соделанном вместе
словесном грехе?**

(Старец улыбнулся) Слишком велико твоё рачение о спасении брата твоего. Думаю, что помолиться лучше, чтобы Господь Сам то ему внушил.

Изъяснение блудных помыслов

Отцы говорят, что подробное изъяснение блудных помыслов и дел напрасно, что довольно объяснять их кратким

общим словом, что воспоминание о них сквернит уста и помыслы. Так ли это?

Это так. Отцы были опытнее нас в душевных делах. Но каждому человеку различное правило. Иной старец может бесстрастно и безвредно выслушать твоё исповедание; да и ты, положим, можешь не очень страстно и с сокрушением исповедываться подробно, и ко смирению твоему посрамить себя: потому и подробное исповедание (хоть и редко) бывает на пользу. Но видно старцы знали великое милосердие Божие, не желающее крайнего пристыждения нашего; потому и заблагорассудили исповедание худых помыслов сократить. Иногда тебе диавол внушит их: и ты будешь являть не свои помыслы, а его навевание, и он поругается тебе во благом. Иногда и старец, не очень твёрдый, не вывееет скоро помыслы твои из уха своего сердечного.

**Поэтому злые и хульные помыслы на старца,
на его жизнь и слабости лучше умалчивать?**

Каков старец. Лучше умалчивать о подробностях помыслов, а сказать только вообще, что были хульные помыслы на вас. Диавол иногда хочет поругать и похулить твоими устами старца, а ты потетишь диавола, ставши его передатчиком. Если же старец опытен, то он, не злобясь, тебе это разъяснит; а если малосилен, то возмутится, особливо если такая брань твоя будет продолжительна. Старец может отринуть тебя за твою и свою неопытность. Обличение старца редко Господь попускает сделать младшему, хотя мы должны возлюбить обличающих нас.

**Как же узнать, какие помыслы собственно
наши, какие от противного?**

Мне сказывал один Коневский пустынный, что занимаясь немалое время умным вниманием, он не мог отличить свои

помыслы от вражеских. Враг, увлекая мысль твою на что-либо, не говорит тебе: «Иди, сделай то и то»; а как будто думает за тебя, и говорит тебе мыслию твоею: «Мне хочется сделать то и то; я полагаю, что это полезно, а это вредно; я решился на то и то». И всё это частенько не твои, а вражеские помыслы, прикрытые твоим или его я. Ты полагаешь, что это твои мысли; нет, ты только слушаешь вражеские внушения.

**Некоторые священники-богословы
требуют тончайшего исповедания,
для очищения души**

Оставим их, это их дело. А могут ли они свои правила выполнить, например, если исповедников у иного 500 в три часа?

Всем ли даётся умная молитва?

Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим. Следственно, источник молитвы у всякого есть; но отверзается он или постепенным углублением в себя, по учению отцев, или мгновенно Божиим сверлом.

**Некоторые, знаемые мною отцы имеют
великую любовь к Матери Божией,
и хвалятся тем; мне сомнительно в них
такое усердие**

Да! Кто выставляет на вид своё убожество, в тех сомнительно. Иногда мы хвалимся и нашими молениями, а между тем далеки от Царицы Небесной. Матерь Божию восхвалим Ея добродетелями — чистотою, смирением, а не нашим велехвалением.

**Какие книги святых отцов лучше читать:
Лествичника, Исаака Сирина или аввы
Варсанофия?**

Слова святых деяньми читай.

**Отчего я досадую на приходящих к вам,
на их глупости, на их невежество, хоть и знаю,
что многие пользуются вами?**

Оттого, что сердце твоё не сокрушено. Кто болит любовью к ближнему, тот мало замечает их глупости, а молит Господа со страхом, да внушится, что сказать ближнему на пользу, и дело совета исполняет благоговейно, яко дело Божие. Иногда и после молитвы не находишь ответа полезного: тут устыждаешься и окаяваешь самого себя. При таком чувстве собственного недостойнства — не до глупостей человеческих; готов всякому сказать: помолися обо мне, раб Божий.

Преподобный Макарий Оптинский

Преподобный Макарий Оптинский (в миру — Михаил Николаевич Иванов) родился в 1788 году в небогатой, благочестивой дворянской семье, в Орловской губернии. Жили они недалеко от монастыря и часто посещали богослужения. «Имея перед глазами тихую иноческую обитель, из которой ежедневно доносился звон колоколов, призывающий иноков к молитве, возрастал будущий инок и молитвенник, ещё тогда неведомый миру», — так описывал современник первые впечатления будущего старца.

В четырнадцать неполных лет он уже начал работать бухгалтером и отлично справлялся с этой ответственной должностью. После смерти отца юноша уехал в деревню, чтобы управлять своим небольшим поместьем. Управлял

он умело, но за большой прибылью не гнался, потому что не искал богатства, не мечтал о карьере, не обольщался миражами светского успеха.

Михаил любил молитву и чтение духовных книг, на досуге работал в столярной мастерской; отдыхал, играя на скрипке. К крестьянам он относился с любовью, никогда не обижал. Когда они как-то украли у него гречиху, вместо наказания будущий старец вразумлял их примерами из Священного Писания. Родные смеялись над юношей, но были поражены, когда мужики вдруг искренне покаялись и пали перед ним на колени.

Позднее преподобный Макарий напишет о своём понимании счастья: «Жизнь, проходимая с чистой совестью и со смирением, доставляет мир, спокойствие и истинное счастье. А богатство, честь, слава и высокое достоинство нередко бывают причиной многих грехов, и не доставляют счастья».

В молодости он думал жениться, но, побывав однажды в Площанской пустыни, так был пленён красотой монашества («все монахи показались ему земными ангелами»), что уже не захотел вернуться домой и остался в обители. Ему было тогда 22 года.

В Площанской пустыни будущий старец и настоятель Оптинского скита изучил церковный устав и нотное пение, помогал в письмоводстве. Но, главное, он обрёл там духовного наставника. Позднее, уже в Оптиной, преподобный Макарий напишет: «Достижение спасения точно состоит в приобретении руководителя и отсечении своей воли и разума».

В то время в Площанской пустыни подвизался ученик великого старца Паисия (Величковского) схимонах Афанасий (Захаров). Он и стал наставником Макария. Это был тот самый отец Афанасий, под влиянием которого в Москве находились старцы Новоспасского монастыря Филарет

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ
(ДРОЗДОВ)

ПРП. МАКАРИЙ
ОПТИНСКИЙ

АРХИЕП. ИУВЕНАЛИЙ
(ПОЛОВЦЕВ)

И. В.
КИРЕЕВСКИЙ

и Александр, а через них философ и писатель Иван Васильевич Киреевский и его супруга Наталия Петровна Киреевская, которые потом вместе со старцем Макарием работали над изданием переводов преподобного Паисия (Величковского).

У отца Афанасия было много святоотеческих книг, переведённых на церковнославянский язык старцем Паисием, и молодой послушник получил доступ к этим духовным сокровищам. Позднее они были изданы под его руководством в переводе с церковнославянского на русский.

После кончины отца Афанасия Макарий, к тому времени уже иеромонах, становится духовником Севского девичьего монастыря. Так началось его пастырское служение. В этом монастыре он однажды встретился с преподобным Львом, будущим Оптинским старцем, и между ними завязалась духовная переписка, старец Лев стал наставником отца Макария. А впоследствии, чтобы иметь возможность постоянно общаться с наставником, отец Макарий перешёл в скит Оптиной пустыни.

Преподобный Лев вёл там старческое окормление братии и принимал всех страждущих, немощных и больных, многим из которых помогал избавиться от духовных, а зачастую и от телесных болезней. Хотя он считал отца Макария духовным другом, но, уступая его смиренным просьбам, обращался с ним, как с учеником. Преподобный Макарий был рядом с преподобным Львом до самой его смерти. Отец Макарий полностью вверял ему свою волю, не дерзая предпринимать что-либо без благословения старца.

Семь лет преподобные отцы Лев и Макарий руководили духовной жизнью братии и многих сотен людей. Вместе они воспитали великого Оптинского старца Амвросия. По сравнению с отцом Львом, отец Макарий был более мягкого склада души и исключительно скромным. Духовные чада говорили о святом Макарии: «Он, как Бог, всех

покрывал любовью. И сила этой любви настолько привлекала к нему наши сердца, что мы готовы были не отходить от него, чтобы всегда наслаждаться светлым его лицезрением и сладкою беседою богоглаголивых уст его».

Господь даровал преподобному Макарию дар духовного рассуждения. Каждому приходящему к нему на откровение своей совести он подавал полезное именно этому человеку врачевство. Его смиренное слово было с духовной властью, оно заставляло неверующего верить и повиноваться Истине. Лицо старца было светло от Иисусовой молитвы, постоянно им творимой, оно сияло духовной радостью и любовью к ближнему.

Известен такой случай: к преподобному Макарию привели одного бесноватого, который ничего ранее о старце не знал и никогда его не видел. Бесноватый бросился к приближающемуся старцу с криком: «Макарий идёт, Макарий идёт!» и ударил его по щеке. Преподобный тут же подставил другую щёку, а больной рухнул на пол без чувств. Очнулся он исцелённым. Бес не смог перенести великого смирения старца.

Письма от монашествующих и мирских людей не сходили с его стола. Окончив утреннее молитвенное правило, преподобный начинал писать ответы, но двери кельи были открыты и для всех приходящих; кроме того, время от времени возвещали, что просят его выйти к воротам скита для беседы. Старец выходил и, возвратившись, опять принимался за перо. Письма его, теперь уже многократно переизданные, заключают в себе наставления в спасительном пути, утешение в скорбях и решение недоумений в самых разных духовных вопросах.

20 лет провёл преподобный Макарий в своей скромной келье, где были приёмная и маленькая спальня. В спальне мебель состояла из узенькой койки, письменного стола, аккуратно покрытого стопками писем для ответа, духовными

журналами и святоотеческими книгами, и креслом с подушкой. В красном углу среди икон был особо чтимый Владимирский образ Божией Матери с неугасимой лампадой и вместо аналоя для совершения правила – деревянный шкафчик с Евангелием и другими книгами. Стены были увешаны видами монастырей и портретами подвижников.

После беседы с преподобным Макарием люди обновлялись. Помазывая их маслом из своей неугасимой лампады, он приносил великую пользу больным. Исцеления были нередкими. Особенно часто исцелялись бесноватые.

Но самому старцу этот подвиг давался очень тяжело. Измученный многочасовым общением со страждущими, едва переводя дыхание, возвращался он вечером в свою келью. Не раз, особенно в последние годы своей жизни, старец помышлял, как бы уклониться ему от множества народа. Не раз, чувствуя крайнее изнеможение и упадок физических сил, решался он вовсе прекратить свою умножающуюся год от года духовную переписку. Но, по примеру своего старца преподобного Льва, побеждаемый любовью к ближним, а более всего по смирению, не посмел он сам сойти с креста, на который возвела его хриstopодражательная любовь.

Кроме того, преподобный Макарий руководил работой нескольких учёных и литераторов (монахов и мирских), которые переводили, обрабатывали и перекладывали на русский литературный язык писания величайших аскетов древности: Исаака Сирина, Макария Великого, Иоанна Лествичника и других. Под влиянием преподобного Макария возникла целая школа издателей и переводчиков духовной литературы, в которой так нуждалась православная Россия, укрепились связи между Оптинским старчеством и русской интеллигенцией. Среди духовных друзей и почитателей старца Макария был и великий святитель митрополит Московский и Коломенский Филарет.

Время своего преставления старец предузнал заранее. За неделю до кончины его соборовали. Уже на смертном одре он прощался с близкими, раздавал свои вещи, наставлял. Народ стекался хоть через окно посмотреть на него. Около полуночи старец позвал к себе духовника и после получасовой беседы с ним попросил читать отходную. «Слава Тебе, Царю мой и Боже мой! — восклицал старец при чтении отходной. — Матерь Божия, помоги мне!» Ночь была очень тяжёлой, в 6 часов утра, накануне праздника Рождества Богородицы, в 1860 году он приобщился Святых Христовых Таин в полном сознании и умилении, а через час великий старец Макарий тихо и безболезненно отошёл ко Господу в Чертог Небесный.

Эпистолярное наследие преподобного Макария Оптинского огромно — сотни, зачастую многостраничных, писем духовного содержания! Мы приводим здесь в качестве иллюстрации только несколько фрагментов из них (заголовки — автора книги).

О духовной борьбе

Супостат наш и враг диавол непрестанно, *яко лев рыкающий и ищущий кого поглотити* (см. 1 Петр. 5, 8), сопротивляется благу нашему произволению, употребляет против нас свою брань и привлекает к страстям; когда же не успеет сего, то вводит во мнение о своих добродетелях, и, просто сказать, десными и шуими ратует война Христова. Несносное для него оружие — смирение, о котором всемерно должны иметь мы попечение, как при исправлениях, так и при немощах душевных.

Вы, изъясняя свои язвы, упоминаете и об осуждении ближних, и приписываете оное гордыне. Сие неоспоримо; но и другие грехи, и особенно гнев, есть порождение сей богоненавистой страсти.

Духовные дары подаются смиренным

Вы смущаетесь, не находя в себе высоких чувств любви и умиления при молитве. Сии и подобные чувства суть дарования, или награда, даемая от Господа достойным и смиренным. Но мы видим из примеров, что многие, получая дарования и наслаждаясь оными довольно, потом пали чрез возношение, или, и того опаснее, обольстясь своим исправлением, или святостию, помрачились в уме, и пребыли неисцельными в таковой прелести. Возношение же так тонко подкрадывается, что и заметить трудно. Святой Иоанн Лествичник в 26-й степени пишет, что: «по особенному Божию смотрению, за священные подвиги и труды получают награды: некоторые при начатии подвигов, другие в прохождении оных, иные при окончании, а некоторые при самой смерти. Спрашивается, кто из них смиреннее?» Явно, что те, кои скорее удостаиваются дарования; но другим дать оное не вовремя, послужило бы не на пользу, но на гибель.

О пользе чтения деятельных отеческих книг

Занимайтесь чтением отеческих книг, но более деятельных, ибо при вашем устроении умозрительные могут принести больше вреда, нежели пользы; а из оных (из деятельных) вы познавать будете свою немощь и смирать своё сердце, на которое призывает Бог и посылает Свою помощь к исполнению воли Его. А то хотя весь разум Писания будете иметь, но с самомнением никакой пользы не обряцете.

Читать и не выполнять лучше, чем не читать

Чтение отеческих книг очень нужно и полезно к познанию воли Божией; ибо отцы, читая Слово Божие, в Святом Писании нам преданное, исполнили оное и прошли деятельною жизнью, оставя нам пример в своих учениях. Не читая оных, не знаете образа жизни и борьбы, и думая, что

читая сам Слово Божие, могу оное исполнять и не смиряется; а читая, познаете путь, тщитесь к исполнению, но, не достигая мер их, познаёте свою немощь и смиряетесь, и получаете милость Божию, которая особенно на смиренных простирается. О чём в Отечнике пишется так: «Брат вопроши старца, глаголя: что сотворю, яко чту писания отец и не творю? Отвеща старец: чтя словеса отеческия и не творя, смиряется и получает милость Божию, а не чтя не смиряется и не получает милости Божией». Посему не малая польза читать деятельные их учения.

В смущении нет покаяния

Смущаться отнюдь не должно, ибо во оном нет чувства покаяния и смирения, а более вид гордости. Вы хотите быть бесстрастным, или, просто сказать, совершенным, и не быть ни чем должным Богу; но при нашем хилом устроении не попускает сего Бог, дабы более не осудиться за гордость. Ему приятнее грешник с покаянием, нежели праведник с гордостью. И сие, что вам хочется исполнять свои обязанности лучше других, есть дело гордости; от того ни уменья, ни сил не достаёт. Пишет святой Петр Дамаскин: «Не есть зло иметь разум, но зло думать, что имеем оный»; также и о делах: «Не есть грех желать и делать хорошо, но думать о сем, что я лучше других делаю — грех есть».

Иеросхимонах Феодот (Кольцов)

Иеросхимонах Феодот (в миру — Феодот Захарьевич Кольцов) поступил в Оптину пустынь в 1834 году и вполне отдался руководству сначала иеросхимонаха Льва, а потом иеросхимонаха Макария. В 1841 году он был пострижен в монашество с именем Филарет и назначен сборщиком

пожертвований; потом рукоположен в иеродиакона, а в 1849 году – в иеромонаха.

Много лет отец Филарет ревностно проходил трудное послушание сборщика, но, опасаясь, что постоянное общение с миром может повредить его душе, он в 1851 году перешёл в Гефсиманский скит при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Здесь, по благословению святителя Филарета Московского, полюбившего простодушного старца, он был пострижен в схиму и в 1853 году назначен духовником всего братства.

Прожив лет семь в скиту, отец Феодот (в схиме он вновь получил это имя) пожелал совершенного безмолвия и по благословению наместника лавры преподобного Антония (Медведева) удалился с двумя другими иеросхимонахами в глубину леса, за 5 вёрст от Гефсиманского скита, где они построили себе кельи поодаль друг от друга. Здесь отец Феодот предался безмолвию и иноческим трудам.

Но недолго наслаждался старец пустынным покоем. Благодетельный московский почётный гражданин Королёв построил неподалёку двухэтажный каменный храм во имя Святого Духа Утешителя (по-гречески – Параклита) и святого Иоанна Предтечи. В скором времени там собралось человек до тридцати братии, и устроилось общежитие под ведением Лавры. Пустынь была названа Параклитовой, а начальником её назначили иеросхимонаха Феодота.

Он пробыл в этой должности около 4 лет и попросился обратно в Оптину пустынь, желая лечь в могилу рядом со своими святыми старцами, иеросхимонахами Львом и Макарием, и в 1863 году был с любовью принят оптинским настоятелем и братией.

Доживая в Оптиной пустыни свой век, отец Феодот подавал всем назидательный пример усердием к молитве и церковному богослужению, смирением, простотой, ис-

кренностью и нестяжательностью. Иеросхимонах Феодот почил мирной христианской кончиной в 1873 году.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИЛАРИОН ОПТИНСКИЙ (ПОНОМАРЁВ)

Оптинский старец преподобный Иларион (в миру – Родион Никитич Пономарёв) родился в 1805 году в почтенной и богобоязненной семье сельского портного.

Он рос тихим и молчаливым, сосредоточенным мальчиком, с явной устремлённостью к созерцанию и углублению в свой внутренний мир. Следование заповедям Господним уже с младенческих лет стало для него непреложным законом.

Став взрослым, Родион Никитич, подобно отцу, сам возглавил портновскую артель, причём на своих рабочих он смотрел, как на родных детей, за которых надо будет дать отчёт Богу. Он и материально содержал их хорошо, и строго наблюдал за их нравственностью. С юных лет воспитанный в страхе Божиим, искренне преданный православной Церкви и строго соблюдавший её уставы, он завёл порядок, что в воскресные и праздничные дни вся артель непременно бывала в церкви на всенощной и литургии.

Кроме того, при помощи знакомого дьячка он обучал своих рабочих церковному пению, и за работой они вместо светских песен пели песни духовные. Во всех своих действиях Родион отличался чрезвычайной мягкостью, кротостью и миролюбием, а на рабочих действовал не угрозами или наказаниями, но добрыми увещаниями, благотворно влиявшими на их нравственность.

В Саратове, где он тогда жил, было очень много разных сектантов и раскольников. Будущий Оптинский старец

возгорелся ревностью о спасении заблудших душ и стал вести с ними беседы о вере, основываясь на Слове Божиим и на изъяснениях онога святыми отцами. Так возникло целое миссионерское братство, через которое возвратились в Святую Православную Церковь многие отпавшие от неё люди.

Прошло девять лет. «Хотя мы и богоугодно старались жить, — вспоминал он в Оптиной пустыни, — и, казалось, будто и делами благочестивыми занимались, но чувствовалось мне, что мы всё ещё не так живём, как бы следовало, что монахи лучше нас живут».

Наконец, Родион Никитич решился оставить мир, пришёл в Оптину пустынь и стал искренним послушником великих старцев Льва и Макария. Со временем он принял монашеский постриг с именем Иларион и священный сан.

Двадцать лет отец Иларион был келейником преподобного Макария, и постоянное тесное общение со старцем, отсечение перед ним своей воли привело подвижника к подлинному спасительному смирению. После блаженной кончины старца Макария, отца Илариона назначили начальником скита и духовником всей Оптиной пустыни.

И по управлению, и по духовничеству преподобный Иларион старался поддерживать те порядки, которые были заведены его почившим старцем. По воспоминаниям братии, его наставления были кратки, ясны, просты и имели силу убедительности, потому что он сам первый исполнял то, что советовал.

Преподобный Иларион имел от Бога благодатный дар исцеления душевных болезней. Различные причины их старец распознавал не только через беседы со страждущими, но и по дару прозорливости.

Кроме братии обители и множества мирян, духовным руководством старца Илариона и его наставлениями

пользовались многие насельницы женских монастырей. Старец вёл с ними переписку, отвечая не только на вопросы духовной жизни сестёр, но и вдумчиво рассматривая самые различные житейские обстоятельства, искушения, нужды.

Преподобный Иларион отошёл ко Господу в 1873 году. Когда приблизилась кончина старца, ему явился во сне преподобный Макарий и сказал: «А я вот к тебе, Иларион, заехал... Я к тебе ещё буду, заеду за тобой». После этого отец Иларион прожил ещё несколько недель, мужественно терпя тяжкую болезнь и ежедневно причащаясь Святых Христовых Тайн. При этом, несмотря на болезненную слабость, бессонницу, постоянную одышку, переходившую по ночам в удушье, на чрезвычайные боли, появлявшиеся в последние дни, старец до последнего дня своей жизни ни разу не оставил исполнения положенных в Скиту молитвенных правил.

ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ (ГРЕНКОВ)

Великий оптинский старец Амвросий родился в Тамбовской губернии в 1812 году в семье церковнослужителя, и при Крещении был назван Александром. В детстве он был очень весёлым и бойким мальчиком, так что за постоянные шалости будущего великого святого часто приходилось наказывать.

Учился же Александр очень хорошо и закончил Духовную семинарию с отличием. Когда ему было 23 года, Александр тяжело заболел и, находясь при смерти, дал обещание Богу, если выздоровеет, стать монахом.

И Бог даровал ему исцеление, но ещё четыре года Александр не решался порвать с миром, терпя при этом муки

совести за неисполненный обет. Наконец в 1839 году, по совету преподобного старца Илариона Троекуровского, он решился и, всё оставив, даже никого не предупредив, удалился в Оптиную пустынь, где стал подвизаться под руководством великих старцев Льва и Макария. В монашестве он был назван Амвросием.

Молодой инок усердно исполнял всё, что ему поручали старшие, много молился, смирялся перед всей братией монастыря, но более всего преуспевал в беспрекословном послушании своим духовным наставникам. Именно это привело его в короткий срок в такую меру, что он стал сначала помощником, а затем и преемником своих старцев.

Кроме того, духовному возрастанию отца Амвросия очень способствовало безропотное несение тяжёлых недугов в течение почти 50 лет. Он заболел в 34-летнем возрасте по дороге из Оптиной в Калугу, где его рукоположили в священный сан, и с тех пор, почти не переставая, терпел тяжкие болезни до самой своей блаженной кончины.

Плодом подвигов послушания, терпения и смирения иеромонаха Амвросия явились необычайные духовные дарования прозорливости и чудотворения в соединении с великой духовной рассудительностью. Поэтому все, кто с верой обращался к нему за советом и слушался, получали пользу; те же, кто вообще жили под его духовным руководством, сами быстро преуспевали.

Он имел огромное духовное влияние не только на братию монастыря, но и на посторонних людей всякого звания и положения, состояния и образования, начиная от бедной и тёмной крестьянки и оканчивая митрополитами, великими князьями, сенаторами, писателями и философами, приходившими к нему искать совета и утешения в трудных и сложных вопросах внутренней и внешней жизни. Никто

не уходил от него, не получив необходимой помощи и нравственной поддержки.

Слава о прозорливом, мудром, любвеобильном наставнике, имеющем к тому же дар исцеления болезней, разнеслась по всей России, и к благодатному старцу стали обращаться тысячи людей. При своей крайней немощи и болезненности, приковывавшей его почти всегда к постели, он с утра и до поздней ночи с небольшим перерывом для обеда и краткого отдыха принимал посетителей, и эта его деятельность продолжалась непрерывно в течение целых 30 лет. Все свои силы отец Амвросий отдавал ближним, и так до последней минуты. Он сам о себе пророчески сказал: «Вот целый век свой я всё на народе — так и умру». Он, действительно, преставился окружённый людьми.

В последние 10 лет своей жизни преподобный Амвросий возложил на себя ещё новую заботу — о содержании и благоустройстве многолюдной женской Шамординской общины, основанной им в 12 верстах от Оптиной пустыни, в которой кроме сотен сестёр, большею частью не имевших никаких личных средств, а иногда и совершенно больных и престарелых, содержались детский приют, школа, богадельня на 60 престарелых женщин и больница.

При помощи преданных духовных детей старец не только содержал эту огромную обитель, но и устроил в ней величественный храм и трапезную, редкие по своей красоте. Среди такого многолюдства и таких забот старец не прекращал заниматься книжным издательством, да ещё вёл огромную переписку. Когда в 1891 году преподобный Амвросий скончался, все почувствовали, что рухнула огромная нравственная опора для великого множества обездоленных и несчастных людей, и непритворны были великая скорбь и громкие рыдания, которыми сопровождалось его погребение.

Сразу же после кончины старца начались чудеса, в которых он, как и при жизни, исцелял, наставлял, призывал к покаянию. Продолжаются они и поныне.

Сохранилось в записях много простых, но глубоких по содержанию высказываний старца Амвросия, часто в шутовой форме. Вот некоторые из них (заголовки – автора книги):

О любви

Любовь покрывает всё. И если кто делает ближним добро по влечению сердца, а не движимый только долгом или корыстью, то такому дьявол мешать не может.

Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь её иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твоё желание и старание и вложит в сердце твоё любовь.

Святой Иоанн Златоуст говорит: «Начни отдавать немущим, что тебе не нужно, что у тебя валяется, потом будешь в состоянии давать больше и даже с лишением себя, и, наконец, уже готов будешь отдать и всё, что имеешь».

Не согрешили, потому что не вышло

Если мы не совершили преступлений, какие совершили другие, то это может быть потому, что не имели к тому случая, обстановка и обстоятельства были другие. Во всяком человеке есть что-нибудь хорошее и доброе, мы же обыкновенно видим в людях только пороки, а хорошего ничего не видим.

Бог помогает смириться

Ещё рассказывал старец, как иногда нечаянно обстоятельства смиряют человека: «Раз кто-то устроил у себя обед и разослал своих слуг приглашать гостей. Один из приглашенных и спрашивает присланного к нему неаккуратного

слугу: «Неужели у твоего господина получше тебя никого не нашлось послать ко мне?» На это посланный отвечал: «Хороших-то по хорошим разослали, а меня послали к вашей милости».

Правило осталось мытарёво

Говорил и ещё старец Амвросий в назидание своим ученикам о смирении: «Пришёл было к настоятелю отцу архимандриту Моисею один посетитель, но не застал его дома, он отправился к его родному брату отцу игумену Антонию. Среди разговора гость и спросил отца игумена: «Скажите, батюшка, какого вы держитесь правила?» Отец Антоний отвечал: «Много было у меня правил: жил я в пустыне и по монастырям, и всё разные были правила, а теперь осталось одно мытарёво: «Боже, милостив буди мне грешному».

Всем моё почтение

«Как жить?» — слышался старцем со всех сторон общий и весьма важный вопрос. По своему обыкновению он отвечал в шутовском тоне: «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем моё почтение».

Святая простота

Живи просто, и будет ангелов со сто. А где мудрено — нет ни одного.

О духовном пути

Три степени для спасения. Сказано у святителя Иоанна Златоуста: а) не грешить; б) согрешивши, каяться; в) кто плохо кается, тому терпеть находящие скорби.

Стремись к совершенству в смирении

На вопрос, можно ли желать совершенствования в жизни духовной? Старец отвечает: «Не только можно желать, но

и должно стараться совершенствоваться в смирении, то есть в том, чтобы считать себя в чувстве сердца хуже и ниже всех людей и всякой твари. Человеку грешнику естественно и необходимо смиряться. Если же он не смирится, то смирят его обстоятельства, промыслительно устрояемые к его душевной пользе. В счастье он обыкновенно забывается и всё приписывает себе, своей бессильной силе и мнимой власти, но лишь посетит его какое-либо несчастье, просит пощады и у воображаемого врага.

Жить, как колесо

Мы должны жить на земле так, как колесо вертится: чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремиться вверх; а мы как заляжем на землю, так и встать не можем.

Бог-то Бог, да и сам не будь плох

Чтобы люди не оставались в беспечности и не возлагали всю свою надежду на постороннюю молитвенную помощь, старец повторял обычную народную пословицу: «Боже-то поможи, да и сам мужик не лежи». Одна из посетительниц сказала: «Батюшка! Через кого же нам просить, как не через вас?» Старец ответил: «И сама проси; ты вспомни, — двенадцать апостолов просили Спасителя за жену хананеянку, но Он не услышал их; а сама стала просить, упростила».

Дай Богу сердце, а не ноги

Что Бог главнее всего смотрит на внутреннее молитвенное настроение души человека, об этом старец говорил: «Пришёл как-то к упомянутому выше отцу игумену Антонию один больной ногами и говорит: “Батюшка, у меня ноги болят, не могу класть поклоны, и это меня смущает”. Отец Антоний ответил ему: “Да уж в Писании сказано: Сыне, даждь ми сердце, а не ноги”».

Между страхом и надеждой

Пока христианин живёт на земле, спасение его, по слову преподобного Петра Дамаскина, находится между страхом и надеждой, а люди всё ищут полного удовлетворения на земле, и притом от места и от людей, тогда как Сам Господь глаголет в Евангелии: «В мире скорбны будете». Слова эти ясно показывают, что в каком бы месте христианин ни жил, без какой-либо скорби быть не может. Только одно успокоение — в исполнении заповедей Евангельских, как сказано в псалмах: «Мир многий любящим закон Твой, и нет им соблазна».

Отчего человек бывает плох?

Отчего человек бывает плох? — От того, что забывает, что над ним Бог.

Наши кресты не случайны

Креста для человека, то есть очистительных страданий душевных и телесных, Бог не творит. И как ни тяжок бывает у иного человека крест, который несёт он в жизни, а всё же дерево, из которого он сделан, всегда вырастает на почве его сердца.

Свобода не отнимается

Нигде Господь не хочет неволею понуждать человека, а везде представляет благому нашему произволению, и по собственной воле люди бывают или добры, или злы. Поэтому напрасно будем обвинять, что будто бы живущие с нами и окружающие нас мешают и препятствуют нашему спасению или совершенству духовному. Самуил жил и воспитывался у Илии священника, при развратных его сыновьях, и сохранил себя, и был великим пророком. Ева и в раю преступила заповедь Божию. А Иуду и трёхлетняя жизнь пред лицом Самого Спасителя не сделала лучшим, когда

он видел столько чудес, постоянно слышал Евангельскую проповедь, а сделался ещё худшим, продал Учителя своего и Избавителя мира за тридцать сребреников.

Об унынии и лени

Скука — унынию внука, а лени дочь. Чтобы отогнать её прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись, тогда и скука пройдёт, и усердие придёт. А если к сему терпения и смирения прибавишь, то от многих зол себя избавишь.

О терпении

«Батюшка, научите меня терпению», — сказала одна сестра. «Учись, — ответил старец, — и начинай с терпения находящихся и встречающихся неприятностей». — «Не могу понять, как можно не возмущаться обидами и несправедливостями». Ответ старца: «Будь сама справедлива и не обижай никого».

Добрых дел никто не даст

Если кто-либо из братии, по малодушию и нетерпеливости, скорбел о том, что его не скоро представляют к мантии, или к иеродиаконству и иеромонашеству, старец имел обыкновение так говорить в назидание: «Это, брат, всё придёт в своё время, — всё дадут; добрых дел никто не даст».

Шрамы от грехов

«Бывает, — так говорил батюшка — что хотя грехи наши через покаяние и прощаются нам, но совесть всё не перестаёт упрекать нас. Покойный старец отец Макарий для сравнения показывал иногда свой палец, который давно когда-то был порезан; боль давно прошла, а шрам остался. Так точно и после прощения грехов остаются шрамы, то есть упрёки совести».

КАЗАНСКАЯ СВЯТО-АМВРОСИЕВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ПУСТЫНЬ В ШАМОРДИНЕ

Недалеко от прославленной Оптиной пустыни, в селе Старое Шамордино расположена Казанская Свято-Амвросиевская женская пустынь. Она основана в 1884 году преподобным Амвросием Оптинским по завещанию его духовной дочери монахини Амвросии (Ключарёвой) и на её средства.

Ещё при жизни призревая престарелых вдов и сирот-девиц, желающих посвятить себя служению Богу, монахиня Амвросия завещала устроить женскую общину с богадельней в принадлежавшем ей имении Шамордино. Поэтому при монастыре были открыты детские ясли, приют и начальная школа, в которой сёстры занимались с детьми чтением, письмом и Законом Божиим.

С отеческой заботой о спасении душ старец направлял в общину бедных вдов, сирот, убогих и иных обездоленных женщин, не имевших средств поступить ни в какую другую обитель. Имя старца Амвросия привлекло в Шамордино сестёр со всех концов России, из всех классов общества. Пришли сюда и молодые курсистки, искавшие и находившие у старца указание смысла жизни; пришли богатые и знатные помещицы, отдававшие свои материальные средства на созидание обители. Были здесь и любительницы благочестия из купеческого звания, принимавшие иногда тайный постриг ещё до своего поступления в монастырь. И особенно много было простых крестьянок.

Первой настоятельницей и помощницей преподобного Амвросия в устройении обители была схимонахиня София (Болотова), всё делавшая строго по его указанию. Устройство обители, все её порядки были установлены самим старцем. Ни одно строительство, ни одно дело не начиналось без его благословения. И конечно самое большое внимание

преподобный Амвросий и матушка София уделяли духовной жизни сестёр, уча их строгому, искреннему послушанию и молитвенному деланию.

Схиархимандрит Агапит (Беловидов)

Схиархимандрит Агапит (в миру – Андрей Иванович Беловидов) родился в 1842 году в семье священнослужителя. После окончания Тамбовской духовной семинарии в 1865 году он поступил в Оптину пустынь и ещё послушником был привлечён преподобным Макарием к переводу святоотеческих творений. В скиту послушник Андрей стал письмоводителем и учеником преподобного Амвросия, исполнял клиросное послушание, канонарил в Предтеченском храме. В 1872 году он был пострижен в мантию с именем Агапит, а в 1876 году – рукоположен в иеромонаха.

Позже отец Агапит был назначен настоятелем Покровского Доброго монастыря, затем Мещевского Георгиевского монастыря, но в 1897 году по состоянию здоровья ушёл на покой в Оптинский Иоанно-Предтеченский скит. Основным занятием архимандрита Агапита в скиту стали духовно-литературные труды. Его перу принадлежит первое подробное «Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия» в 2-х частях, а также «Житие молдавского старца Паисия (Величковского)» и «Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария».

Духовным окормлением отца Агапита пользовались все последние преподобные Оптинские старцы: Варсонофий, Анатолий младший, Нектарий и Никон. Когда в 1912 году преподобного Варсонофия перевели в Старо-Голутвин монастырь, старшая братия хотела выбрать отца Агапита братским духовником, но тот наотрез отказался.

В 1907 году из-за болезни ног архимандрит Агапит перешёл из скита в монастырскую больницу, куда к нему продолжали приходить за духовной поддержкой и советами братия монастыря и другие его духовные чада. Под конец жизни отец Агапит временами стал впадать в лёгкое слабоумие, хотя в периоды просветления сохранял прозорливость и духовную высоту. Преподобный Нектарий Оптинский говорил, что это было попущено ему за уклонение от общественного служения (отец Агапит отказался не только от должности братского духовника, но и от предлагавшегося ему архиерейства).

Схиархимандрит Агапит скончался в 1922 году в возрасте 59 лет и был погребён за алтарём Введенского собора Оптиной пустыни.

Иеромонах Платон (Покровский)

Иеромонах Платон (в миру — Павел Покровский) был родным дядей схиархимандрита Агапита (Беловидова) и близким другом преподобного Амвросия Оптинского ещё в студенческие годы. Они вместе ездили за советами к преподобному Илариону Троекуровскому и в ТроицеСергиеву Лавру. По окончании Тамбовской духовной семинарии Павел Покровский преподавал в Липецком духовном училище и долгое время не только сам не принимал монашества, но и монашество отца Амвросия не одобрял, хотя и не раз приезжал в Оптину навестить друга.

Но в 1850 году Павел сам поступил послушником в Оптину пустынь, в 1858 году он принял монашество с именем Платон, а в 1863 году был рукоположен в иеромонаха. Отец Платон нёс послушания на клиросе и в монастырской канцелярии, делал переводы на русский язык вероучительной

литературы, писал и свои собственные сочинения, отличался строгостью жизни.

В 1881 году он стал духовником обители, а впоследствии – и самого старца Амвросия, которого искренне почитал. Отец Платон, бывало, рассказывал как назидательна и умилительна бывала исповедь преподобного: «Стоя на коленях, с глубоким смирением и слезами исповедовал он самые незначительные грехи свои, и сам я не мог без слёз смотреть на плачущего старца».

Иеромонах Платон (Покровский) преставился ко Господу в 1889 году.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСААКИЙ ОПТИНСКИЙ (АНТИМОНОВ)

Преподобный Исаакий (в миру – Иван Иванович Антимонов) родился в 1810 году в Курске, в богатой купеческой семье, пользовавшейся неизменным уважением горожан за безупречную честность и строгий христианский уклад жизни. Один день в неделю в семье Антимоновых был всегда посвящён раздаче милостыни.

Мальчик был скромен и добр, молчалив и сдержан, но не угрюм, не был чужд шутке, остроумен и прост в общении. Иван помогал отцу в торговых делах, пел на клиросе и в выходные дни собирал певчих дома для спевков. Ежедневно делал тысячу поклонов, старался не есть мяса даже в скоромные дни. Отец несколько раз предлагал ему вступить в брак, но сватовство не было успешным.

Иван несколько раз паломником посещал Оптину пустынь (там жил его старший брат) и общался со старцами Львом, Макарием и Моисеем. Преподобный Лев предсказал Ивану принятие монашества, а старец Макарий поддерживал с ним переписку и приглашал поступить в монастырь.

Наконец на 37-м году жизни, приняв твёрдое решение, Исаакий покинул отчий дом и поступил в скит Оптиной пустыни, где предал свою волю в послушание преподобным старцам Макарию, а затем Амвросию. Со временем он был пострижен в монашество и рукоположен в священный сан.

Неукоснительно выполнял отец Исаакий положенное всякому монаху молитвенное правило и ревностно относился к борьбе со своими страстями, не давая себе поблажек ни в чём. Он был усерден к умному деланию молитвы Иисусовой, никогда без особой нужды не пропускал монастырских богослужений и всегда ограничивал себя в еде и отдыхе. Но с собратьями-монахами преподобный Исаакий неизменно оставался скромным, искренним и открытым.

После кончины настоятеля Оптиной пустыни старца Моисея, преподобный Исаакий стал его преемником. Он был истинным последователем той традиции старчества, которая отличала уклад Оптиной от большинства других монастырей, — строгого послушания всей братии своим старцам-духовникам. Преподобный настоятель и сам не предпринимал без благословения старца никаких новых монастырских дел.

Мир и согласие, царившие в обители, свидетельствовали о благотворном влиянии, которое имело старчество на братию, насаждая в иноках добродетели любви и послушания. Преподобный Исаакий сам показывал пример благоговейного отношения к старцу — не стеснялся при всех исповедоваться перед преподобным Амвросием, стоя на коленях, как простой послушник.

В последние годы жизни преподобного Исаакия многие скорби выпали на его долю, и здоровье его стало заметно слабеть. Перед кончиной он дал последнее наставление братии: «Любите Бога и ближних, любите Церковь Божию; в службе церковной, в молитве ищите благ не земных,

а небесных; здесь, в этой святой обители, где вы положили начало иноческой жизни, и оканчивайте дни свои». Скончался отец Исаакий в глубокой старости в 1894 году.

Иеромонах Климент (Зедергольм)

Иеромонах Климент (в миру — Константин Карлович Зедергольм) родился в 1830 году в Москве, в семье главного Московского лютеранского пастора, доктора философии, глубоко преданного лютеранскому учению. Он блестяще окончил филологический факультет Московского университета и готовился к профессорскому званию. Свободно владел, кроме родных ему русского и немецкого, французским, английским, латинским и греческим языками.

Рождённый и воспитанный в лютеранстве, он в 1853 году по собственному желанию присоединён был к Православной Церкви в скиту Оптиной пустыни. Восприемником его был преподобный Макарий. После этого Константин Карлович несколько лет прослужил при обер-прокуроре Святейшего Синода, графе Александре Петровиче Толстом, чиновником особых поручений, ездил по церковным делам на Восток, был на Афоне и в Иерусалиме.

В 1862 году, 32 лет от роду, Константин Карлович, по влечению сердца своего, поступил в Оптинский скит. В монашестве он получил имя Климент, а со временем был рукоположен в священный сан.

Главными послушаниями его стали письмоводительство у старца Амвросия и перевод на русский язык святоотеческих книг. В частности, он перевёл «Поучения преподобного аввы Дорофея» и «Двенадцать слов преподобного Симеона Нового Богослова»; исправил русский перевод «Лествицы», снабдив её новыми примечаниями; составил жизнеописания Оптинских старцев Льва

и Антония; написал книгу о жизни и трудах преподобного Никодима Святогорца и много других книг и статей.

Отец Климент отличался ревностью к православию, благочестию и к учёным трудам, любовью к Отечеству, точностью в исполнении церковного устава и правил монашеского жития и особенной детской преданностью к старцу Амвросию.

Бывало, расстроится чем-нибудь отец Климент, что случалось нередко, придёт к батюшке, запрётся с ним наедине и долго-долго изливает перед старцем скорбь своей души плаксивым голосом, звуки которого вылетали из уединённой кельи. Слышен был также и голос любвеобильного старца, убеждающего, умиротворяющего и успокаивающего возмущённую душу отца Климента.

Нередко отец Климент, по своей чрезмерной ревности к порядку и при своём вспыльчивом характере, оскорблял некоторых из скитских братьев, но у него была прекрасная черта — он сразу же шёл к оскорблённому брату просить у него прощения, иногда даже с земным поклоном. Отец Климент всячески старался, при помощи Божией, по указаниям великого старца Амвросия исправлять себя и направлять жизнь свою по евангельским заповедям.

В особенности не любил отец Климент судить и осуждать людей, а также и слушать пересуды. Находясь за чайным столом со своим келейником, он имел обыкновение во время чаепития беседовать с ним о разных предметах. Но если келейник по неосторожности начинал осуждать людей, отец Климент прерывал беседу и начинал или молча ходить по комнате, или что-нибудь делать и переставал даже глядеть на него.

Приняв православие, отец Климент имел большую заботу о том, как привлечь к истинной вере близких его сердцу родных. И вот при его содействии, а главное, при помощи Божией первым присоединился к православию его

младший брат, Максим Карлович, который после того неоднократно посещал Оптинских старцев и своего брата отца Климента и даже подолгу гостил в скиту. Присоединилась к Православию и мать отца Климента, получив при этом имя Елена. Но отец и два других брата до конца остались лютеранами, о чём иеромонах Климент горько скорбел.

К концу семидесятых годов отец Климент стал недомогать, лечившие его врачи не смогли вовремя определить, чем он болеет, и в 1878 году, в Неделю святых жен-мироносиц, отец Климент (Зедергольм) по окончании Божественной литургии, причастившись в последний раз Пречистых и Животворящих Таин Христовых, мирно почил о Господе, оставив по себе добрую память и сожаление в сердцах многих любящих его людей.

МОНАХ КЛИМЕНТ (ЛЕОНТЬЕВ)

Замечательный православный мыслитель и литератор Константин Николаевич Леонтьев (в монашестве — Климент) родился в 1831 году в Калужской губернии, в дворянской семье. Он окончил медицинский факультет Московского Университета, добровольцем принимал участие в Крымской войне в качестве батальонного лекаря, по окончании войны работал домашним врачом, а с 1860 года начал профессиональную деятельность писателя и публициста.

В 1863 году Леонтьев поступил на службу в Министерство иностранных дел и получил назначение секретарём русского консульства на остров Крит. Действовал он весьма успешно, и после нескольких повышений по службе его уже готовили к должности генерального консула в Богемии. Однако блестящая дипломатическая карьера была

прервана происшедшим в 1871 году событием, которое имело определяющее значение для последующей жизни Константина Николаевича Леонтьева.

В июле того года он внезапно заболел холерой. И когда смерть казалась уже неминуемой, он внезапно увидел икону Божией Матери, которую ему подарили афонские монахи. Константин Николаевич пообещал перед ней, что в случае выздоровления примет монашество. Через два часа он почувствовал облегчение.

Сразу после того, как болезнь отступила, Леонтьев отправился верхом через горы на Афон, где и прожил до августа 1872 года. Константин Николаевич собирался сразу исполнить своё обещание и стать монахом, но афонские духовники отговорили его от такого поспешного шага. Ещё два года Леонтьев провёл в интенсивных литературных трудах, написав несколько больших важных статей.

В августе 1874 года Константин Николаевич совершил первую поездку в Оптину пустынь, где встретился со старцем Амвросием, к которому имел письмо от афонских монахов, и познакомился с отцом Климентом (Зедергольмом). В ноябре 1874 года Леонтьев стал послушником Николо-Угрешского монастыря под Москвой.

Но уже в мае 1875 года Леонтьев возвратился в мир. Он опять стал много писать, в ноябре 1880 года поступил на службу в Московский цензурный комитет и служил в должности цензора шесть лет.

Наконец, осенью 1887 года Леонтьев переехал в Оптину пустынь, где снял у ограды монастыря двухэтажный дом и поселился в нём. Годы, проведённые в Оптиной пустыни, были самыми мирными и покойными в его жизни и весьма плодотворными в смысле литературной деятельности. Здесь его духовником и руководителем был отец Климент (Зедергольм). После кончины отца Климента Леонтьев составил о нём прекрасную монографию.

Лишившись друга и духовника, Константин Николаевич стал духовным сыном непосредственно старца Амвросия, который в 1891 году постриг его в монашество с именем Климент и отправил на жительство в Троице-Сергиеву Лавру, зная, что ему, уже пожилому интеллигентному человеку, не по силам было бы подвизаться в Оптиной пустыни в качестве рядового оптинского монаха, выполняя все возложенные послушания.

Прощаясь с отцом Климентом, старец Амвросий сказал ему: «Мы скоро увидимся». Так и произошло: старец скончался в октябре 1891 года, а в ноябре того же года последовал за ним его постриженник монах Климент (Леонтьев). Он умер от воспаления лёгких и был похоронен в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры близ храма Черниговской иконы Божией Матери.

Игумен Феодосий (Попов)

Игумен Феодосий (в миру – Феодор Афанасьевич Попов), из купцов города Балашова Саратовской губернии, был тем самым мальчиком, который слышал и много позднее записал обращённое к детям слово епископа Саратовского Иакова (Вечеркова) о молитве (этим словом начинается наша книга).

Феодор с детства имел горячую веру в Бога и усердие к молитве, но довольно долго его духовная жизнь проходила в больших колебаниях между молитвенными взлётами и душевными падениями.

Около 35 лет от роду он все же поступил в монастырь и со временем стал игуменом. Сменив несколько мест служения, отец Феодосий в конце концов поселился в скиту Оптиной пустыни, где пользовался наставлениями преподобного Амвросия Оптинского. Там он прожил больше

9 лет, любил и часто служил Божественную литургию, был добрым и благожелательным монахом.

Смерть пришла к отцу Феодосию неожиданно. Дня за три или за четыре перед кончиной он служил; и это было последним напутствием его в жизнь вечную. Затем отец Феодосий вдруг тяжело заболел и мирно скончался в 80 лет. Это случилось в конце 1903 года.

ПРЕПОДОБНЫЙ АНАТОЛИЙ ОПТИНСКИЙ (ЗЕРЦАЛОВ)

Преподобный Анатолий (в миру — Алексей Зерцалов) родился в семье сельского диакона и воспитывался в строгости и благочестии. Родители хотели видеть сына иноком, он и сам с юности помышлял об этом, но окончательное решение далось ему чудесным образом.

После окончания семинарии Алексей заболел туберкулёзом, в то время неизлечимой болезнью, и дал Богу обет: в случае выздоровления поступить в монашескую обитель. Бог даровал ему исцеление, и юноша твёрдо решил удалиться в Оптину пустынь.

Родители благословили Алексея на иноческий путь, и великий Оптинский старец Макарий сказал его матери: «Благословенна ты, добрая женщина, на такой хороший путь отпустила сына!» С этого дня преподобный Макарий стал руководить духовной жизнью молодого послушника, приблизил его к себе и сам обучал Иисусовой молитве. Алексей любил уходить далеко в лес и молиться там в уединении.

После кончины отца Макария юноша стал обращаться за духовными советами к преподобному Амвросию Оптинскому и оказался одним из наиболее выдающихся его

учеников. Позднее он принял монашеский постриг с именем Анатолий и был рукоположен в священника.

Руководствуясь на пути ко спасению у великих старцев, преподобный Анатолий и сам пришёл в высокую духовную меру, приобретя дар непрестанной сердечной Иисусовой молитвы. Видя это, преподобный Амвросий посылал отца Анатолия в монастырскую гостиницу утешать скорбящих. А когда прозорливый старец увидел, что ученик созрел для того, чтобы наставлять других в духовном делании, то стал постепенно вводить его в старческий труд, готовя себе ближайшего сотрудника и помощника. И действительно, со временем (после кончины преподобного Илариона) иеромонах Анатолий стал настоятелем Оптинского скита.

То, что преподобный Амвросий по монастырской должности оказался у своего ученика в подчинении, никак не сказалось на их взаимоотношениях. Когда к старцу Амвросию обращались по делам скита, он отсылал всех к отцу Анатолию, своему начальнику, как он его и называл. А отец Анатолий своих духовных чад по всем важным вопросам отправлял за советом к отцу Амвросию. Старец Амвросий в таких случаях всегда спрашивал: «А что сказал Анатолий?» И всегда учитывал мнение отца Анатолия. Таким образом, между двумя старцами царило единодушие и любовь.

Поэтому именно преподобному Анатолию поручил старец Амвросий окормление Шамординской женской обители. Преподобный Амвросий не раз говорил сёстрам: «Я за вас спокоен – вы с отцом Анатолием».

Кроме того, по благословию отца Амвросия преподобный Анатолий духовно окормлял монахинь из многих епархий: Калужской, Московской, Смоленской, Тульской, Орловской, Курской. Будучи благодатным молитвенником, пройдя сам путём умного делания молитвы Иисусовой, он

вёл по этому пути и духовных чад. О великой силе молитвы старца Анатолия свидетельствовал сам преподобный Амвросий: «Ему такая дана молитва и благодать, какая единому из тысячи даётся».

Преподобный Анатолий имел необыкновенно милостивый, сострадательный характер. Если он узнавал о чьём-нибудь горе, то так переживал, что у него начиналась сильная головная боль. А потом начинало болеть и сердце. Сильно подорвала здоровье отца Анатолия смерть его любимого наставника и сподвижника, преподобного Амвросия. После этого преподобный Анатолий прожил только три года и почил смертью праведника в 1894 году.

Старец Анатолий обладал великими дарами Святого Духа: даром прозорливости и духовного рассуждения, исцеления душевных и телесных недугов. Опубликовано около четырёхсот писем преподобного Анатолия монашествующим, вот только некоторые из множества содержащихся в них советов (заголовки — автора книги).

Любящий не обременяется любимым

С чего это ты взяла, что я буду обременяться твоими письмами, или, как пишешь ты, «затруднять своими грехами»? Не я, а Сам Сын Божий говорит: «Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние»... Зачем же мне удаляться от согрешающих, но кающихся; не отвратится ли и Господь от меня, если я оставлю кого? Оставь же вперёд это неразумное сомнение; пиши всё, всегда приму с участием сердечным. Об этом я уже, кажется, писал тебе прежде.

Болезнь с благодарением выше подвига

А сёстры тебя напрасно укоряют, что ты без послушания: твоё послушание самое дорогое и самое лёгкое: принимай

укоризны, как достойная их, а за укоряющих моли Бога. Об этом-то достославном послушании говорил апостол Павел в посланиях: «Послушлив был даже до смерти — смерти же крестныя: тем же и Бог его превознесе». Это послушание тем ещё дороже, что не видно для других, и гораздо ближе других послушаний стоит ко смирению. А что ты не ходишь к утрени, ленишься, не имеешь ни смирения, ни терпения, — за всё это нужно укорять себя и окаывать. Да еще благодарить Господа, что Он не дал бодливой корове рогов! А то вишь ты, как мудрствуешь: «Я ничего не делаю — чем спасусь?» Да разве нас могут спасти наши ничтожные добродетели? Разве не помнишь слова Божия: «Вся правда человека пред Богом есть рубище жены нечистыя». Ищи-ка лучше милости у Владыки нашего, а не платы за труды. И спасёшься скорее, чем неразумные труженики.

Сказываю по секрету, сказываю тебе самое лучшее средство обрести смирение. Это вот что: всякую боль, которая колет гордое сердце, потерпеть. И ждать день и ночь милости от Всемилостивого Спаса. Кто так ждёт, непременно получит.

Не подсчитывай труды и добродетели

Что ты все квасишься, это по-мирски нехорошо, а по духовному украшению — монисты дорогие на шею. А нам с тобою ещё и врачевание от душевных недугов и охранение от многого неподобающего. За всё благодари Бога, и за то, что читаешь сёстрам молитвы и сподобилась этим служить им, но не хорошо думать, что это тебе вменится. Нам вменится великая жертва, принесённая сладчайшим Иисусом на кресте Вечной Правде, а у нас нет ничего хорошего. Делай по силе и не цени сама своих заслуг, и не считай добродетелей, а зри и счисляй свои немощи и грехи, и Господь тебя не оставит никогда...

**Искать платы, хоть и душевной, —
лишиться блаженства в вечности**

С платою покоем или деньгами все прислуги мирян служат: даже часто добиваются послужить, и не добьются... а мы-то монахи, тоже ищем платы, благодарности, любви?.. Ну, а если тебе начнут платить всем этим с избытком, а в своё время скажут: восприял еси благая в животе твоём?..

Всё терпи — будешь и сама мирна, и другим доставишь мир! А начнёшь считаться — мир потеряешь, а с ним и спасение.

**Мир — в мертвенной плоти,
а не в здоровом теле**

Не думай, что мир обитает в здоровом теле: там жабы и пиявцы. Нет, мир обитает лишь в мертвенной плоти нашей. И этот-то есть истинный мир, мир Иисусов, мир, всяк ум превосходящий. И потому не дивись, если я любящий тебя, не печалуюсь, слыша, что ты недугуешь и страдаешь от сестры.

**Не можешь быть в храме по болезни —
молись Иисусовой молитвой**

Пишешь не без скорби, что сидишь, как заключённая в келье, тогда как другие идут в церковь. Значит, ты, матушка, забываешь о моём желании и напоминании, чтоб ты как можно больше держала устную молитву Иисусову. И особенно когда остаёшься одна. Это самое дорогое время укоренять её в памяти. А ты значит умом блуждаешь — вот и делается скучно. А молитва Иисусова веселит сердце...

Кто от каких скорбей изнывает, а мы с тобою, сестра, несём скорби собственного сочинения. Нам всё хочется на клирос, а Господу всё хочется, чтобы мы смирились и походили бы на Него Смиренного и Кроткого, и понесли бы подобно Ему скорби, хотя и не такие, какие Он нёс за наши

грехи, а маленькие и в тысячную долю, а мы и совсем не хотим Божьего, а чтоб непременно было — хоть хуже — да наше. А Господь-то нигде не сказал, что Он любит певиц хороших, да здоровых девиц. А кого же любит? Кротких! «На кого воззрю? — говорит Он: — токмо на смиренного и кроткого и трепещущаго словес Моих».

Обучение молитве требует времени

Что ты нетерпелива, за это себя укоряй, но не смущайся. Ты пришла в монастырь учиться, и учишься терпению, смирению и прочим добродетелям, украшающим венец монашества. Кто учится мастерству какому-нибудь, то неужели сразу возьмёт шило, дратвы, или там топор, кисть и сделает тотчас сапог, шкаф, картину? Если этого не может быть в действительности, то как же ты хочешь сразу научиться науке наук? Ибо монашество выше всяких наук, оно учит небесному Ангельскому жительству.

Стало быть, и здесь, как в мастерских, человек грешный, поступающий в монастырь для приготовления себя к вечной жизни, не делается сразу святым, а прежде многожды погрешает, портит начатое дело и за это получает от близких, особенно от высших себя, укоризны или наказания. Так и живёт, учась и смиряя себя. И возрастает потом незаметно в меру возраста исполнения Христова. Говорю незаметно, ибо если кто станет примечать за собою, что он преуспел, то уж это плохо, и погибель монаха близка.

А молитву Иисусову творить привыкнуть скоро нельзя. Ты только старайся не забывать о Боге и кайся в забвении и развлечении...

В молитве нужен навык

Знаю, что без привычки звать Его постоянно трудно, и очень трудно! Да кто ж от тебя требует, чтобы ты неустанно твердила сию молитву. Делай по силе, делай со смирением

и самоукорением, и привыкнешь, и полюбишь её так, что и насильно не оторвут от неё. Потому что она сладка и радостотворна. «Помянух Бога и возвеселихся».

Благодари за оскорбления

Правда, мне жаль, что ты болишь, но вместе и не жалею духом, зная наверно, что твои скорби — для тебя сокровище вечное... Что касается NN, то ты её никогда не должна забывать на молитвах. Это великая твоя благодетельница, безмездная истинная лекарка. И смотри, как она безкорыстна; врачи и аптекари требуют целых рублей, чтобы помочь тебе в болезнях твоих; да и то пожалуй — деньги возьмут, а помощи не подадут; а эта не берет ни копейки, а между тем исцеляет от застарелых душевных недугов, от проказы неисцельной — от грехов наших. Будь же терпелива; к NN — снисходительна; к Богу — благодарна; и верую, что примешь сторицею в сей век, и тысячами тысяч крат — в век будущий, бесконечный, вечный.

Не требуй любви

Мы обязаны всех любить, но чтоб нас любили, мы не смеем требовать.

Смиренного примет Господь

Смиримся, и Господь покроет, и будем святы. А пока не смиримся и не умилоостивим Бога — хоть лоб об пол поклонами разбей, страсти не умялятся.

За всё благодари

Будем принимать всё от руки Божией. Утешит — поблагодарим. И не утешит — поблагодарим.

Как быть лучше всех?

Считай себя хуже всех, и будешь лучше всех.

Как войти в рай?

Весь секрет в том, чтобы терпеть, что Бог посылает. И не увидишь, как в рай войдёшь.

Духовные сезоны

Без зимы не было бы весны, без весны не было бы и лета. Так и в жизни духовной: немножко утешения, а затем немножко поскорбеть — и составляется так помалу путь спасения.

Преподобный Иосиф Оптинский (Литовкин)

Преподобный Иосиф Оптинский (в миру — Иван Ефимович Литовкин) родился в 1837 году в доброй и благочестивой крестьянской семье, отец его был сельским головой и пользовался всеобщим уважением. Мать была строгой, но справедливой и милостивой. Родители постоянно благодарили беднякам, любили принимать в свой дом странников и всегда жертвовали на храмы Божии. Отец нередко высказывал желание, чтобы кто-нибудь из его детей посвятил себя Господу.

Родители приучили всех своих детей (а их было шестеро: три сына и три дочери) всегда ходить в храм, молиться и читать жития святых и другие духовные книги. Иоанн, будущий старец Иосиф, уже в раннем детстве был необыкновенно добрым и милостивым, своей нежной и чуткой душой умел чувствовать чужое горе и всегда старался утешить и приласкать страждущего человека.

Когда Иоанн был ещё мальчиком, ему было видение Божией Матери, после которого отрок стал уклоняться от детских игр, и в его детском сердце загорелась живая вера и любовь к Царице Небесной. Вскоре после этого видения

в селе случился пожар. Огонь грозил перекинуться на новый, только что отстроенный дом Литовкиных. Маленький Ваня с молитвой обратился к Божией Матери — стал кричать: «Царица Небесная! Оставь нам наш домик!» И дом остался стоять невредимым среди пожара, а кругом всё сгорело.

В одиннадцать лет Иоанн остался круглым сиротой, и ему пришлось испытать крайнюю нужду. Отроку довелось работать и в трактире, и в бакалейной лавке, таскать пятипудовые мешки, сопровождать обозы с товаром.

Бог посылал своему избраннику тяжкие испытания: на него нападали воры, приходилось порой и голодать, его били, однажды он чуть не утонул. Но Иоанн всегда оставался твёрд духом, потому что верил в покров над собой Божией Матери. И постоянной спутницей и утешительницей его была молитва.

Двадцати четырёх лет от роду Иоанн решил оставить мир и пришёл в Оптину пустынь, где со временем был пострижен в монашество с именем Иосиф и рукоположен в священный сан. Много лет он нёс послушание келейника у преподобного Амвросия. Тихий и серьёзный, выходил отец Иосиф к посетителям, внимательно выслушивал, в точности передавал ответ старца, ничего не добавляя от себя. Но всё чаще старец отсылал посетителей спросить совета у келейника. Старец Амвросий говорил о нём своим духовным детям: «Я вас поил вином с водою, а Иосиф будет поить вас чистым вином».

Имеется множество свидетельств о его даре прозорливости и об исцелениях по молитвам преподобного Иосифа. Он ни с кем не вёл длинных бесед, умея в нескольких словах выразить самое главное, наставить и утешить.

В хибарке старца отец Иосиф прожил пятьдесят лет: тридцать лет рядом с преподобным Амвросием и двадцать лет после его смерти, когда отец Иосиф уже сам стал

старцем. После блаженной кончины преподобного Анатолия (Зерцалова) отец Иосиф был назначен начальником Оптинского скита и духовником монастырской братии.

Несмотря на слабое здоровье и большие труды, он не позволял себе никаких послаблений: был строгим постником, очень мало спал, носил старую и бедную одежду. Преподобный Иосиф Оптинский мирно преставился ко Господу в 1911 году.

Сохранились сотни, как правило, кратких писем преподобного Иосифа, и в них — тоже краткие, духовные наставления. Вот несколько фрагментов из них (заголовки — автора книги).

Совесть как будильник

Совесть человека похожа на будильник. Если будильник позвонил, и зная, что надо идти на послушание, сейчас же встанешь, то и после всегда будешь его слышать, а если сразу не встанешь несколько дней подряд, говоря: «Полежу ещё немножко», то в конце концов просыпаться от звона его не будешь.

Епитимья, которая на пользу всем

За опущение и неисполнение правил монашеских положи на себя епитимию вот эту: никого не осуждай, всех прощай и считай себя худшею всех на свете в душе своей. Вот этим пополнятся все опущения монашеских правил и загладится множество грехов. Эта лёгкая епитимья всем на пользу.

Помыслы во время молитвы

То, что во время молитвенное смущают вас помыслы, откуда что взять, это просто искушение от врага. Не поддавайтесь этим помыслам, тем паче что среди молитвы ничего дельного не придумаешь. Говорите себе мысленно: „Господь нам помогал и всегда будет помогать». Затем

ограждайтесь крестным знаменем и со вниманием творите Иисусову молитву.

Награждают – не смущайтесь

Смущаетесь касательно предстоящей вам награды – не смущайтесь. Наш покойный старец батюшка отец Амвросий всем и каждому давал такой совет: «Куда ведут – иди, что дают – бери». А потому, если дадут – примите, ничтоже сумняся, успокаивая себя той мыслию, что вы не искали и не домогались сей награды. Значит, такова воля Божия.

Не всякое лыко в строку

Пишете ещё, что некоторые сёстры самочинствуют. Например, живописицы берут заказы без вашего ведома. Но ведь как же, в самом деле, быть? Если вы иногда в отлучке, заказчики не будут вас дожидать. Нужно бы вам за отсутствием вашим поручить какой-либо матери одной принимать заказы и чтобы она по прибытии вашем в монастырь тотчас доводила до сведения вашего, если случится заказ. Но если кто малую незаметную работу сработает в свою пользу, а уличить нельзя, то уж делать нечего – так и оставьте. Есть и пословица: «Не всякое лыко в строку». А говорить всё-таки сёстрам надо, чтобы не самочинствовали, чтобы берегли свою совесть.

АРХИЕПИСКОП ВИЛЕНСКИЙ И ЛИТОВСКИЙ ИУВЕНАЛИЙ (ПОЛОВЦЕВ)

Архиепископ Иувеналий (в миру – Иван Андреевич Половцев) родился в 1826 году в Санкт-Петербургской губернии, в многодетной семье статского советника (в те времена – гражданский чин выше армейского полковника). Иван

учился в Санкт-Петербурге в кадетском корпусе, потом — в артиллерийском училище и получил офицерское звание. При этом он с юности отличался глубокой религиозностью, что, по свидетельству племянника, вызывало насмешки однокурсников и сослуживцев.

Двадцати лет от роду Иван во время болезни дал обет принять монашество и советовался об этом со святителем Игнатием (Брянчаниновым), в то время ещё архимандритом, который сказал ему: «Если хотите настоящего монашества, то ступайте в Оптину пустынь, в скит к старцу Макарию. Но сперва заезжайте туда светским человеком, познакомьтесь со старцами, а потом уж выходите в отставку».

В том же году Половцев посетил Оптину пустынь, общался с преподобным Макарием и в 1847 году поступил в Оптинский скит. Вскоре послушник Иоанн стал ближайшим учеником, письмоводителем и помощником старца Макария, особенно в деле издания святоотеческой литературы. По книжным делам ему приходилось встречаться со многими замечательными людьми. После одной из таких встреч святитель Филарет Московский отметил его «широкую образованность и твёрдое монашеское устроение». В 1855 году послушник Иоанн был пострижен в монашество с именем Иувеналий, а в 1857 году рукоположен в священный сан.

В Оптиной пустыни отец Иувеналий под руководством старца Макария переводил и готовил к печати аскетическую литературу, в том числе сличал различные переводы «Лествицы» преподобного Иоанна и «Душеполезных поучений и посланий» преподобного аввы Дорофея. При непосредственном участии отца Иувеналия были подготовлены и изданы труды многих преподобных отцов, в том числе переведённые с греческого старцем Паисием (Величковским).

Но вскоре отца Иувеналия назначили в Русскую духовную миссию в Иерусалиме. Это служение продлилось до 1861 года. Затем было несколько перемещений в разные монастыри: обратно в Оптину, потом — настоятелем в Глинскую пустынь, настоятелем — в Курскую Коренную пустынь, наместником — в Александро-Невскую лавру и наконец — возвращение в Оптину пустынь на покой по болезни в 1871 году.

Здесь он вместе с преподобным Анатолием (Зерцаловым) продолжал заниматься переводами писаний святых отцов с греческого языка. Сам он также написал несколько сочинений духовного содержания. Среди наставников и друзей отца Иувеналия тех лет был старец и духовный писатель архимандрит Агапит (Беловидов), который за пять лет до возведения отца Иувеналия в епископы увидел его сияющим, в архиерейском саккосе и омофоре.

В 1884 году архимандрит Иувеналий был назначен наместником Киево-Печерской лавры, а в 1892 году — рукоположен в епископа. Сначала служил викарием в Нижегородской епархии, через год стал правящим архиереем в Курской и Белгородской епархии, а в 1898 году был назначен архиепископом Виленским и Литовским, и везде, куда ни направлял Бог владыку Иувеналия, служение его было ревностным и успешным.

При этом он во всю свою сознательную жизнь — с юности и до старости — был строгим постником и аскетом. Во время предсмертной болезни, в 1903 году епископ Ювеналий составил духовное завещание, в котором испросил прощение у ближних, повелел все архиерейские облачения, митры, посохи и панагии передать в ризницу архиерейской Крестовой церкви, а книги — в семинарскую библиотеку и в Березвечский монастырь в Белоруссии. Скончался архиепископ Иувеналий в 1904 году, причастившись в день кончины Святых Христовых Тайн.

АРХИМАНДРИТ ЛЕОНИД (КАВЕЛИН)

Наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Леонид (в миру – Лев Александрович Кавелин) родился в 1822 году в семье дворян Калужской губернии. По окончании 1-го Московского кадетского корпуса он 12 лет прослужил офицером в лейб-гвардии Волынском полку. Уже тогда в нём ясно обозначилось духовное настроение, определившее всё последующее содержание его жизни: религиозность и склонность к научно-литературным занятиям. Во время учёбы и военной службы Львом Александровичем было опубликовано несколько статей.

Молодой офицер много времени уделял изучению Священного Писания и творений отцов церкви, размышлял о духовной жизни. Он часто посещал Оптину пустынь, в нескольких верстах от которой находилось имение его отца. Беседы со старцами иеросхимонахами Львом и Макарием, а также с часто проживавшим в Оптиной пустыни философом Иваном Васильевичем Киреевским постепенно привели его к решению оставить военную службу. В 1852 году он вышел в отставку с чином капитана и поступил в Оптину пустынь в число послушников.

В это время он занялся изучением истории монашества. Плодом такого изучения стали его книги «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни» и «Житие и писание Молдавского старца Паисия (Величковского)». Затем Лев Александрович при близком участии поступившего почти одновременно с ним в Оптину пустынь отца Иувеналия (Половцева) подготовил и издал ещё 6 книг творений святых отцов на церковнославянском и русском языках, в том числе переведённые преподобным Паисием (Величковским).

Пройдя иноческий искус под руководством строгих подвижников благочестия и старцев, Лев Александрович

ПРП. АНТОНИЙ
(МЕДВЕДЕВ)

МИТР. ПЛАТОН
(ЛЕВШИН)

АРХИМ. ЛЕОНИД
(КАВЕЛИН)

ГЕФСИМАНСКИЙ
СКИТ

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА

в 1857 году постригся в монашество с наречением имени Леонид и в том же году был посвящён в иеромонаха. В 1860 году на руках отца Леонида умер его руководитель в монашеской жизни преподобный Макарий, и отец Леонид не только кратко описал «Последние дни Оптинского старца иеросхимонаха Макария» в журнальной статье, но и составил подробное «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптинской пустыни иеросхимонаха Макария». В 1876 году им было опубликовано «Жизнеописание Оптинского старца Леонида, в схиме Льва».

Отцу Леониду (Кавелину) пришлось много потрудиться для Церкви на различных должностях. Наконец в 1877 году его назначили наместником Троице-Сергиевой лавры после кончины преподобного архимандрита Антония (Медведева), занимавшего этот пост в течение сорока шести лет, который пользовался всеобщим уважением у церковных людей и был духовным отцом святителя Филарета Московского.

Несмотря на многочисленные и сложные труды по должности наместника, архимандрит Леонид всё же не оставлял и литературных занятий. Работая большею частью по ночам, он в этот последний период своей жизни написал ещё несколько научных работ. Скончался архимандрит Леонид (Кавелин) в 1891 году.

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАРСОНОФИЙ ОПТИНСКИЙ (ПЛИХАНКОВ)

Преподобный Варсонофий (в миру Павел Иванович Плиханков) родился в 1845 году в Самаре. Отец его происходил из казаков, занимался торговлей и был очень богат. Все члены семьи Плиханковых были благочестивыми и глубоко верующими людьми, много помогали бедным

и жертвовали на Церковь. Мать будущего старца скончалась при родах, после этого отец женился вторично, и в лице мачехи Господь послал младенцу глубоко верующую, добрую наставницу, которая заменила ему родную мать.

Позднее старец Варсонофий вспоминал: «Любила мама (так называл он мачеху) и дома молиться. Читает, бывало, акафист, а я распеваю тоненьким голоском на всю квартиру: “Пресвятая Богородице, спаси нас!”» Пяти лет он стал прислуживать в алтаре и нередко слышал, как люди предсказывали: «Быть тебе священником!»

Знаменательный случай произошёл с Павлом, когда ему было около шести лет. Он сам вспоминал позднее: «Был я в саду с отцом. Вдруг по аллейке идёт странник. И дивно, как он мог попасть в сад, когда сад окружён большими собаками, которые без лая никого не пропускают. Тихо подошёл странник к отцу и, показывая на меня ручкой, говорит: “Помни, отец, это дитя в своё время будет таскать души из ада!” И после этих слов он вышел. Потом мы его нигде не могли найти. И Бог его знает, что это был за странник».

Ещё вспоминал старец о времени учёбы в гимназии: «Воспитанники обыкновенно вставали в шесть часов, а я вставал в пять часов, уходил в аллею и, стоя между берёз, молился. И тогда я молился так, как никогда уже более не молился: то была чистая молитва невинного отрока. Я думаю, что там я себе и выпросил, вымолил у Бога монашество».

Затем была учёба в Оренбургском военном училище, штабные офицерские курсы в Петербурге. Постепенно Павел Иванович дослужился до звания полковника. Все уговаривали его жениться, он и сам был не против, но всё никак не складывалось. Наконец, однажды Павел Иванович, собираясь на торжественный званый обед, загадал себе, что, с кем ему придётся рядом сидеть, с тем он и вступит в пространный разговор на тему женитьбы. Но рядом с ним

на обеде оказался священник, отличавшийся высокой духовной жизнью, который завёл беседу о молитве Иисусовой. После этого у Павла Ивановича созрело твёрдое решение посвятить себя Богу.

Через некоторое время он приехал в Оптину пустынь, чтобы попросить наставления у старца Амвросия. Тот принял его очень приветливо, но посоветовал провести ещё некоторое время в миру. В это время ожидания с Павлом Ивановичем произошло чудо, совершенно его преобразившее.

Однажды во время тяжёлой болезни он увидел открытыми небеса и весь содрогнулся, от великого страха и света. Вся жизнь пронеслась мгновенно перед ним. Глубоко проникнут был Павел Иванович сознанием покаяния за всю свою жизнь и услышал голос свыше, повелевающий ему идти в Оптину пустынь. У него открылось духовное зрение. По словам преподобного Нектария Оптинского, «из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божию, он стал старцем».

Приехав в Оптину, Павел Иванович застал преподобного Амвросия лежащим в гробу в церкви. Но он не остался без духовного руководства, наставниками нового послушника стали преподобные Иосиф (Литовкин) и Анатолий (Зерцалов) — ученики старца Амвросия и сами богомудрые старцы. Со временем Павел Иванович был пострижен в монашество с именем Варсонофий и рукоположен в священный сан.

Во время Русско-японской войны отец Варсонофий был отправлен на фронт, в лазарет имени преподобного Серафима Саровского, чтобы исповедовать, причащать, соборовать раненых и умирающих солдат. Он и сам неоднократно подвергался смертельной опасности. По возвращении с войны отца Варсонофия назначили настоятелем Оптинского скита.

Вскоре слава о нём разнеслась по всей России, и многие устремились к нему за исцелением истерзанных, истомлённых грехом душ, за ответом на вопрос: как жить, чтобы спастись? Преподобный Варсонофий имел от Бога особое дарование — он видел человеческую душу, и по молитвам ему открывалось в человеке самое сокровенное. Это давало ему возможность воздвигать падших, направлять людей на истинный путь, исцелять душевные и телесные болезни, изгонять бесов.

Его дар прозорливости особенно проявлялся при совершении таинства Исповеди. Одна женщина рассказывала, как старец Варсонофий, впервые увидев её во время исповеди, рассказал ей всю её жизнь год за годом, проступок за проступком, не только указывая точно даты, когда они были совершены, но также называя и имена людей, с которыми они были связаны. А завершив этот страшный пересказ, велел: «Завтра ты придёшь ко мне и повторишь мне всё, что я тебе сказал. Я хотел тебя научить, как надо исповедоваться».

В 1912 году преподобного Варсонофия назначили настоятелем Старо-Голутвина Богоявленского монастыря. Это почётное назначение было для него большой скорбью, потому что старец всей душой хотел окончить свои дни в Оптиной пустыни, кроме того он в то время уже очень тяжело и неизлечимо болел. Но старец проявил послушание и всеми силами взялся за благоустройство вверенной ему обители, к тому времени пришедшей в упадок, как в материальном, так и в духовном отношении.

Преподобный Варсонофий управлял Старо-Голутвиным монастырём меньше года, но многое успел изменить к лучшему. Он принимал без отказа всех, кто искал у него совета и молитвенной помощи, монахов и мирских. Весной 1913 года, когда приблизились его последние дни, преподобный Варсонофий стал ежедневно причащаться, отказался от

помощи врачей (потому что она была уже бесполезной) и мирно предал свою святую душу в руки Господа Иисуса Христа.

Сохранились записи нескольких десятков бесед преподобного Варсонофия с духовными детьми, его келейные записки, письма, а также воспоминания о старце. Приведём здесь некоторые его высказывания (заголовки — автора книги).

Разные пути ко спасению

Есть разные пути ко спасению. Одних Господь спасает в монастыре, других в миру... Везде спастись можно, только не оставляйте Спасителя. Цепляйтесь за ризу Христову — и Христос не оставит вас.

О важности посещения храма

Верный признак омертвления души есть уклонение от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего, начинает избегать ходить в церковь, сначала старается прийти к службе попозже, а затем и совсем перестаёт посещать храм Божий.

Внешняя и внутренняя обитель

Ищущие Христа обретают Его, по неложному евангельскому слову: «Стучите и отверзется вам, ищите и обрящете», «В доме Отца Моего обителей много». И заметьте, что здесь Господь говорит не только о небесных, но и о земных обителях, и не только о внутренних, но и о внешних.

Каждую душу ставит Господь в такое положение, окружает такой обстановкой, которая наиболее способствует её преуспеянию. Это и есть внешняя обитель, исполняет же душу покой мира и радования — внутренняя обитель, которую готовит Господь любящим и ищущим Его.

Бог даёт только полезное

Нужно помнить, что Господь всех любит и обо всех печётся, но если, и по-человечески рассуждая, опасно дать нищему миллион, чтобы не погубить его, а сто рублей легче могут поставить его на ноги, то тем более Всеведущий Господь лучше знает, кому что на пользу.

Необходимость духовного труда

Нельзя научиться исполнять заповеди Божии без труда, и труд этот трехстатный: молитва, пост и трезвение.

Самое трудное — молитва. Всякая добродетель от прохождения обращается в навык, а в молитве нужно понуждение до самой смерти. Ей противится наш ветхий человек, и враг особенно восстаёт на молящегося. Молитва — вкушение смерти для диавола, она поражает его. Даже святые, как, например, преподобный Серафим, и те должны были понуждать себя на молитву, не говоря уже о нас, грешных.

Второе средство — пост. Пост бывает двоякий: внешний — воздержание от скоромной пищи и внутренний — воздержание всех чувств, особенно зрения, от всего нечистого и скверного. Тот и другой неразрывно связаны друг с другом. Некоторые понимают только пост внешний. Приходит, например, такой человек в общество, начинаются разговоры, осуждение ближних, он принимает в них деятельное участие. Но вот наступает время ужина. Гостю предлагают котлеты, жаркое... Он решительно заявляет, что не ест скоромного.

— Ну, полноте, — уговаривают хозяева, — скушайте, ведь не то, что в уста, а то, что из уст.

— Нет, я насчёт этого строг.

И не понимает такой человек, что он уже нарушил внутренний пост, осуждая ближнего. Вот почему так важно трезвение. Трудясь для своего спасения, человек мало-

помалу очищает своё сердце от зависти, ненависти, клеветы, и в нём насаждается любовь.

ПРЕПОДОБНЫЙ АНАТОЛИЙ ОПТИНСКИЙ (ПОТАПОВ)

Преподобный Анатолий (в миру — Александр Алексеевич Потапов) родился в 1855 году в Москве, в старинной купеческой семье. Родителями он был воспитан в благочестии и страхе Божиим, и ещё с ранних лет в сердце его возгорелось желание всецело посвятить жизнь Богу и стать монахом. Однако мать не благословила раннее стремление сына оставить мир и пожелала, чтобы он пребыл с нею до её смерти.

Александр окончил уездное училище, а затем занимался торговлей, служил приказчиком в Калуге. Эти годы в гуще мирской жизни обогатили его опытом общения с самыми разными людьми, который очень пригодился будущему старцу.

После кончины матери Александр в возрасте тридцати лет поступил в Оптину пустынь и сделался келейником преподобного Амвросия, а после его блаженной кончины — келейником старца Иосифа. В монашестве он получил имя Анатолий, а со временем был рукоположен в священный сан.

Но ещё до принятия священства отец Анатолий обрёл дар духовного руководства и прозорливости и сделался общепризнанным Оптинским старцем. Причём постепенно число посетителей иеромонаха Анатолия так увеличилось, что, бывало, даже настоятелю монастыря архимандриту Ксенофонту нелегко было протиснуться сквозь толпу, чтобы попасть на исповедь к старцу. Батюшка принимал всех без ограничения времени, несмотря на усталость и развившиеся с годами болезни.

Имел старец и дар исцеления телесных недугов. Чтобы избежать лишнего прославления от людей, он старался скрывать этот дар, посылая болящих, как правило, на источник преподобного Пафнутия близ Оптиной или на могилку старца Амвросия или исцелял посредством какой-нибудь вещи.

После Октябрьской революции начались гонения на монахов со стороны новых властей. Их ссылали, арестовывали, издевались над ними. Когда духовные чада предложили преподобному Анатолию на время оставить Оптину, он ответил решительным отказом: «Что же в такое время я оставлю святую обитель? Меня всякий сочтёт за труса, скажет: когда жилось хорошо, то говорил: терпите — Бог не оставит, а когда пришло испытание, первый удрал. Если и погонят, то тогда оставлю святую обитель, когда никого не будет. Последним выйду и помолюсь и останкам святых старцев поклонюсь, тогда и пойду». Но этому не суждено было сбыться.

В 1918 году старец был ненадолго арестован. По дороге в тюрьму он тяжело заболел и вернулся в обитель совсем измученный, еле живой, но со светлой улыбкой и благодарением Господу. Старец никого не осудил. В тяжких испытаниях он исполнил заповедь Господню о любви к врагам: благословлял глумившихся, прощал ненавидевших, молился за обижающих.

В послереволюционные годы зимой в келье старца почти не топили, потому что не хватало дров. Да ещё ослеплённая большевистской пропагандой молодёжь не раз выбивала в его келье стёкла. В ней было так холодно, что морозными ночами вода в кружке на столе застывала. Всё это расстроило и без того слабое здоровье преподобного, но он однако сохранял удивительное спокойствие да ещё и ободрял монашескую братию.

Летом 1922 года в Оптину приехала чрезвычайная комиссия. Старца Анатолия долго допрашивали и хотели увезти. Батюшка сохранял мирное расположение духа и смиренно попросил отсрочить арест на один день, чтобы ему можно было подготовиться в путь. Чекисты согласились, пригрозив келейнику, чтобы на завтра старец был обязательно готов к отъезду. После этого преподобный уединился у себя в келье, помолился и предал свою душу Богу.

На другой день утром приехала комиссия. Спросили келейника: «Старец готов?» «Да, — ответил он, — готов», — и открыл перед посетителями дверь кельи, посреди которой уже стоял гроб с телом почившего старца.

ПРЕПОДОБНЫЙ НЕКТАРИЙ ОПТИНСКИЙ (ТИХОНОВ)

Преподобный Нектарий был учеником оптинских старцев Анатолия (старшего, Зерцалова) и Амвросия. Пятьдесят лет он провёл в скиту Оптиной пустыни, из них двадцать — в затворе. А последние годы его жизни пришлись на время тяжёлых испытаний для Русской Православной Церкви и для всей России. Наделённый Богом великими дарами пророчества и прозорливости, он задолго до революции и Гражданской войны предвидел грядущие беды и скорби народа. Старец Нектарий молился за всех, утешал людей, укреплял их в вере.

Преподобный Нектарий (в миру — Николай Васильевич Тихонов) родился в 1853 году в бедной семье. Отец его работал на мельнице. Когда мальчику исполнилось семь лет, отец умер. Перед кончиной он благословил сына иконой святителя Николая, поручая его попечительству своё чадо. С этой иконой старец не расставался всю жизнь.

С матерью у Николая были самые тёплые и сердечные отношения. Она всегда действовала кротостью и умела тронуть его сердце. Но и мать его умерла рано, так что мальчик остался круглым сиротой. С одиннадцати лет он стал работать в лавке богатого купца. В свободное время юноша любил ходить в храм и читать церковные книги. Его отличали кротость, скромность и душевная чистота.

Когда Николаю исполнилось двадцать лет, старший приказчик задумал женить его на своей дочери и, будучи человеком благочестивым, отправил Николая за благословением на брак к одной известной схимнице. А та сказала ему, чтобы он пошёл за благословением в Оптиную пустынь. В Оптиной Николай встретился со старцем Амвросием, разговаривал с ним два часа и... навсегда остался в монастыре.

Со временем он был пострижен в монашество с именем Нектарий и рукоположен в священный сан. В те же годы, ещё будучи не старым по годам, он обрёл от Бога великие дары прозорливости, чудотворения и рассуждения. Но по своему смирению эти высокие духовные дарования он скрывал под внешним юродством. Оптинские старцы часто прикрывали своё духовное величие юродством — шутками, чудачеством, неожиданными резкостями или непривычной простотой в обращении со знатными и заносчивыми посетителями. На юродство он имел благословение от своих духовных наставников.

Высоко ценил старец послушание. Он говорил: «Примите совет на всю вашу жизнь: если начальники или старшие вам предложат что-нибудь, то, как бы трудно ни было или как бы высоко ни казалось, не отказывайтесь. Бог за послушание поможет».

Как-то спросили старца, должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить их или утешить. «Иначе облегчить нельзя, — ответил он. —

И вот чувствуешь иногда, что на тебе словно гора камней — так много греха и боли принесли тебе, и прямо не можешь снести её. Тогда приходит благодать и размётывает эту гору камней, как гору сухих листьев. И можешь принимать снова».

После закрытия Оптиной пустыни преподобного Нектария арестовали. По требованию властей ему пришлось уехать в Брянскую область, где он поселился в селе Холмищи у одного крестьянина. Но и в Холмищи, невзирая на трудности, добирались его духовные чада в поисках утешения и совета. Люди ехали со всех концов России. Даже святой Патриарх Тихон советовался с преподобным Нектарием через своих доверенных лиц.

Добираться до села, особенно весной из-за разлива рек, было трудно, сообщение на лошадях прекращалось. Порой приходилось идти пешком в обход до семидесяти пяти вёрст мимо леса, где было много волков. Но по милости Божией никто из посетителей преподобного Нектария от них не пострадал.

Старец мирно преставился ко Господу в 1928 году.

ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК НИКОН ОПТИНСКИЙ (БЕЛЯЕВ)

Преподобноисповедник Никон родился в 1888 году в московской купеческой семье и в Крещении был наречён Николаем. Дед его по матери, Лаврентий Иванович, был очень богатым торговцем и при этом вполне честным человеком. Он любил повторять: «Чужая копейка, внесённая в дом, как пожар, сожжёт его». И ещё говорил: «Неправильная поговорка — “не обманешь — не продашь”. Я за всю мою жизнь никогда никого не обманул, а дело моё шло всегда лучше, чем у других». Лаврентий Иванович любил посещать

церковь Божию и сам иногда пел на клиросе. Он сподобился тихой и мирной христианской кончины: в двенадцать часов дня причастился Святых Христовых Тайн и к вечеру отошёл ко Господу.

Родители Николая, тоже купцы, жили в доме Лаврентия Ивановича. На Николая общение с благочестивым дедушкой оказало благотворное влияние. Хотя правильных понятий о внутренней духовной жизни мальчику привито не было, он очень любил молиться в церкви. По воспоминаниям самого отца Никона, любовь к храму была одной из главных причин, приведших его в дальнейшем к монашеству и — главное — к Богу.

Будучи студентом университета, Николай увлёкся духовным чтением, прочитал Евангелие, Апостол, а затем прекрасную книгу святителя Феофана Затворника «Путь ко спасению». Постепенно он углублялся в истинное покаяние, и Господь, видя искреннее стремление юноши в Царство Небесное, направил его стопы в Оптиную пустынь.

В Оптиной пустыни Николай стал секретарём начальника скита игумена Варсонофия, одного из великих Оптинских старцев, причисленного к лику преподобных отцов. Немногим более четырёх лет пробыл Николай в тесном духовном общении с преподобным Варсонофием, но эти годы заложили в его душе настоящий духовный фундамент отвержения своей воли перед волей Божией, молитвы и рассуждения.

Уже после блаженной кончины старца он был пострижен в монашество с именем Никон, а буквально накануне Октябрьской революции был рукоположен в иеромонаха.

В 1917 году к власти в стране пришли безбожники, и начались жесточайшие гонения на Церковь. Уже в феврале 1918 года в Оптину пустынь прибыли красногвардейцы, грубо облазили монастырь и скит, описали всё церковное имущество. И дальше в течение нескольких месяцев

прославленная своими святыми старцами обитель постепенно разорялась гонителями.

В 1919 году монастырь был официально закрыт, но монахи в нём ещё жили, считаясь работниками разных производств, которые были устроены на территории обители, и музея, директором которого был временно назначен отец Никон.

В 1922 году большая часть монахов была изгнана из монастыря, который поступил в особое ведение ОГПУ. Но игумен Никон там пока оставался, он даже продолжал принимать на исповедь народ, который всё ещё по старой памяти шёл в Оптину за советом и духовной поддержкой. В 1924 году богоборческие власти окончательно прекратили всякие остатки монашеской жизни в Оптиной пустыни, и отец Никон перебрался в находящийся неподалёку город Козельск. Там он служил в соборе, произносил замечательные проповеди, окормлял своих духовных чад. Но тучи большевистских гонений сгущались над жившими в Козельске монахами, и в конце 20-х годов почти все они были репрессированы.

В 1927 году отца Никона арестовали и по решению ОГПУ отправили на три года в Соловецкий концлагерь. По отбытии срока он не был отпущен, а без суда и следствия сослан в Северный край. Ещё на Соловках он заболел туберкулёзом, и в условиях северной ссылки болезнь стала стремительно развиваться. Положение ухудшалось ещё и тем, что хозяйка, у которой вынужден был поселиться отец Никон, была очень жестокой и заставляла больного монаха много и тяжело работать. Когда же он совсем ослабел, хозяйка просто выгнала его из дому. Отца Никона приютил знакомый ссыльный священник, но дни святого исповедника были уже сочтены. Перед кончиной он сподобился причащения Святых Христовых Тайн и мирно предал свою душу Господу.

Преподобноисповедник Никон писал много писем, которые спустя годы были опубликованы, и, как и дневник, который он вёл, являются прекрасным душеполезным чтением для христиан. Сохранились также записи некоторых его проповедей и воспоминания о нём духовных чад. Приведём здесь некоторые наставления отца Никона (заголовки — автора книги).

Потерпи себя

Надо терпеть не только постигающие скорби, но и себя терпеть надо...

Правило — небольшое, но постоянное и со вниманием

Молитвенное правило пусть будет лучше небольшое, но исполняемое постоянно и внимательно... Пятисотницу лучше одной выполнять. Однообразие произносимых слов для проходящих молитву Иисусову очень важно.

Отношение к хулителям Бога

На кощунствующих надо смотреть как на больных, от которых мы требуем, чтобы они не кашляли и не плевали...

О послушании внешнем и внутреннем

Если нет возможности исполнить обет послушания, некому повиноваться, надо иметь готовность всё делать согласно воле Божией. Есть два вида послушания: внешнее и внутреннее. При внешнем послушании требуется полное повиновение, исполнение всякого дела без рассуждения. Внутреннее послушание относится к внутренней, духовной жизни и требует руководства духовного отца. Но совет духовного отца следует проверять Священным Писанием... Истинное послушание, приносящее душе великую пользу,

это когда за послушание исполняешь то, что несогласно с твоим желанием, наперекор себе. Тогда Сам Господь берет тебя на Свои руки...

Врач — от Бога

Врачей и лекарство создал Господь. Нельзя отвергать лечение.

Можно сидеть в храме

При слабости сил и усталости сидеть в церкви можно: «Сыне, даждь Ми сердце твое». «Лучше сидя думать о Боге, чем стоя — о ногах», — сказал святитель Филарет Московский.

Приветливость — не лицемерие

Не надо давать волю своим чувствам. Надо понуждать себя обходиться приветливо и с теми, которые не нравятся нам.

Не верить приметам

Верить приметам не должно. Нет никаких примет. Господь управляет нами Своим Промыслом, и я не завишу от какой-либо птицы или дня, или другого чего-либо. Кто верит предрассудкам, у того тяжело на душе, а кто считает себя в зависимости от Промысла Божия, у того, наоборот, на душе радостно.

О любви к ближним

Надо любить всякого человека, видя в нём образ Божий, несмотря на пороки его. Нельзя холодностью отстранять от себя людей.

О пользе гонений

Гонения и притеснения полезны нам, ибо они укрепляют веру.

Не считай зло своим

Надо всё дурное, также и страсти, борющиеся нас, считать не своими, а от врага — дьявола. Это очень важно. Тогда только и можно победить страсть, когда не будешь считать её своей.

Беспечальное место

Если хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ни к чему и ни к кому. Печаль исходит от привязанности к видимым вещам.

Никогда не было, нет и не будет беспечального места на земле. Беспечальное место может быть только в сердце, когда Господь в нём.

Бог не освобождает от скорбей, а укрепляет в скорбях

В скорбях и искушениях Господь помогает нам. Он не освобождает нас от них, а подаёт силу легко переносить, даже не замечать их.

Правда человеческая и правда Божия

Не следует добиваться человеческой правды. Ищи только правды Божией.

Духовник указывает путь, а трудиться нужно самому

Духовный отец, как столб, только указывает путь, а идти надо самому. Если духовный отец будет указывать, а ученик его сам не будет двигаться, то никуда и не уйдёт, а так и сгниёт около этого столба.

Сначала сама прости

Прежде, чем у Господа просить прощения, надо самой простить... Так сказано в молитве Господней.

Я обидчива — как понять?

Ты считаешь себя не обидчивой. Но ты не обижаешься в таких вещах, которыми ты не интересуешься. Если же коснётся того, чем ты дорожишь, — ты обижаешься...

Разные молчания

Молчание полезно для души. Когда мы говорим, тогда трудно удержаться от празднословия и осуждения. Но есть молчание плохое, это когда кто злится и потому молчит.

За что осудишь, в то и впадёшь

Всегда помните закон духовной жизни: если смутишься каким-либо недостатком другого человека и осудишь его, впоследствии тебя постигнет та же участь, и ты будешь страдать тем же недостатком.

Злословящий ранит себя

Если скажешь про брата или сестру что-либо дурное, даже если это будет правда, то ты своей душе нанесёшь неисцельную рану. Передавать о погрешностях другого можно только в том случае, когда в сердце твоём единственное намерение — польза души согрешившего.

Отношением к ближнему решается моя вечная участь

Спасение ваше и погибель ваша — в ближнем вашем. Спасение ваше зависит от того, как вы относитесь к своему ближнему. Не забывайте в своём ближнем видеть образ Божий.

Тщательность в пустяках — полезна

Всякое дело, каким бы ничтожным оно вам ни казалось, делайте тщательно, как пред лицом Божиим. Помните, что Господь видит всё.

ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК СЕВАСТИАН (ФОМИН)

Преподобноисповедник Севастиан родился в 1884 году на Орловщине в крестьянской семье и в Крещении был назван Стефаном. Он был тихим и благочестивым, способным к учению мальчиком, так что сверстники в шутку часто называли его «монахом». Самым большим утешением для Стефана было посещение Оптиной пустыни, где подвизался его родной брат.

Когда Стефан стал взрослым, он сам поступил в Оптину пустынь и сделался келейником иеромонаха Иосифа (Литовкина), одного из великих Оптинских старцев. «Жили мы со старцем, — вспоминал он впоследствии, — как с родным отцом. Вместе с ним молились, вместе кушали, вместе читали или слушали его наставления». После кончины преподобного Иосифа Стефан стал келейником у старца Нектария (Тихонова) и был под его духовным руководством.

В 1917 году Стефан был пострижен в монашество с именем Севастиан, а в 1923 году рукоположен в сан диакона. Вскоре власти выгнали из Оптиной пустыни всех монахов. Последнюю литургию они отслужили в полночь, а в шесть часов утра последний оставшийся в обители храм был закрыт и опечатан. Братия разошлась кто куда; многие, в том числе и отец Севастиан, поселились в ближайшем городе Козельске. В 1927 году его рукоположили в сан священника.

В 1933 году иеромонах Севастиан был арестован по ложному обвинению. Мучители выставили его на всю ночь на мороз в одной рясе, требуя отречения от веры. Но по милости Божией отец Севастиан не замёрз, а утром следовательно сказал ему: «Коль ты не отрёкся от Христа, так иди в тюрьму».

На допросах отец Севастиан держался мужественно и прямо. Он никого не выдал, но и своих взглядов не пытался скрывать, он прямо заявил следователю: «На все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей. Нужно молиться, молиться Богу, а также жить в любви, тогда только мы от этого избавимся».

Отцу Севастиану дали семь лет лагеря. Там сотрудники ОГПУ его снова били и истязали, требуя отречения от Бога. Видя стойкость исповедника, его отправили в барак к уголовникам, надеясь, что закоренелые преступники сломят дух отца Севастиана. Но Господь и там сохранил его. В 1939 году отец Севастиан, отбыв срок, был освобождён из лагеря.

Он поселился неподалёку от места своего заключения в городе Караганде, в Казахстане, куда заранее приехали несколько его духовных дочерей, монахинь, и поселился в купленном ими доме. Кончилось исповедническое бытие в узах, началось монашеское житие на воле.

Члены этой иноческой общины вставали рано утром, вместе молились, затем сёстры шли на работу, а отец Севастиан по слабости здоровья оставался дома: приносил воду, варил обед, чинил и чистил обувь. Когда обстоятельства позволяли, он служил литургию, а все другие уставные богослужения отец Севастиан совершал ежедневно.

Среди духовных чад батюшки были по большей части люди, пережившие тяжкие страдания от коммунистической власти. Сохранились воспоминания некоторых из них.

Мария Васильевна Андриевская вспоминала, как её семью вместе со многими другими невинно высланными привезли из Саратовской области в Казахстан в вагонах для скота. Их выгрузили под дождём на голую землю посреди степи, а через двое суток отвезли на место жительства, где

ничего не было, кроме охраны, которая не давала несчастным людям куда-нибудь уйти.

Среди них были и взрослые, и маленькие дети, и старики. Из восемнадцати тысяч высланных за полгода умерло тринадцать тысяч. Отец и бабушка Марии Васильевны умерли, ей самой было пять лет, мать осталась с шестью детьми и слепой бабушкой. Чтобы как-то выжить, мать и дети собирали милостыню, но воровать мать запрещала: «Нет, дочка, чужим никогда не наешься. Ты лучше пойди ручку протяни».

Перенеся ещё много горя, оставшиеся в живых члены этой семьи познакомились со старцем Севастианом, по его благословию перебрались в Караганду и, по словам Марии Васильевны, «уже как в раю стали жить. За год по его благословию дом поставили. И уже всегда при батюшке были, все скорби свои ему несли».

Василий Иванович Самарцев рассказывал о своей большой семье, которую разорила советская власть. Отца в 1931 году посадили в тюрьму, а мать с шестью детьми выслали из Оренбургской области в Казахстан. Старшему мальчику было одиннадцать лет, а младший был грудным ребёнком.

Их высадили в открытую степь, для жилья они сами себе вырыли яму и накрыли её сломанным сундуком. Но это было в мае. К зиме люди, непосильно трудясь, смогли построить бараки для жилья, но в них было так холодно, тесно и голодно, что ссыльные умирали один за другим. Через два года таких мучений из двадцати пяти тысяч людей, привезённых в этот «посёлок», выжило только пять тысяч.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны Василий Иванович узнал о старце Севастиане, что он освобожден и живёт в Караганде. Василий Иванович вспоминал: «Я очень хотел встретить его в городе, и я его

встретил, подошёл к нему и заговорил. И сколько мне было радости, когда он повёл меня в свой дом на Нижнюю улицу. С тех пор завязалось наше знакомство».

И таких страшных историй было множество. В каждом посёлке спецпереселенцев ежедневно умирало по несколько десятков, а иногда и сотен человек. Зарывали их, умерших от голода и болезней, без отпевания. На могилах не было ни холмиков, ни крестов. Старец Севастиан, придя на одно такое кладбище, как-то раз сказал: «Здесь день и ночь на этих общих могилах мучеников горят свечи от земли до неба».

В 1944 году в доме, где жил отец Севастиан вместе со своими духовными дочерьми, монахинями, была устроена небольшая церковь. Тогда из многих областей в Караганду стали съезжаться духовные дети старца, ища пастырского наставления. С годами община верующих обжилась, даже получила официальную регистрацию и смогла перестроить свой молитвенный дом в небольшой, но настоящий храм.

Духовные чада старца сохранили и передали некоторые его богомудрые наставления. О молитве и поведении в храме Божиим он говорил: «Молиться можно на всяком месте, во всякое время: стоя, сидя, лёжа, во время работы, в пути. Только разговаривать в храме грешно».

Жалующимся на болезнь иногда говорил: «Одно пройдёт, другое найдёт!» «Болезнь нам необходимо, иначе не спасёмся. Болезни — гостинцы с неба!» Но тем, кто, модничая, одевался слишком легко, советовал: «Берегите своё здоровье, оно — дар Божий. Злоупотреблять своим здоровьем грешно перед Богом».

Сохранилось немало воспоминаний о благодатной помощи старца: исцелениях от болезней, помощи в тяжких житейских невзгодах. Но сам отец Севастиан с годами становился всё слабее, болезни усиливались в нём, хотя добрый

пастырь до последнего дня был в здравом уме и пребывал в молитве и духовном общении с верными духовными чадами.

19 апреля 1966 года (по новому стилю) преподобноисповедник Севастиан Карагандинский мирно отошёл ко Господу. Его святые мощи были обретены в 1997 году и перенесены в новый храм Рождества Пресвятой Богородицы в Караганде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершился наш краткий обзор ветвей духовного древа преподобного Паисия (Величковского). В основном, мы рассказали о жизни подвижников на территории России и Украины, но упомянули мы далеко не всех. В книге протоиерея Сергия Четверикова «Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество» приводится список из 107 больших и маленьких монастырей, скитов и некоторых иноческих общин, получивших от преподобного Паисия или от его учеников свои уставы, своих старцев или настоятелей или имевших его учеников и последователей среди своего братства. И этот список отец Сергей признаёт далеко не полным. Что же говорить о самих подвижниках — учениках преподобного Паисия!

Из тех 107 монастырей почти все были закрыты в годы большевистских гонений на Церковь в XX веке, насельники их были уничтожены или разошлись кто-куда. Казалось бы, древо Паисия навсегда погибло, но не так оказалось на деле. До конца не прервалась живая традиция, хотя и превратилась на десятилетия из обильного потока в тонкие речки и ручейки.

Так архимандрит Нектарий (Нуждин), последний настоятель Глинской пустыни до её закрытия в 1922 году, дожил до её открытия в 1942 году и вновь сделался её настоятелем. При нём в обители было восстановлено старчество,

и сам он стяжал духовную рассудительность, прозорливость и дар пастырского попечительства.

Отец Нектарий учил, что полное отсечение своей воли и вручение её в руки духовного руководителя способствует искоренению страстей, исполнению заповедей, смирению, и наконец — святому бесстрастию.

Чувствуя свою близкую кончину, он передал управление обителью отцу Серафиму (Амелину), но, отстранившись от дел управления, не перестал принимать приходивших к нему за советом, молитвой или благословением и продолжал духовно окормлять братию.

Отец Серафим (Амелин) был настоятелем и старцем Глинской пустыни с 1943 года до своей кончины в 1958 году. При нем старчество в обители продолжало развиваться. Под «духовным крылом» отца Серафима выросли и были в 2010 году причислены Церковью к лику преподобных схимитрополит Тетрицкаройский Серафим (Мажуга), схиархимандрит Андроник (Лукаш) и схиархимандрит Серафим (Романцов). Сам схиархимандрит Серафим (Амелин) был канонизован в 2008 году.

Слава Богу, Глинская духовная река — не единственное в наше время продолжение возрождённой трудами преподобного Паисия (Величковского) традиции умного делания и старческого окормления. Можно было бы рассказать и о других потоках, да о них и рассказано во множестве изданных в последние десятилетия книгах воспоминаний о святых и подвижниках благочестия XX века.

Книги! Вот второе после непосредственного общения верного духовного чада с богопросвещённым духовным отцом дарованное нам Богом средство приобщения к святой традиции! То сокровище, которое когда-то преподобному Паисию и его непосредственным ученикам приходилось с трудом разыскивать, приобретать порой за немалые деньги, переводить на церковнославянский язык

и переписывать от руки, теперь доступно каждому из нас. И «Добротолюбие», и «Авву Дорофея», и «Лествицу», и жизнеописание самого преподобного старца Паисия можно приобрести в книжных магазинах и приходских лавках городских храмов, и каждый может их легко найти в сети Интернет.

Надо признать, что путь полного послушания духовному старцу не характерен для нашего времени. Хотя святые не иссякнут в Церкви Христовой до конца веков, но дар прозорливости, дар подлинного различения духов, дар отвечать не на произносимые человеком слова, а на подлинные запросы его сердца — эти дары, и всегда бывшие редкими, стали в наше время редчайшими. Об этом писал святитель Игнатий (Брянчанинов) ещё в XIX веке, что же говорить о нынешнем!

Но чтение святоотеческих книг даёт христианину верный духовный ориентир. И если человек будет внимательно их читать с намерением применить святоотеческий опыт в своей жизни ради вечного спасения, то Бог или пошлёт ему в помощь опытного духовного отца (не обязательно прозорливого и во всех отношениях совершенного старца), или найдёт, как помочь этому человеку иначе.

Главное — наше желание идти путём отцов. Этот путь всегда был, есть и будет крестным, то есть путём скорбей, болезней, разочарований, иногда даже падений (по нашей немощи), но и восстаний (по милости Божией). Тот, кто решится взять на себя возложенный Христом крест и будет просить помощи у Бога, тот эту помощь обязательно получит.

Как получит? В главном она всем нам уже дарована в Церкви, в Её Таинствах. Кроме того, нас всё время направляют и поправляют посылаемые Богом обстоятельства жизни. И всем нам путь отцов указан, показан и подробно описан в святоотеческих книгах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЛОВО О МОЛИТВЕ	3
КРАТКОЕ ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ (ВЕЛИЧКОВСКОГО), И НЕМНОГО О ПРЕПОДОБНОМ ВАСИЛИИ ПОЛЯНОМЕРУЛЬСКОМ	9
ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ	15
ПАИСИЕВО ДРЕВО В РОССИИ	18
ВЫДАЮЩИЕСЯ РУССКИЕ АРХИЕРЕИ, ОСОБЕННО ПОСЛУЖИВШИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ (ВЕЛИЧКОВСКОГО)	19
Митрополит Московский Платон (Левшин)	19
Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров)	21
Святитель Филарет, митрополит Киевский и Галицкий (Амфитеатров)	24
Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский (Дроздов)	28
Святитель Феофан Затворник (Говоров)	36
Святитель Игнатий (Брянчанинов)	40
ГЛАВНЫЕ СТОЛЫ ПАИСИЕВА ДРЕВА В РОССИИ	45
ЮЖНЫЙ СТОЛ ПАИСИЕВА ДРЕВА	47
Площанская пустынь	47
Преподобный Василий (Кишкин)	49

Усть-Медведицкий женский монастырь.....	52
Преподобная Ардалиона Усть-Медведицкая	52
Преподобная Арсения Усть-Медведицкая (Себрякова)	54
Преподобный Феодосий (Маслов)	63
Глинская пустынь.....	64
Преподобный Филарет Глинский (Данилевский)	65
Преподобный Макарий Глинский (Шаров).....	68
Преподобный Арсений Глинский, архимандрит Святогорский	70
Преподобный Евфимий Глинский (Любимченко)	72
Преподобный Илиодор Глинский	74
Преподобный Иннокентий Глинский	77
Преподобный Архипп Глинский (Шестаков).....	79
Преподобный Иоанникий Глинский (Гомолко)	81
Сибирская ветвь Паисиева древа	86
Преподобный Василиск Сибирский	86
Преподобный Зосима (Верховский).....	89
Праведный Петр (Мичурин)	92
Преподобный Макарий Алтайский (Глухарев).....	94
Северный ствол Паисиева древа	97
Пустынник Феофан Соловецкий	98
Александро-Свирский монастырь.....	101
Схимонах Феодор (Пользиков).....	101
Иеросхимонах Клеопа (Антонов).....	104
Белобережская Брянская мужская пустынь	105
Архимандрит Феофан Новоезерский (Соколов)	106
Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра в Санкт-Петербурге	110
Преподобный Феодор Санаксарский (Ушаков)	112

Валаамский монастырь.....	116
Преподобный Назарий Валаамский (Кондратьев).....	117
Игумен Варлаам Валаамский	120
Игумен Дамаскин Валаамский.....	122
Центральный ствол Паисиева древа.....	124
Троице-Сергиева Лавра	125
Преподобный Серафим Саровский	125
Преподобный Клеопа Покровский.....	130
Введенская Островская пустынь.....	133
Архимандрит Игнатий (Ушаков)	133
Пешношский монастырь.....	135
Архимандрит Макарий (Брюшков)	137
Симонов и Новоспасский московские монастыри	138
Иеромонах Филарет (Пуляшкин), старец Новоспасского монастыря.....	140
Архимандрит Александр (Подгорченков).....	143
Схимонахиня Марфа (Протасьева)	144
Брянский Свенский монастырь	148
Схимонах Афанасий (Охлопов)	149
В Рославльских лесах	150
Преподобный Феофан Рославльский (Талунин).....	152
Схимонах Афанасий (Захаров)	154
Оптина пустынь	155
Оптинские старцы.....	156
Преподобный Моисей Оптинский.....	160
Преподобный Антоний Оптинский.....	165
Преподобный Лев Оптинский (Наголкин).....	171
Преподобный Макарий Оптинский.....	178

Иеросхимонах Феодот (Кольцов)	186
Преподобный Иларион Оптинский (Пономарёв)	188
Преподобный Амвросий Оптинский (Гренков).....	190
Казанская Свято-Амвросиевская женская пустынь в Шамордине	198
Схиархимандрит Агапит (Беловидов)	199
Иеромонах Платон (Покровский).....	200
Преподобный Исаакий Оптинский (Антимонов)	201
Иеромонах Климент (Зедергольм).....	203
Монах Климент (Леонтьев)	205
Игумен Феодосий (Попов).....	207
Преподобный Анатолий Оптинский (Зерцалов).....	208
Преподобный Иосиф Оптинский (Литовкин).....	215
Архиепископ Виленский и Литовский Иувеналий (Половцев).....	218
Архимандрит Леонид (Кавелин).....	221
Преподобный Варсонофий Оптинский (Плиханков).....	223
Преподобный Анатолий Оптинский (Потапов)	229
Преподобный Нектарий Оптинский (Тихонов).....	231
Преподобноисповедник Никон Оптинский (Беляев)	233
Преподобноисповедник Севастиан (Фомин)	240
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245

Духовно-просветительское издание

**Протоиерей
Константин Островский**

ДРЕВО ПАИСИЯ

Ответственный редактор *Е. Носкова*

Художник *М. Шестаков*

Корректор *А. Беляева*

Макет *Л. Мишина*

Подписано в печать 12.12.2019.

Формат 60×90/16.

Тираж 5000 экз. Заказ № 4937.

Интернет-магазин православной литературы Синописиь

knigipochtoi.ru

8 (800) 511 7972

+7 (999) 913 7972

synopsys-on@yandex.ru

по вопросам оптовых поставок

+7 (916) 254 65 24

Отпечатано в Акционерном обществе

«Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Новая книга протоиерея Константина Островского «Древо Паисия» посвящена преподобному Паисию (Величковскому) и его духовному наследию. Преподобный Паисий не только сам достиг христианского совершенства, но своим примером и с помощью опубликованных им книг о молитве и борьбе со страстями указал деятельный путь ко спасению множеству своих учеников и через них другим монахам и мирянам в России, на Украине, в Молдавии, Румынии, Греции и в других странах.

Несколько книг духовного содержания святой Паисий написал сам, но главным подвигом его жизни был перевод писаний Святых отцов на церковнославянский язык и их распространение по многим иноческим обителям. Благодетельное духовное воздействие святого Паисия сказалось более чем в 100 монастырях множества епархий Русской Православной Церкви.

Духовное движение, начатое преподобным Паисием, живо и по сей день.

Текст книги «Древо Паисия» можно назвать свободной компиляцией текстов: житий святых, жизнеописаний подвижников благочестия, повествований о монастырях, найденных в библиотеке автора, а также в сети Интернет.

9 785604 359532

ОГНОПСИСЬ
KNIPIPOCHTOI.RU

